

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

92866

Polzhaev, P. V.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ВЪ I ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

PK

DK 90
P 6

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 марта 1878 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
ГЛАВА I.—Южныя славянскія общества до XIV вѣка	1
ГЛАВА II.—Сѣверовосточныя волости. Москва—какъ поселеніе и столичный городъ до XIV столѣтія	10
ГЛАВА III.—Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское.	18
ГЛАВА IV.—Иоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ орду и русскимъ князьямъ	33
ГЛАВА V.—Иоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе Московскаго княжества	47
ГЛАВА VI.—Симеонъ Иоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ орду и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.	62
ГЛАВА VII.— Симеонъ Иоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія	78
ГЛАВА VIII.—Правительственная власть	97
ГЛАВА IX.—Органы верховной власти	106
ГЛАВА X.—Контингентъ княжества	116
ГЛАВА XI.—Судъ	148

INSTRUCTIONS

1. The student shall write the name of the school and the name of the teacher on the top line of the page.
2. The student shall write the name of the subject on the second line of the page.
3. The student shall write the name of the book on the third line of the page.
4. The student shall write the name of the author on the fourth line of the page.
5. The student shall write the name of the publisher on the fifth line of the page.
6. The student shall write the name of the place on the sixth line of the page.
7. The student shall write the name of the year on the seventh line of the page.
8. The student shall write the name of the date on the eighth line of the page.
9. The student shall write the name of the page on the ninth line of the page.
10. The student shall write the name of the chapter on the tenth line of the page.
11. The student shall write the name of the section on the eleventh line of the page.
12. The student shall write the name of the paragraph on the twelfth line of the page.
13. The student shall write the name of the sentence on the thirteenth line of the page.
14. The student shall write the name of the word on the fourteenth line of the page.
15. The student shall write the name of the letter on the fifteenth line of the page.
16. The student shall write the name of the sound on the sixteenth line of the page.
17. The student shall write the name of the syllable on the seventeenth line of the page.
18. The student shall write the name of the word on the eighteenth line of the page.
19. The student shall write the name of the sentence on the nineteenth line of the page.
20. The student shall write the name of the paragraph on the twentieth line of the page.

ГЛАВНѢЙШІЕ ОПЕЧАТКИ.

страница.	Напечатано:	Должно читать:
3 въ примѣч.	Ипат. лѣт. с. Т.	Ипат. лѣт. с. 7
13 строка 21 и 22	Иорги	Гюрги
15 въ примѣч.	потребностей поселенія	отношеній поселенія.
16 строка 22	Дюделя	Дюдена
54 > 12	и эти	а эти прибавленія
55 > 4 примѣч.	но это вѣрно	но это невѣрно
94 > 23	въ разрѣшеніи	въ разрѣженіи
96 > 3	Густинской	Густинской
83 > 29	Клонскаго	Клонскаго
96 > 10	начата	начаша
108 > 22	Князь	Князь
111 > 31	тгуны	тіуны

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

въ 1-ой половинѣ XIV вѣка.

Историческій этюдъ.

Г Л А В А I.

Южныя славянскія общества до XIV вѣка.

Съ XIV вѣка начинается рядъ великихъ князей московскихъ, рядъ, завершившій въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательно и неуклонно объединеніе сѣверовосточныхъ славянъ въ одно плотное и сильное государство. До XIV столѣтія общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ, какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы, представительницы новаго направленія, и тяготѣніемъ къ ней, какъ къ центру. Изъ такого знаменательнаго положенія открывается особенная важность этого періода нашей исторіи.

Предварительно изложенія историческихъ событій первыхъ Московскихъ князей, необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествующее состояніе русскихъ княжествъ до XIV вѣка, т. е. до времени возвышенія Москвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и скудныхъ извѣстіями о внутреннемъ бытѣ, имѣется однакожь достаточно данныхъ, изъ которыхъ можно получить понятіе объ организаціи древнихъ княжествъ. Славянскіи племена, занимавшія территорію нынѣшней Россіи, состояли изъ отдѣльныхъ группъ, обладавшихъ необходимыми по ихъ потребностямъ поземельными участками, съ опредѣленными пунктами населенія ¹⁾. Эти то пункты, избранные по ихъ выгоды и удобствамъ, населенные болѣе густо, составляли такъ называемые города—*civitas* или *castrum*, которыхъ окружали земли (основной и главный источникъ существованія), вѣроятно въ неопредѣленномъ пространствѣ, такъ какъ въ землѣ въ тѣ времена недостатка не могло быть. Устроенные города, съ окружавшими землями, составляли *волости* различныхъ племенъ «живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» ²⁾. Затѣмъ съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населеній, по естественному ходу явилась необходимость въ занятіи болѣе отдаленныхъ мѣстъ отъ первоначальнаго пункта города, мѣстъ, составившихъ собою особия поселенія: города второразрядные, пригороды, входившіе сначала въ составъ волости.

Управленіе волостью и вообще веденіе всѣхъ общественныхъ дѣлъ поселеній составляло право и обязанность всѣхъ

¹⁾ „Словѣни же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляховѣ друзии Лютичѣ, или Мазовшане, или Поморяне. Также и тѣ же Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Деревяне зане сѣдоша влѣсахъ; а друзии сѣдоша межѣ Припѣтью и Двиною и нарекошася Дреговичи; а инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочана, рѣчкы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота... Словѣне же сѣдоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сѣлаша городъ и нарекоша и Новъ-городъ, а друзии же сѣдоша на Десаѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера“. Лѣтопись по Ипатскому списку изд. Арх. Ком. 1871 г. стр. 3 и 4.

²⁾ *ibid.* с. 5.

полноправныхъ членовъ волости, пользующихся самостоятельнымъ голосомъ. На основаніи этого права всѣ общественные вопросы обсуждались и рѣшались въ общемъ собраніи членовъ племени *на вѣчь* общимъ равнымъ голосованіемъ, съ исключеніемъ всякаго обязательнаго преимущества какого либо голоса, — *neminem ferant imperantem* по выраженію Императора Маврыкія. Конечно при многочисленномъ составѣ вѣча, при полномъ отсутствіи всякой опредѣленности и порядка, при разнѣ племенныхъ правовъ и обычаевъ («имяху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданья каждо свой норовъ») ¹⁾ и при разнѣ единичныхъ интересовъ необходимо должны были возникать смуты и раздоры, какъ въ средѣ самого общества, такъ и въ отношеніяхъ поселеній между собою, и дѣйствительно «небѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ и быста въ нихъ усобицѣ» (Ип. лѣт. с. 11)). Такое безотрадное положеніе внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ естественно породило мысль объ избраніи лица Князя, чуждаго ихъ эгоистическимъ интересамъ и потому болѣе способнаго къ установленію порядка. «Поищемъ себѣ Князя иже бѣ *володѣль нами и судиль по праву*» (*ibid.*) рѣшилъ союзъ нѣсколькихъ племенъ, и рѣшеніе свое привелъ въ исполненіе приглашеніемъ къ себѣ Князей изъ варяжскаго рода.

Но призванные Князья и приближенные ихъ дружины не произвели никакой коренной реформы во внутренней организаціи славянскихъ обществъ, частью по малочисленности своей, частью по невысокой степени собственнаго гражданскаго развитія. Сама Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) IX-го вѣка не имѣла опредѣленныхъ политическихъ началъ. Власть Конунговъ, — число которыхъ простиралось до 40, — была необширна, неопредѣленна и касалась преимущественно военнаго распорядка; дѣлами же внутренняго правленія, гражданскаго и религіознаго, завѣдывали народные сеймы. Не было опредѣленности и въ преемственности Конунговъ: нерѣдко умершему Конунгу наследовало лицо изъ совершенно другаго рода, нерѣдко изъ сыновей умершаго только одинъ получалъ на-

¹⁾ Ип. лѣт. с. т.

слѣдственную власть, а прочіе дѣлались искателями приключеній, нерѣдко наконецъ власть Конунга раздѣлялась между сыновьями умершаго. По характеру области существовали различные Конунги: полевые (Filbis Konungar), лѣсные (Sweks Konungar), горные (Holmis Konungar) и морскіе (Seekonungar). Изъ этихъ Конунговъ только послѣдніе, по особому свойству промысла, пользовались властью болѣе значительною и болѣе опредѣленною взаимными договорами товарищества (föst brödranlang ¹⁾).

Слѣдовательно и наши Князья, выходцы варяжскаго сѣвера, могли явиться къ Славянамъ только въ качествѣ военачальниковъ, судей, охранителей порядка, но отнюдь не вводителемъ государственнаго устройства. При нихъ, точно также, какъ и прежде, разрѣшающая сила всѣхъ общественныхъ вопросовъ оставалась за вѣчемъ въ прежнемъ его составѣ и формѣ. Вѣче призывало и удаляло Князей, дѣлало съ ними рядъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, если только они не были личнымъ дѣломъ Князя и его дружины. ²⁾ Такимъ образомъ существовали вѣча въ продолженіи многихъ столѣтій во всѣхъ почти главныхъ пунктахъ населеній въ волостяхъ того времени: Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Бѣлгородѣ, Брянскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ и Залѣскомъ, Торжкѣ, Твери, Ростовѣ, Костромѣ, Суздальѣ, Звенигородѣ и проч. Княжеское присутствіе не измѣнило въ лучшемъ сущности вещей. Если съ одной стороны дѣй-

¹⁾ Далина Шведская Исторія. II 142. Strinholm, Wikingszuge I. 254—264.

²⁾ На самостоятельныя дѣйствія народа, относительно призыва и удаленія князей, въ лѣтописяхъ встрѣчаются весьма многочисленныя указанія. Такъ въ 1146 году Кіевляне, недовольные Игоремъ послали къ Изяславу „рекуше: поидемъ, княже, хочемъ тебе“. (П. С. Р. Л. I. 136), такъ въ 1150 году Кіевляне выгоняютъ Юрія, высказывая ему „поѣди, Княже, прочь (ibid. 141), такъ Ростовцы и Суздальцы „сдумавше вси, пояша Андрея (сына Юрія) и посадиша и въ Ростовѣ на отнемъ столѣ и въ Суздали (ibid. 149); въ 1175 году Владимірцы посадили у себя Князя Ярополка на столѣ во Св. Богородицѣ весь *порядъ* положилше“, а затѣмъ въ слѣдующемъ году тѣже Владимірцы говорятъ Князьямъ Ростиславичамъ: „мы есмь вольные князя себѣ пріади“ (ibid 159) и ин. друг.

ствительно выиграло дѣло правосудія и полицейское охраненіе, то съ другой стороны явились новыя причины смуть въ столкновеніяхъ правъ Князей между собою, ихъ старѣйшинствъ и ихъ притязаній на володѣнье тою или другою волостью, какъ такихъ столкновеній, къ которымъ населенія не могли относиться совершенно равнодушно уже вслѣдствіе однихъ своихъ личныхъ симпатій.

Государственнаго организма не было; не могъ онъ развиваться по отсутствію единого начала, проникающаго все общество, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, стирающаго индивидуальныя интересы во имя общаго. Въ продолженіи многихъ столѣтій волости оставались все тѣми же одинокими, разрозненными единицами, хотя и одноплеменными, но не укрѣпленными не только въ отношеніяхъ другъ къ другу, но даже и въ самихъ себѣ, единствомъ духа. Контингентъ волости составляли: Князь, его дружина и народъ,—и всѣ эти элементы не сливались въ единую жизнь. Князь, составляя высшую ступень общественной іерархіи въ княжествѣ, не былъ продуктомъ этаго княжества; напротивъ, преслѣдуя свои личныя интересы, онъ относился къ своему княжеству болѣе или менѣе благопріятно, но не жилъ его жизнью. Этимъ обстоятельствомъ объясняется обыкновенное явленіе въ нашемъ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ—легкость покиданія Княземъ своей волости, когда ему выпадала возможность завладѣть волостью болѣе выгодной. Происходя изъ одного рода, занимая и смѣняя столы по отношенію родственнаго старшинства, Князья заняты были исключительно своими личными счетами по старѣйшинству, хотя это послѣднее нисколько въ сущности не увеличивало значенія ихъ власти. Даже самый старшій изъ нихъ считавшійся старшимъ или Великимъ Княземъ, столъ котораго былъ въ старѣйшемъ изъ городовъ русскихъ—Кіевѣ, въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ, не имѣлъ надъ прочими князьями почти никакого фактическаго преобладанія, кромѣ нравственнаго и родственнаго вліянія.

Второй элементъ—княжескую дружину—составляли приближенныя къ Князю, чуждыя остальному населенію и по происхожденію и по интересамъ, какъ это ясно обнаруживается

изъ записанныхъ лѣтописцами жалобъ народныхъ на дружину, изъ уговоровъ съ Князьями относительно обузданія ея своевольствъ. Впрочемъ, не всегда и не вся дружина относилась враждебно или индеферентно къ мѣстному населенію. Княжеская дружина раздѣлялась на старѣйшую и молодшую; первую составляли самые приближенные къ Князю, видѣвшіе въ немъ и свое отечество и все свое благосостояніе, вторую же составляли вновь поступающіе на службу къ Князю изъ мѣстныхъ жителей.

Третій элементъ (народъ),—раздѣлявшійся по промысламъ и занятіямъ на различныя группы: смердовъ, огнищанъ, житыхъ людей, гостей, лучшихъ людей и бояръ, составлялъ ядро свободнаго населенія съ обычнымъ характеромъ народной массы. Затѣмъ кромѣ свободнаго населенія существовали еще несвободный и полусвободный классы: въ первомъ холопы и челядины, во второмъ закупы и наймиты. Несвободный классъ, рабы, не участвовалъ въ народномъ собраніи, какъ неимѣвшій никакихъ гражданскихъ правъ (рабство не было въ характерѣ славянъ и вѣроятно въ первыя времена его составляли только военноплѣнные), но участвовалъ ли на вѣчѣ полусвободный классъ, объ этомъ, по сохранившимся источникамъ, положительно сказать невозможно; можно предполагать, что, неся повинности, онъ не могъ имѣть рѣшающаго вліянія и въ вопросахъ, устанавливающихъ эти повинности.

Безъ сознанія идеи единства, каждый изъ этихъ элементовъ, участвуя на вѣчѣ, способенъ былъ только преслѣдовать свои личные интересы и, слѣдовательно, быть источникомъ раздоровъ и внутреннихъ усобицъ. И дѣйствительно, смуты возникали то въ отношеніяхъ волостей между собою, то въ отношеніяхъ волости къ своему Князю, то отъ частной вражды Князей. Даже въ самомъ городѣ нерѣдко возставалъ одинъ конецъ города на другой, и споръ окончивался побоищемъ. Яркое описаніе княжескихъ усобицъ находится въ поэтическомъ словѣ о полку Игоревѣ: «тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь... въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою

труны» и потомъ далѣе... «сказалъ братъ брату: это мое и это мое же, и за малое стали Князья говорить большое, начали сами на себя крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую».

По вычислениямъ покойнаго Погодина, отъ 1055 до 1228 г. встрѣчается 80 лѣтъ, въ которыхъ происходили усобицы, а изъ остальныхъ 93 лѣтъ должно исключить 45 значительныхъ нападений Половцевъ и Литовцевъ. Слѣдовательно, изъ 173 лѣтъ можно считать мирными только 48 лѣтъ (междоусобныя войны. Временникъ Общ. Истор. и древ. Росс. № 2).

Принятая съ X вѣка христіанская религія хотя и пыталась смягчить суровость нравовъ, умиротворять возникавшіе споры, но ея вліяніе еще не могло быть особенно значительнымъ какъ потому, что первые наши Святители Церкви изъ грековъ не могли быть сочувственны народу, такъ и потому, что спасительное, умиряющее ученіе Христа еще не могло уже по краткости времени проникнуть въ глубину народной массы.

Къ довершенію такого печальнаго положенія, съ первой четверти XIII столѣтія новая бѣда обрушилась надъ русской землей въ видѣ сплошнаго, неотразимаго врага. Нашествіе монголовъ сожгло и залило кровью всѣ восточныя и южныя княжества, неспособныя, по разъединенности своей, противустоять наплыву. Монголы опустошили и раззорили Русь, но не произвели въ ея общественныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Побѣдители и побѣжденные всегда оставались враждебными: на столько несогласны были ихъ религія, нравы и обычаи, на столько оказалось невозможнымъ какое нравственное единеніе между ними. Единственная перемѣна состояла въ подчиненіи Князей волѣ Хана, въ назначеніи послѣднимъ Князей и Великихъ Князей, однимъ словомъ въ низведеніи князей на ступень монгольскихъ улусниковъ, но при этомъ однакожъ необходимо замѣтить, что при назначеніяхъ въ княжеское достоинство Ханы почти всегда руководствовались правами, признаваемыми самими русскими. Монголы смотрѣли на русскія княжества, какъ на средство обогащенія, требовали дани, собирали полонъ и затѣмъ

уже вовсе не касались внутреннего распорядка. По всей вѣроятности дань, наложенная ордою, была значительна, но точный, положительный размѣръ ¹⁾ ея неизвѣстенъ. По описанію Платано-Карпини, миссіонера, проѣзжавшаго чрезъ Россію въ 1246 году, татары требовали десятины, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Отсчитывали десять и брали одного. Затѣмъ остальное населеніе, по перепискѣ, облагалось данью, обязательно къ платежу для всякаго, богатаго и бѣднаго, большаго и малаго, даже для однодневнаго младенца. Дань того времени платилась преимущественно мѣхами медвѣдей, бобровъ, соболей, хорьковъ и лисицъ, а впослѣдствіи — серебромъ. Несостоятельныхъ плательщиковъ дѣлали рабами и вводили въ орду. Сборъ дани, какъ и вообще управленіе, вѣрялось баскакамъ или басхатамъ, которымъ повиновалось все населеніе, не исключая и самихъ Князей. Тяжесть дани еще болѣе усиливалась отъ безчеловѣчныхъ способовъ взиманія и отъ злоупотребленій баскаковъ или ханскихъ пословъ, видѣвшихъ въ этомъ средство къ личному обогащенію.

При такомъ положеніи, политическое значеніе княжествъ не могло развиваться и крѣпнуть, напротивъ того, съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ и при существованіи прежней розни, оно должно было все болѣе и болѣе умяляться до тѣхъ поръ, пока новыя политическія явленія не создали бы новаго порядка, укрѣпившаго преобладаніе одного элемента, какъ центра, около котораго должно было бы сгруппироваться національное дѣло. Но возникновеніе и развитіе новой политической силы не могло произойти на старой почвѣ, слишкомъ пропитанной старыми воззрѣніями на взаимныя отношенія. Новая сила требовала и новой почвы, и этой почвой являлась Москва, сначала, какъ простое поселеніе и потомъ, какъ самостоятельное княжество въ сѣверо-восточной Руси, въ мѣстности населеній Мери, Муромы и Ватичей.

До половины XII вѣка всѣ политическія движенія сосредоточивались исключительно въ южныхъ и западныхъ русскихъ княжескихъ волостяхъ. Сѣверовостокъ, оставаясь внѣ

¹⁾ Собран. путеш. къ татарамъ 1825 стр. 105.

этихъ движеній, не переживалъ разорительной неурядицы, не выносилъ на себѣ вліянія спутанныхъ княжескихъ отношеній. Въ противоположность скученному южному населенію, живому и постоянно занятому общественными вопросами, малолюдное сѣверовосточное население Суздальской области, хотя и имѣло свои сосредоточенные пункты, города — Суздаль, Ростовъ, Владиміръ и друг., но вообще, раскинутое на обширныхъ земельныхъ пространствахъ, жило уединенно, сдержанно само въ себѣ, спокойно пользовалось естественными произведеніями, уплачивая наложенныя на него повинности южными Князьями. Удаленное отъ торговыхъ путей того времени, оно не раздѣляло и жизненныхъ интересовъ своихъ южныхъ собратьевъ.

Около половины XII вѣка Суздальская область сдѣлалась столбомъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, одного изъ младшихъ сыновей Великаго Князя Мономаха. Новый Суздальскій Князь, несмотря на всѣ благопріятныя условія для расширенія княжеской власти въ этомъ отдаленномъ краю, не любилъ впрочемъ свой столъ, постоянно стремился къ родному югу и, когда по старшинству въ родѣ ему досталась очередь быть кievскимъ Великимъ Княземъ, онъ, безъ колебанія, бросилъ свой столъ. За то его сынъ, уже рожденный и воспитанный на сѣверѣ, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, наоборотъ предпочиталъ свой сѣверъ югу и, когда въ свою очередь сдѣлался старшимъ Великимъ Княземъ, остался на сѣверѣ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, по имени столичнаго города Владиміра, прежняго пригорода Суздаля. И съ этихъ поръ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, центръ тяжести политическихъ движеній перенесся на сѣверъ. Разоренный югъ, не выработавъ жизненнаго начала, способнаго привести къ единству разрозненные элементы, не имѣлъ будущности, и политическое значеніе Кіева, послѣ татарскаго разгрома (1240 г.) и перенесенія Митрополи во Владиміръ, все болѣе и болѣе умалалось до половины XIV столѣтія, когда Кіевъ окончательно уже сдѣлался добычей литовскихъ князей.

ГЛАВА II.

Сѣверовосточныя волости. Москва — какъ поселеніе и столичный городъ до XIV столѣтія.

Старые сѣверовосточные города—Суздаль, Ростовъ и потомъ Владиміръ, выросшіе въ иныхъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе скроились по общему типу старыхъ южныхъ городовъ, хотя и безъ ихъ рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ. И въ этихъ городахъ существовало вѣче, но оно не ограничивало власти Князя въ томъ размѣрѣ, какъ на югѣ, и въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается упоминаній о рядѣ вѣча съ Княземъ, при вступленіи его на столъ. А если не было такихъ ограниченій въ старыхъ сѣверовосточныхъ городахъ, то тѣмъ болѣе ихъ не могло быть въ поселеніяхъ и пригородахъ новыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Москва.

Когда именно основана была Москва—неизвѣстно; вѣроятно, какъ незначительное поселеніе Владимірской волости, она долго не обращала на себя особаго вниманія. Впослѣдствіи уже, когда Москва пріобрѣла важное значеніе, лѣтописцы стали раскрашивать основаніе ея различными вымыслами, ясно выдающими свою поэтическую вольность при первомъ внимательномъ взглядѣ. Болѣе вѣроятный разсказъ объ основаніи Москвы находится въ лѣтописи о зачатѣ царствующаго великаго града Москвы: „Въ лѣто 6666 (1158) Великому князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, прииде на мѣсто, иде же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы Москвы рѣки. Сими же селы владѣюще тогда Болярину нѣкоему, богату сущу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте великаго Князя и поносивъ ему. Князь же великій не стерпя хулы, повелѣ болярина того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады суща и лѣпы зѣло именемъ Петръ и Иоакимъ и дщерь едину благообразну именемъ Улиту, отсла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же взыде на гору и обозрѣ очима своими сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюбилъ села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ

древнѣй градъ, и прозва его Москва градъ, и потомъ Князь великій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ, и сочелова-етъ его бравомъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Великій Князь Юрій довольно, заповѣда ему градъ Москву людьми населити и распространити и пакы возвращается въ Кіевъ“ (примѣч. 301 къ 2 т. Ист. Гос. Рос. Карамзина). Въ этомъ разсказѣ невѣрность заключается въ означеніи года 1158, такъ какъ въ этомъ году Юрія уже не было въ живыхъ, но ошибка могла произойти и отъ описки переписчика. Къ этому разсказу въ раскольничьей лѣтописи Татищева прибавлено, что Юрій имѣлъ связь съ женою Стефана Кучки Тысяцкаго, и что мужъ во время отсутствія Князя увезъ жену въ деревню, на берегъ Москвы рѣки, въ намѣреніи бѣжать къ Изяславу, но что Юрій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, поспѣшилъ освободить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

Что же касается до другихъ разсказовъ, то объ нихъ, какъ наполненныхъ явными вымыслами и анахронизмами, не стоить упоминать; за достовѣрное признать можно только то, что на мѣстѣ поселенія Москвы прежде находились села Кучково, Воробьево, Симоново, Кудрино, Сухощево и Кузнецкая слобода, принадлежавшія боярину Степану Ивановичу Кучкѣ и потомъ отобранныя Великимъ Княземъ въ свою собствен-ность. Подъ 1147 годомъ (28 марта) въ лѣтописяхъ упоминается имя Москвы, какъ о мѣстѣ, гдѣ пировалъ Великій Князь Юрій Владиміровичъ съ Княземъ Черниговскимъ и дру-гими своими союзниками въ борьбѣ съ Княземъ Изяславомъ ¹⁾ Несмотря на скудость извѣстій объ основаніи Москвы, не под-лежитъ сомнѣнію, что поселки Москвы и Кучки были княже-скими вотчинами, лежащими въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что иногда имена ихъ въ лѣтописяхъ смѣ-шивались между собою, такъ въ Ипатіевской лѣтописи гово-рится подъ 6684 (1176) годомъ: „идоша съ нимъ до Кучкова (по Хлѣбниковскому до Кучкова) речке до Москвы..... и приде ему вѣсть..... и выйдоша изъ Москве“. ²⁾ Изъ болѣе же позд-

¹⁾ П. С. Р. Л. II. 29.

²⁾ П. С. Р. Л. II.

нихъ извѣстій видно, что поселеніе собственно Кучково лежало отдѣльно, хотя и въ близкомъ разстояніи отъ Москвы: на Кучковомъ полѣ (нынѣшняя Срѣтенка) казненъ былъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго Тысяцкаго, ¹⁾ село Кучково въ 1472 году подарено было Юріемъ Васильевичемъ, братомъ Іоанна III, Троице-Сергіевскому монастырю. ²⁾

Какія отношенія существовали у московскаго поселенія къ своему стольному городу Владиміру до тѣхъ поръ, пока оно само не организовалось въ городъ? По естественному ходу развитія русскихъ населенныхъ мѣстностей, обыкновенно поселеніе, даже достигнувшее значенія пригорода, выносило рѣшительное вліяніе своего города, получало отъ него Намѣстника или Посадника и обязывалось повинностями; только значительная степень развитія, достигнутая, или даже перевѣсившая развитіе самого города, давала пригороду фактическое право образовать свой столъ. Отношенія между городами и ихъ пригородами почти всегда оказывались натянутыми, если не враждебными. Новгородъ и Псковъ, Ростовъ и Владиміръ сходились рѣдко, только въ случаяхъ общихъ интересовъ, обыкновенно же они разъединялись гордостью старѣйшаго города, стремленіемъ его—подчинить своей полной волѣ пригородъ, и постояннымъ усиліемъ послѣдняго—высвободиться изъ подъ этого вліянія, стать на равную ногу, получить свой столъ. Такъ во времена даже великаго княжества Владимірскаго (1174 г.) Ростовцы обращались къ Владимірцамъ, какъ къ своимъ подвластнымъ, называли ихъ каменщиками, слугами недостойными имѣть своего Князя. Существовали ли такіа же отношенія у Владиміра съ Москвою? Такихъ отношеній не могло быть. Когда поселеніе садилось на вольной землѣ или по крайней мѣрѣ на землѣ, не считавшейся фактически собственностью частнаго лица, оно должно было относиться къ городу, какъ къ верховному своему управленію, но когда поселеніе занимало поземельную собственность частнаго лица и въ особенности, когда оно само состояло изъ людей несвободныхъ и селилось поземельнымъ владѣльцемъ, то въ этомъ слу-

¹⁾ Нвкон. Лѣт. IV. 85.

²⁾ С. Г. Г. II Д. № 96.

чаѣ всѣ отношенія такого поселенія тянули не къ городу, а къ своему владѣльцу, управлявшему имъ по своему усмотрѣнiю. А именно такого рода поселеніе и составляло Москву. До насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстій, по которымъ можно было бы съ положительною точностью прослѣдить развитіе Москвы, до превращенія ея изъ простаго поселенія въ стольный городъ княжества, но можно сказать, что до XIII столѣтія Москва не пользовалась никакой самостоятельностью, была поземельной собственностью Владимірскихъ Князей, ихъ любимымъ мѣстомъ жительства или отдохновенія. Впрочемъ Великій Князь Владимірскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, несмотря на живописныя московскія окрестности и семейныя отношенія, жилъ не въ Москвѣ, а въ селѣ Боголюбовѣ (въ 11 верст. отъ Владиміра), гдѣ, 29 іюня 1073 г., и былъ убитъ заговорщиками, въ главѣ которыхъ находился братъ его жены. ¹⁾

Первое извѣстіе о Москвѣ, какъ уже о значительномъ поселеніи, находится въ Лаврентьевской лѣтописи въ началѣ XIII столѣтія: „Въ лѣто 6721 (1213) Володиміръ сынъ Всеволожь, Великаго Князя, ѣха въ Москву“ и затѣмъ далѣе... „и идоста изъ Ростова къ Москвѣ Иорги съ Ярославомъ и изведъ Иорги изъ Москвы Володимера и посла ѣ въ Рускыи Переяславль“. ²⁾ Слѣдовательно въ это время Москва не была стольнымъ городомъ, иначе лѣтописецъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, такъ какъ за уводомъ Владиміра столь оставался бы не занятымъ.

Во время нашествія Батяи подъ 1237 годомъ ³⁾ встрѣчается простое извѣстіе о соженіи Москвы, о плѣненіи въ ней князя Владиміра, втораго сына Юрьева (вѣроятно или шестаго сына Всеволода, или втораго сына Андрея Боголюбскаго), объ умерщвленіи тамошняго воеводы Филиппа Иваньку и другихъ жителей, но не объясняется, по какому случаю тамъ находился Владиміръ, въ качествѣ ли временнаго пребыванія поземельнаго собственника, или по обязанности На-

¹⁾ П. С. Р. Л. II. 113.

²⁾ П. С. Р. Л. I. 185.

³⁾ П. С. Р. Л. IV. 31. Никон. Лѣт. II. 372 и 373.

мѣстника, и въ послѣднемъ случаѣ, когда и съ какого времени, или же наконецъ въ достоинствѣ самостоятельнаго Князя.

Болѣе опредѣлительное извѣстіе встрѣчается подъ 1248 годомъ ¹⁾, а именно, что въ отсутствіи Александра Невского меньшей его братъ Михаилъ Московскій Храбрый изгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава Всеволодовича, но въ ту же зиму былъ убитъ въ войнѣ съ Литвою. Тѣло его Суздальскій Епископъ Кириллъ перевезъ во Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ соборнаго храма. Изъ этого извѣстія можно заключить, что Михаилъ Ярославовичъ уже считался *Княземъ Московскимъ*, что онъ уже дѣйствовалъ самостоятельно, изгоняя дядю и воюя съ Литвою, но что тѣмъ не менѣе за Москвою все еще не было значенія самостоятельнаго города, такъ какъ тѣло Князя положено не въ Москвѣ, а въ соборномъ храмѣ Владиміра. Лѣтописи не говорятъ о заключеніи ряда между Михаиломъ Храбрымъ и Москвитянами, и дѣйствительно такого ряда не могло быть. Рядъ устанавливался вѣчемъ, а вѣче съ половины XIII вѣка стало исчезать изъ народной жизни не только въ сѣверовосточной Руси, но даже и въ старѣйшихъ южныхъ городахъ, во 1-хъ потому, что разгромъ и полонъ монгольскій значительно прорѣдилъ свободное населеніе, фактически ограничивъ народное право, во 2-хъ — существованіе большаго количества вотчинъ княжескихъ и боярскихъ не могло не повліять не только на самостоятельность и свободу выбора, но даже на самое существованіе его и наконецъ въ 3-хъ — гибельный примѣръ разъединенности не могъ не заставить поселенія городовъ болѣе тяготѣть и тѣснѣе примыкать къ центральной власти, какъ къ болѣе надежной точкѣ опоры. Что же касается до Москвы, то лѣтописи вовсе не упоминаютъ о существованіи московскаго вѣча, а если и встрѣчаются два или три указанія, то они объясняются смутнымъ временемъ общаго безпорядка, но ни въ какомъ случаѣ существованіемъ его, какъ обычнаго учрежденія.

• Такимъ образомъ можно безошибочно сказать, что княже-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV. 38. Ник. Лѣт. III. 30 и 31.

ніе Москвою переходило по преемству въ родѣ Великихъ Владимірскихъ Князей на правѣ владѣнія ею, какъ собственностью ¹⁾, безъ всякаго ряда или народнаго участія.

Послѣ Михаила Ярославича на московскомъ столѣ сидѣлъ четвертый сынъ Александра Невскаго—Даніилъ, вѣроятно на томъ основаніи, что большіе братья садились на большія мѣста, а меньшимъ братьямъ, поэтому доставались мѣста младшія, меньшія. ²⁾ Этому Князю Москва обязана первымъ расширеніемъ своей территоріи въ видѣ сліянія, но никакъ не временнаго присоединенія удѣла. Управляя Москвою не въ качествѣ начальника дружинниковъ, пропитаннаго понятіями о старѣйшинствѣ городовъ и своей княжеской родовой чести, а какъ добрый, разумный хозяинъ своей отчины, Даніилъ желалъ округленія своихъ владѣній естественными границами, по хозяйственнымъ соображеніямъ. Сознавая, до какой степени обладаніе всѣмъ теченіемъ рѣки Москвы, какъ самымъ удобнымъ и дешевымъ путемъ сообщенія, представлялось для Москвы дѣломъ выгоднымъ, Князь Московскій искалъ ссоры съ Рязанью и достигъ своей цѣли. При этомъ надобно замѣтить объ общей характеристикѣ Московскихъ Князей, заключающейся въ отсутствіи воинственности, въ уклоненіи отъ безцѣльныхъ ссоръ и не желаніи рискованно ставить на карту свои интересы. Если Московскіе Князья и объявляли войну, то уже тогда, когда имѣли всѣ шансы на успѣхъ. Такъ и теперь. Начавшаяся война съ Рязанью кончилась весьма счастливо для Москвы: рязанская рать была разбита, князь Константинъ Романовичъ взятъ въ плѣнъ, множество татаръ, находившихся въ рязанской дружинѣ, убито, а Коломна,—мѣстность впаденія рѣки Москвы въ Оку,—присоединена къ московскимъ владѣніямъ ³⁾.

По поводу избіенія татаръ въ усобицѣ Москвы съ Ря-

¹⁾ Вліаніе поземельныхъ отношеній, кажется, ускользнуло отъ вниманія нашихъ изслѣдователей, между тѣмъ какъ оно не могло не имѣть преобладающаго значенія, составляя собою всю сущность всѣхъ главныхъ потребностей поселенія въ первый періодъ существованія.

²⁾ С. Г. Г. и Д. т. II. № 141.

³⁾ Воскрес. Лѣт. ч. I. 26 и 27.

занью нашъ знаменитый исторіографъ говоритъ: 1) „смѣлость удивительная и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали ободряться и, пользуясь дремотою хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства“. Мысль—далеко невѣрная. Въ эту эпоху Россіяне не могли остричь мечей на конечное сокрушеніе ига, напротивъ, здравая политика передовыхъ выдающихся людей того времени, каковымъ былъ напримѣръ Александръ Невскій, именно заключалась въ раболѣпномъ угожденіи ханамъ, въ отдаленіи всѣми возможными средствами прямого и непосредственного вмѣшательства ихъ въ свои внутреннія дѣла. Безслѣдность убійства татаръ объясняется не дремотою хановъ, а присутствіемъ въ княжествахъ, а въ особенности въ ближайшихъ къ ордѣ, большаго количества всякой сволочи, прибывшей тѣда при служивыхъ ханскихъ людяхъ въ качествѣ совершенно частныхъ лицъ и оставшихся тамъ ради своей частной выгоды. Что наши Князья, и въ особенности Московскіе, не думали объ открытомъ сопротивленіи, къ чему они не имѣли и возможности, доказывается ихъ дѣйствіями. Этотъ же самый Даниилъ Московскій, избившій татаръ въ Рязанской схваткѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (1293 г.) безпрепятственно допустилъ Дюделя, брата Тохты, въ Московскіе предѣлы и не принималъ никакихъ мѣръ противъ грабежей и опустошеній монголовъ.

Другое, также весьма важное, пріобрѣтеніе составляло присоединеніе Переяславля. Иоаннъ кроткій Переяславскій, сынъ Дмитрія Александровича, всегда любившій своего Московскаго дядю, умирая бездѣтнымъ въ 1302 году, завѣщалъ ему свою волость. 2) Въ то время Переяславль считался одною изъ важныхъ крѣпостей по значительному числу людей ратныхъ, а еще болѣе по значительнымъ крѣпостнымъ сооруженіямъ изъ 12 башенъ въ двойной стѣнѣ, изъ рва наполненнаго водою кругомъ города и т. п. Вслѣдствіе своего положенія на сѣверѣ, Переяславль сталъ для Москвы лучшимъ оборонительнымъ и сторожевымъ пунктомъ.

1) Карамз. изд. Смир. т. IV. 160

2) Никон. Лѣт. т. III. 99.

3-го марта 1303 года „престависъ князь, говорить лѣтописецъ, Данило Александровичъ въ черниѣхъ и въ скимѣ и положенъ бысть въ церкви св. Михаила въ Москвѣ“; 1) въ Степенной же книгѣ мѣстомъ погребенія Князя называется, основанный имъ, Даниловъ монастырь. Изъ всѣхъ дѣтей Александра Невского, на самомъ младшемъ изъ нихъ, князь Данилъ Александровичъ, отразились даровитость и государственныи тактъ отца. Ему Московское княжество обязано своей самостоятельностью, расширеніемъ своей территоріи и дальнѣйшимъ развитіемъ, такъ какъ всѣ преемники его болѣе или менѣе неуклонно слѣдовали пути, начертанному имъ. Подобно отцу, онъ сознавалъ могущественное вліяніе церкви, какъ государственнаго учрежденія, чтилъ ея совѣты, раздѣлялъ ея интересы и подобно отцу причисленъ къ числу святыхъ угодниковъ.

У Данила Московскаго было 5 сыновей: Юрій, Александръ, Борисъ, Иванъ (Калита) и Аеонасій. Какимъ образомъ подѣлилось наслѣдство Данила, по недостатку лѣтописныхъ извѣстій, опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что къ этому времени сила понятій о родовомъ старѣйшинствѣ начинаетъ терять обязательное значеніе. По всей вѣроятности Княземъ Московскимъ сдѣлался старшій сынъ Данила—Юрій; по крайней мѣрѣ извѣстно, что тотчасъ же по смерти Данила, Переяславцы, нераздѣльные съ Москвитянами, изъ боязни вмѣшательства Великаго Князя Андрея Александровича, объявили Юрія своимъ Княземъ и даже не позволили ему выѣхать на погребеніе отца 2).

Весною 1303 года Юрій овладѣлъ Можайскомъ (Смоленскимъ удѣломъ) и присоединилъ его къ Московской волости. 3) Подобный примѣръ самоуправнаго, безъ всякаго участія великаго князя и ряда, вступленія на столь и потомъ самоуправнаго завоеванія чужой области, не можетъ быть объясненъ только однимъ отсутствіемъ Великаго Князя, бывшаго тогда въ ордѣ, но кажется ближе и вѣрнѣе видѣть въ подоб-

1) Ник. Лѣт. III. 190.

2) Никон. Лѣт. т. III.

3) Воскрес. II. 272.

нихъ примѣрахъ послѣдствіе разрушенія родоваго значенія и выдѣленія личности. Затѣмъ осенью того же 1303 года воротился изъ орды Великій Князь Андрей Александровичъ съ ханскими посланми и тотчасъ же участвовать на княжескомъ съѣздѣ въ Переяславлѣ. На этомъ совѣщаніи Князьями было утверждено существующее status quo, удержаніе за каждымъ изъ князей его владѣній, а слѣдовательно и за Юріемъ обладаніе Переяславлемъ, хотя это обладаніе совершилось безъ участія Великаго Князя.

Установившаяся тишина продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ 1304 году, 27 іюля, умеръ схимникомъ въ Городцѣ Великій Князь Андрей Александровичъ ¹⁾ и смерть его послужила поводомъ къ кровавой драмѣ борьбы за первенство, непримиримой борьбы старыхъ понятій съ новыми, погубившей столько замѣчательныхъ людей того вѣка и кончившейся преобладаніемъ Москвы. Для полнаго выясненія этой борьбы необходимо воротиться нѣсколько назадъ.

ГЛАВА III.

Юрій Давидовичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское.

Съ XIII столѣтія Суздальское или лучше сказать Владимірское княжество, подобно Кіевскому, составило федерацію нѣсколькихъ княжествъ, имѣвшихъ центромъ стольный великокняжескій городъ Владиміръ, съ типомъ тѣхъ же княжескихъ отношеній, какія существовали въ Кіевской области, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тѣми измѣненіями, какія вызвались ходомъ событій и мѣстными условіями. Владимірскій Великій Князь, какъ и Кіевскій, получалъ право на это достоинство по старшинству степеней родства и былъ остальнымъ Князьямъ родичамъ въ отца мѣсто, причемъ, но удѣлявшему еще возрѣнію на родство, дяди считались выше племянниковъ и имѣли право на особенное почтеніе со стороны послѣднихъ. Великій

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 68.

Князь, какъ глава семьи, имѣлъ власть родоначальника, разбиралъ права по степенямъ родства своихъ родичей, судилъ, мирилъ, наказывалъ, дѣлалъ выговоры, увѣщанія и т. п. Разумѣется вліяніе его обуславливалось собственной силой и нравственнымъ достоинствомъ; съ отсутствіемъ же этихъ послѣднихъ условій возникали непрерывныя усобицы и возникали съ болѣею силой, такъ какъ обязательность правъ родства слабѣла, не выдѣливъ еще новаго, опредѣленнаго начала. Власть княжеская, въ ущербъ значенію вѣча, получила болѣе развитіе;— въ то время какъ населенія старшихъ суздальскихъ городовъ все еще пытались удерживать самостоятельность и продолжали обсуждать права князей, каждый удѣльный князь, чувствуя себя болѣе сильнымъ, стремился съ своей стороны къ независимости и къ увеличенію своихъ владѣній на счетъ другаго, что естественно вело къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ, къ разединенности и войнамъ.

По преемственному праву Владимірскій великокняжескій столъ занимали князья: Юрій Долгорукій, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, Михаиль II Юрьевичъ, Всеволодъ III Юрьевичъ великій (большое гнѣздо), Юрій и Константинъ Всеволодовичи и наконецъ Ярославъ II и Святославъ Всеволодовичи. У великаго князя Ярослава II Всеволодовича, умершаго въ 1247 году въ ордѣ,—были сыновья: Ѳеодоръ, Александръ (Невскій), Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Афонасій, Данииль, Михаиль, Ярославъ Тверскій и Василій Костромскій.

Замѣчательный умъ Александра Невскаго ясно видѣлъ причины бѣдственнаго положенія Руси въ ея разединенности, въ самовластїи и независимости князей, въ ихъ непрерывныхъ спорахъ и усобицахъ при преслѣдованїи своихъ эгоистическихъ цѣлей и задался мыслью возвысить великое княженіе, сдѣлать его регуляторомъ государственной жизни и лишить князей не только правъ, но и возможности опустошать и разорять области. Для достиженія этой цѣли, по вступленїи своемъ на Владимірскій великокняжескій столъ, онъ воспользовался самымъ главнымъ врагомъ Руси, тѣмъ же самымъ монголами. Сдѣлавшись другомъ послѣднихъ, ихъ непосредственнымъ пособникомъ, баскакомъ или сборщикомъ дани,

онъ за то получилъ средства, достаточныя для обузданія своевольствъ князей, а съ обузданіемъ ихъ, естественно, должна была все болѣе и болѣе крѣпнуть народная сила. Дѣйствительно, русскій народъ въ его княженіе отдохнулъ, но все-таки задуманная цѣль не была вполне достигнута отчасти по кратковременности княженія Александра, отчасти по господствовавшему еще взгляду на родство, дающему преимущество боковой линіи передъ нисходящей, дядямъ передъ сыновьями.

Александру Невскому, умершему въ 1263 году, наследовали по великому княжеству, по праву родства, сначала его братья Ярославъ (умер. въ 1272 г.) и Василій (ум. въ 1276 г.) Ярославичи, а потомъ уже его дѣти Дмитрій и Андрей Александровичи. Къ несчастью, наследники не обладали умомъ и энергіей Невскаго. Начались усобицы, дѣло его погибало, значеніе великаго княжества все болѣе и болѣе умалилось и умалилось до того, что при Дмитрѣ Александровичѣ нѣкоторые изъ князей, Михаилъ Тверскій и Федоръ Ярославскій, достигли признанія себя независимыми, а своихъ владѣній великими княжествами т. е. отдѣльными, самостоятельными единицами. При Андрѣ Александровичѣ того же домогался и Данилъ Московскій, но достигнулъ ли цѣли—неизвѣстно, хотя въ надписи, находящейся въ Даниловомъ монастырѣ, онъ и называется благовѣрнымъ великимъ княземъ Московскимъ. Къ довершенію бѣдствія, внѣшнія отношенія ставали сѣверо-восточную Русь въ самое опасное положеніе: съ сѣвера постоянно воевали шведы и нѣмцы, съ запада напирала литва съ Гедиминомъ, а съ юго-востока монголы.

По смерти Андрея Александровича (1304 г.), изъ нисходящаго потомства Александра Невскаго, находились на лицо только внуки его, сыновья Данила Московскаго: Юрій, Александръ, Борисъ, Іоаннъ I (Калита) и Афонасій, но они, по существовавшему тогда праву, не должны были домогаться великаго княжества, такъ какъ находился въ живыхъ двоюродный дядя ихъ, сынъ Ярослава Ярославича—Михаилъ Тверской. Послѣдній имѣлъ неоспоримое право на великое княжество Владимірское, отецъ его дѣйствительно былъ великимъ

княземъ Владимірекииъ, да и самъ онъ *ослабилъ княземъ* Тверскимъ, тогда какъ Даниилъ Московскій только домогался признанія великаго княжества Московскаго, но княземъ Владимірекииъ не бывалъ, а по понятиямъ того времени снѣ не могъ получить того, чѣмъ не пользовался его отецъ.

Въ силу такого всѣаго права, тотчасъ по кончинѣ Андрея Александровича, Владимірекииъ болѣе отправились въ Тверь звать Михаила Ярославича на великое княженіе. ¹⁾ Но старый порядокъ теперь встрѣтилъ противника въ лицѣ умнаго и изворотливаго Юрія Даниловича. Потому ли, что отецъ его домогался великаго княжества, хоти и Московскаго, а можетъ быть и дѣйствительно былъ имъ, или вслѣдствіе *внушней* монгольскихъ велможъ, обидѣвшихъ убоихъ за болѣе значительный выходъ, ²⁾ или просто по совнанію своей силъ, или, что всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе *вѣхъ* этихъ причинъ въ совокупности, только Юрій, не слушая добрыхъ увѣщаній митрополита Максима и обидѣній матери Михаила Ярославича Ксеніи увеличить Московскую область, ³⁾ открыто объявилъ претензію на великое княжество и отправился съ подарками къ хану, куда также уѣхалъ и Михаилъ Ярославичъ. Въ отсутствіе Юрія, тверичи риснули было овладѣть, какъ сильнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ Москвы, — Переяславскимъ, но, послѣ упорной битвы, были разбиты переславцами, въ которыхъ на помощь подосѣла московская рать, подъ предводительствомъ Іоанна Даниловича! ⁴⁾ Въ Никоновской летописи говорится даже, что Іоаннъ Даниловичъ, по отъѣздѣ брата, пребылъ въ Москвѣ въ Переяславль и сѣлъ тамъ на великое княженіе. Хотя это извѣстіе, вѣроятно, говоритъ объ Іоаннѣ Даниловичѣ въ качествѣ представителя его брата, но чѣмъ не можетъ оно послы намъ, какъ указаніе на солидарность отомстѣнія Пе-

¹⁾ Никои. I. 101.

²⁾ На это обстоятельство погнѣнительно указываютъ наши летописи (Воскр. II. 281): свѣдѣна (манакіе пошла) Архид., ркуше князи Юрия: оже ти дася выходъ болши князя Михаила, а ми тебѣ княженіе великое дадимъ. И тако превратилъ сердце его.

³⁾ Воскресен. Лѣт. II. 281.

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV. 46.

решавля съ Москвою и на дѣятельное участіе въ честолюбивыхъ стремленіяхъ Московскихъ князей, а не лично одного Юрія 1).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ т. е. уже въ 1305 году князь Михаилъ Ярославовичъ воротился въ Владиміръ съ ханскою грамотою, утверждавшею его великимъ княземъ Владимірскимъ. Дѣло Юрія казалось проиграннымъ на всегда, но не такъ думалъ самъ Юрій. Упругій характеръ его могъ согнуться, но не сломиться. Не имѣя возможности силою одолѣть протавника, онъ ждалъ, ждалъ терпѣливо, нѣсколько лѣтъ и наконецъ дождался благоприятнаго момента, когда собственныя ошибки Михаила поставили послѣдняго въ трудное положеніе. Зная эту несокрушимую настойчивость и Михаилъ Ярославовичъ, два раза ходилъ онъ подъ Москву (1305 и 1308 г.) съ сильнымъ войскомъ, но каждый разъ возвращался безъ всякаго результата 2).

Прошло нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, не безплодныхъ для Юрія, благодаря ошибкамъ Михаила, естественно вытекающимъ изъ личнаго характера этого князя. Михаилъ — рыцарь того вѣка, частный представитель стараго порядка, все беззаветно преданный средѣ, окружавшей и воспитавшей его. Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ остался тѣмъ же княземъ тверскимъ, жилъ постоянно въ своемъ отечественномъ городѣ Твери, а Владиміромъ и Новгородомъ управлялъ посредствомъ намістниковъ своихъ изъ тверскихъ бояръ. Естественно такой порядокъ не могъ нравиться ни Владиміру, герцогу своимъ старшинствомъ, ни Новгороду, герцогу своей самостоятельностью и богатствомъ. Раздраженіе поддерживалось и росло еще болѣе отъ корыстныхъ дѣяній намістниковъ и вообще отъ неумѣія тверичей приурочиваться къ обстоятельствамъ. Въ Новгородѣ тверскіе бояре нерѣдко нарушали права, утвержденныя грамотами, права на собственный судъ, управленіе и землевладѣніе. Неудовольствія превращались въ открытыя возстанія, которыя усмирлялись вой-

1) Никон. Л. III. 103.

2) Воскрес. Лѣт. II. 281.

ной, что не могло не утвердить еще болѣе неприязненныхъ отношеній. 1) Самое сосѣдство Твери съ Новгородомъ было неблагоприятно для послѣдняго. Это сосѣдство давало возможность великому князю непосредственно во всякое время вмѣшиваться въ новгородскія дѣла и вліять на торговня обороты, что не могло не казаться опаснымъ и подозрительнымъ для средняго народа. Этимъ обстоятельствомъ легко объясняется симпатія Новгорода къ Москвѣ, стоявшей за Тверью и не имѣвшей съ нею, впрочемъ, столкновеній по землевладѣнію. Между тѣмъ доброе согласіе съ Новгородомъ было для великаго князя въ то время существенною необходимостью, такъ какъ въ орду требовались деньги, а деньгами богатъ былъ только одинъ Новгородъ.

Въ это время въ орду хану Тохтѣ наследовалъ сынъ его молодой Узбекъ, отъ котораго слѣдовало получить новое утвержденіе (ярлыкъ) на великое княженіе. Поэтому великій князь въ 1313 году снова отправился въ орду 2) съ поклопомъ и съ 1,500 прирнами серебра, взятыхъ имъ съ Новгородцевъ. Вѣроятно Юрій Даниловичъ имѣлъ усердныхъ пособниковъ въ орду, вѣдѣвшихъ Михаилу Ярославовичу: только черезъ два года великій князь воротился домой съ ярлыками и съ сильнымъ монгольскимъ войскомъ. Но насколько онъ выигралъ въ орду, на столькоже, если не болѣе, потерялъ дома. Пользуясь его отсутствіемъ, Юрій Даниловичъ интриговалъ и успѣлъ возбудить сильное неудовольствіе въ Новгородцахъ, въ которыхъ агитировалъ въ его пользу князь Федоръ Ржевскій съ такимъ успѣхомъ, что въ 1315 году Новгородъ призналъ Московскаго князя, въ разрѣзъ обычнаго порядка, своимъ княземъ. Правда, съ возвращеніемъ великаго князя, дѣло изменилось; но въ владѣніемъ своимъ, Новгородъ принужденъ былъ выдать Михаилу Ярославовичу и князя Ржевскаго и Афонасія, брата Юрія, оставленнаго послѣднимъ въ Новгородѣ, по случаю своего отъѣзда въ орду, но тѣмъ не менѣе тотъ же Новгородъ золотомъ и чрезъ торговцевъ своихъ, дав-

1) Н. С. Р. Л. III. 71. С. Г. Т. Д. I. № 12.

2) Нжков. Лѣт. III. 108.

шихъ въ орду, тайно непереставалъ поддерживать московскіе интересы. ¹⁾ Великій князь побѣдъ жаловаться въ орду, но тамъ Юрій Даниловичъ, снабжаемый постоянно изъ Новгорода матеріальными средствами, бралъ рѣшительный перевѣсъ. Послѣ трехлѣтнихъ неутомимыхъ хлопотъ, интригъ и прислуживаній, Московскій князь достигнулъ полнаго успѣха.

Въ 1318 году Юрій Даниловичъ женился на любимой сестрѣ Узбека Кончакѣ, по святому крещеніи Атафьи, и получивъ грамоту на великое княженіе всея Руси, воротился съ монгольскимъ войскомъ, подъ начальствомъ ханскихъ пословъ Кавгадья, Астрабыла и Острева. ²⁾ Такъ какъ грамота ханская, поддерживаемая силой, исключала всякое другое право, то занятіе велико-княжескаго стола Юріемъ признано было безропотно всѣми князьями сѣверо-восточной группы и даже самимъ бывшимъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. ³⁾ Но Юрій очень хорошо понималъ непрочность своего положенія при существованіи права въ Тверю по старшинству родства и въ особенности при обладаніи тверскимъ княжествомъ значительными матеріальными средствами. Необходимо было обезсилить Тверь и потому первымъ дѣломъ Юрія, по возвращеніи во Владиміръ, не смотря на покорность Михаила, было идти съ сильнымъ войскомъ опустошать тверскую волость. Вынужденный защищать свои собственныя владѣнія, Михаилъ съ тверскою дружиной встрѣтилъ Юрія при Воршновѣ (въ 40 верст. отъ Твери) и разбилъ на голову, взявъ въ плѣнъ Кончаку, брата великаго

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 71 Никон. Лѣт. III. 115.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 112.

³⁾ Въ этомъ отношеніи встрѣчаются разнѣсные извѣстія. Въ Воскресен. Лѣт. (II. 382) говорится, что Михаилъ отказываясь отъ своего права: „уже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступился тебѣ; князи на великомъ княженіи, но въ мою опришину не вступаясь и распусти своя воя“, по Никон. же лѣт. (III. 112) Юрій, сошедшись съ Михаиломъ на Волгѣ у Костромы, уступилъ ему великое княженіе. Зная характеръ Юрія нельзя не отдать болѣе вѣроятія извѣстію Воскрес. Лѣт. Впрочемъ могла быть уступка и со стороны Юрія, но временная, вынужденная случайными обстоятельствами напр. превосходствомъ силъ Михаила, при встрѣчѣ на Волгѣ.

князя Бориса Даниловича и Кавгадья. ¹⁾ Юрий бѣжалъ въ Новгородъ, собралъ тамъ новое войско и выступилъ съ нимъ на встрѣчу Михаила. Но битвы не было: князья договорились искать суда въ ордѣ, куда рѣшили отправиться обоемъ. Къ несчастію для Михаила, въ это время въ Твери скоропостижно умерла Кончака, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, насильственной смертью ²⁾ и это обстоятельство дало Юрию новое и вѣское оружіе. Съ помощью новгородскаго золота и вліянія Кавгадья, Юрий въ ордѣ распелагалъ сильную партію въ свою пользу. Михаила Ярославовича обвинили въ отравленіи Кончаки, въ бунтѣ противъ хана и въ сношеніяхъ съ папскимъ западомъ съ цѣлю свергнуть татарское владычество. Не смотря на отрицаніе взводимыхъ обвиненій и на совершенное отсутствіе доказательствъ, пристрастный ордынскій судъ, подѣ вліяніемъ Кавгадья, призналъ обвиненія доказанными, а обвиненнаго достойнымъ смертной казни. 22-го Ноября 1319 года Михаила Ярославовича звѣрскимъ образомъ зарѣзали ³⁾.

Борьба такихъ соперниковъ, типическихъ представителей стараго порядка родовитой Руси съ новымъ стремленіемъ вочинной власти, не могла разрѣшиться иначе, какъ кровью и кровь дѣйствительно пролилась и даже не одной, а нѣсколькихъ жертвъ. Юрий Даниловичъ сѣлъ на великокняжескій столъ Владимірскій или всея Руси, но старшій сыночекъ не вымеръ съ кончиной Михаила; его семейные, его сыновья хранили свято родныя преданья и ожидали только случая стать живымъ, упорнымъ протестомъ. Отъ Михаила Ярославовича осталось четверо сыновей Дмитрій Грозный Очи, Александръ, Константинъ и Василій, изъ которыхъ старшій сѣлъ на великокняжескій Тверской столъ тотчасъ же по полученіи извѣстія изъ орды о кончинѣ отца.

По возвращеніи на родину, новый великій князь всея Руси основался во Владимірѣ, а младшаго брата Афонасія, ⁴⁾ какъ

¹⁾ Воскресен. лѣт. II. 233 и 234.

²⁾ П. С. Р. Л. III. 72. IV. 49.

³⁾ Никон. Л. III. 115—121, Воскр. лѣт. II. 286—295.

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV. 49.

любимаго Новгородцами, отправилъ туда въ качествѣ намѣстника. Затѣмъ уладивъ свои отношенія къ Рязани на всей своей волѣ, 1) Юрій заключилъ миръ съ Дмитріемъ Тверскимъ, обѣщавшимся не спорить о великомъ княженіи всея Руси и заплатить 2,000 рублей. Вѣроятно великій князь сознавалъ ненадежность мирнаго договора и не упустилъ бы случая принять своевременныя мѣры къ обезсиленію Твери, но въ это время его вниманіе отвлекли другія отношенія. Новгородъ много помогалъ ему въ борьбѣ съ Тверью и потому естественно онъ не могъ отказать ему въ просьбѣ о помощи противъ шведовъ, овладѣвшихъ Корелюю и Кевсгольмомъ. Юрій лично предводительствовалъ Новгородцами, но, простоявъ безуспѣшно подъ Выборгомъ около мѣсяца, принужденъ былъ возвратиться въ Новгородъ 2).

Между тѣмъ совершился новый оборотъ счастья въ пользу Твери. Князь Дмитрій Михайловичъ, Грозныя Очи, успѣлъ выходить себѣ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское 3) и какъ энергическій и симпатичный представитель стараго направленія нацѣлъ въ общественномъ строѣ старыхъ городовъ рѣшительную поддержку. При такихъ обстоятельствахъ бороться съ нимъ было трудно. За Юрія, кромѣ Москвы, стоялъ только Новгородъ, правда располагавшій значительными силами, но занятый собственными своими дѣлами, войнами съ шведами, ливонцами и защитой своихъ промышленныхъ и торговыхъ предприятий на сѣверо-востокѣ за Устюгомъ, въ Югорской землѣ. Слѣдовательно, Юрію, по необходимости, ос-

1) Въ Рязани въ это время княжилъ Іоаннъ Ярославичъ, зависѣвшій фактически отъ Юрія Даниловича. Вообще Рязань находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, пытавшейся даже на уничтоженіе ея самобитности. Плененный Даниломъ Московскимъ рязанскій князь Константинъ, содержавшійся въ заключеніи въ Москвѣ, по расстрѣланію Юрія Даниловича въ 1307 году былъ убитъ, что указываетъ это злодѣйство оказавшееся безплоднымъ, такъ какъ Убедѣ назначилъ Рязанскимъ княземъ сына убитаго Ярослава.

2) П. С. Р. Л. III. 72.

3) По извѣстію Татищева, Дмитрій сдѣлалъ доносъ хану объ утайкѣ Юріемъ суммы, переданной тому для хана. Это извѣстіе подтверждается переминой разположенія хана къ Юрію и, еще болѣе, казнью Кагадма, о которой упоминается и въ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л. V. 314.).

тавалось терпѣливо выжидать болѣе благоприятнаго случая и стараться только возможно тѣснѣе соединить свои интересы съ интересами Новгородѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Предводительствуя новгородскими дружинами въ войнѣ со шведами, обеспечивъ границы Новгорода основаніемъ на Орѣховомъ островѣ крѣпости Орѣховаца (Шлиссльбургъ) и защитивъ новгородскія ватаги отъ нападений устюжанъ ¹⁾, онъ приобрѣлъ преданность великаго города, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежныя средства. Съ запасомъ этого то могущественнаго орудія, Юрій Даниловичъ въ 1324 году снова двинулся къ орѣху хлопотать для себя великаго княженія, а въ слѣдующемъ году прибылъ туда в великій князь Дмитрий Михайловичъ.

Снова обѣ партіи стояли у ханской старки съ тѣми же претензіями, съ тѣми же средствами и съ тѣмъ же упорнымъ преслѣдованіемъ своихъ цѣлей. Въ одномъ только сходились обѣ партіи: въ желаніи высвободиться изъ подъ власти монголовъ, но средствъ къ достиженію этого обѣ партіи искали въ различныхъ путяхъ, смотря по личнымъ своимъ воззрѣніямъ. Честный, пылкій тверской дружинникъ вѣрилъ въ свои силы, вѣрилъ въ неизмѣнность и святость тогдашняго общественнаго строя и въ безкорыстную помощь своего тестя, литовскаго Гедимина, и мечталъ въ открытомъ бою завоевать свободу. Сдержанный же и болѣе дальновидный владѣтель московскій ясно видѣлъ всю политическую несостоятельность современнаго ему общества, немощность его, невозможность съ успѣхомъ проявлять силами монголовъ и рѣшился всѣми возможными средствами, даже путемъ низкаго, рабскаго угонничества ханамъ, поднять единоличную великокняжескую власть, около которой дакъ около центра тѣсно сплотились бы всѣ разрозненныя силы русскихъ владѣній. Что дѣйствительно, такое было смѣломъ разправшейся борьбой, это ясно раскрывается при внимательномъ разсмотрѣніи причинъ и слѣдствій событій того времени, занесенныхъ въ лѣтописаніе.

Каждая изъ партій слѣпо держалась своихъ убѣжденій,

1) П. С. Р. Л. IV. 73.

не допускала никаких компромиссов и потому столкновение их необходимо должно было кончиться гибелью одной, как это и было уже несколько лѣтъ назадъ. Теперь очередь стояла за Юриемъ. 21 Ноября 1325 года, следовательно наканунѣ дня убійенія Михаила Ярославича, при личномъ свиданіи, безъ всякаго суда, въ кровную месть за своего отца, необузданный и пылкій сынъ его двадцатисемилѣтній Дмитрій Михайловичъ, Грозный Очи, раздробилъ черепъ закланному московскому лиходѣю своего дома. ¹⁾ Тѣло убитаго перевезено было въ Москву, гдѣ и погребено въ церкви Архангела Михаила. Юрій Даниловичъ палъ, но съ нимъ не погубило его дѣло. Его мысль крѣпко засѣла въ головахъ владѣтелей московскихъ, какъ это ясно будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

Вѣроятно глазамъ хана убійство Юрія Даниловича сначала казалось не слѣдствіемъ политической распри, а дѣломъ личной мести и можетъ даже извинительной. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что Дмитрій Михайловичъ, послѣ совершенія преступленія, жилъ въ ордѣ совершенно свободно, въ достоинствѣ великаго князя, а братъ его Александръ свободно воротился на родину съ ханскими пошлинниками. Но черезъ десять мѣсяцевъ обстоятельства измѣнились: Юрій оставилъ послѣ себя преданныхъ друзей въ новгородцахъ и московскихъ боярахъ. Новгородцы не желали усиленія сосѣдняго княжества и притомъ же такого безпокойнаго, а московскіе бояре, какъ вотчинники-землевладельцы видѣли въ интересахъ своего князя свои собственныя. Соединенныя усилія этихъ друзей успѣли представить хану дѣло въ иномъ свѣтѣ и, подъ влияніемъ ихъ внушеній, Дмитрій Михайловичъ вмѣстѣ съ Александромъ, княземъ Новосильскимъ, были казнены 15 сентября того же 1325 года, а братъ его Александръ Михайловичъ получилъ русское великое княженіе. ²⁾ Но, не смотря на поддержку ордн, тверскіе великіе князья, по личному своему характеру, какъ и вообще по характеру тверичей, оказались неспособными из-

¹⁾ Никон. Лѣт. III, 129.

²⁾ Никон. Лѣт. III, 130.

влечь какую либо пользу изъ такой поддержки, напротивъ того, они сами стремились къ своей гибели.

Лѣтомъ 1327 года прибылъ въ Тверь ханскій посолъ, Шевкаль или Шелканъ Дюденевиъ, двоюродный братъ Узбека, съ толпой ханциновъ, искавшихъ всякаго удобнаго случая обогатиться и обыкновенно сопровождавшихъ въ то время каждое посольство. Вѣроятно цѣль прибытія пословъ состояла въ наблюденіи за дѣйствіями великаго князя, но увлекающемуся и необузданному характеру тверичей почудилась громовая опасность. Въ народѣ распространилось убѣжденіе, будто татары, въ день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа, намѣрены воспользоваться большимъ напывомъ народа въ городъ, на праздникъ, истребить княжескій родъ, уничтожить самостоятельность княжества и привести христіанъ въ магометанскую вѣру. Послѣдствіемъ такого неосновательнаго увлеченія явилось крайнее народное возбужденіе, приведшее къ ужасному событію. На разсвѣтъ 15-го августа все вооруженное населеніе Твери, съ великимъ княземъ во главѣ, ринулось на татаръ, изъ которыхъ большая часть погибла въ кровавой и неравной сѣчѣ, а остальные, вмѣстѣ съ Шевкаломъ, сгорѣли въ дворцѣ, подозрѣнномъ народомъ ¹⁾.

Трудно объяснить цѣль этого необузданнаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что самъ великій князь, руководившій восстаніемъ, не могъ не знать всей его неосновательности. Если видѣть въ немъ несокрушимое народное движеніе, попытку высвободиться изъ подъ владычества ордн, то послѣдующія событія доказали полное отсутствіе всякой разумной подготовки. Силъ одного великаго княжества тверскаго, конечно, было даже недостаточно, а въ лѣтонисядѣ не встрѣчается никакого указанія на предварительныя сношенія и переговоры между княжествами. Мало того, даже уже и послѣ совершенія событія, въ Твери терпѣливо и неподвижно ожидали послѣдствій. И послѣдствія разразились самымъ чувствительнымъ образомъ.

Московский князь Іоаннъ Даниловичъ, по распоряженію

¹⁾ Нпкон. Лѣт. III. 137. П. С. Р. I. VI. 50 и 51.

хана Узбека, съ помощью суздальцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ ихъ князя Александра Васильевича, и 50 тысячъ ордунцевъ, двинулся въ тверскимъ предѣламъ, несмотря на зимніе морозы. Князь Александръ Михайловичъ убѣжалъ въ Псковъ; Тверь, Капшинъ и Торжокъ, со всѣми тинувшими въ нимъ землями, были взяты и опустошены начисто; сосѣдній Новгородъ избѣжалъ печальной участи только богатыми подарками ордунскимъ вельможамъ и уплатой тысячи рублей. Эту катастрофу можно считать послѣднимъ проявленіемъ самостоятельности Твери. Послѣ разгромена она уже не въ силахъ была вновь подняться и стать во главѣ русской федерации. Между тѣмъ, князь Іоаннъ Даниловичъ, въ награду за полное послушаніе, получилъ милостивую грамоту на великое княженіе всея Руси. Обыкновенно навиваютъ, со словъ Карамзина, (т. IV ст. 282 изд. Смирд.) Симеона Гордаго первымъ великимъ княземъ всея Руси, но это ошибочно. Въ жалованной грамотѣ Печерскимъ Сокольникамъ говорится: „*Се язъ князь великій Иванъ Даниловичъ всея Руси пожаловалъ есть....*“¹⁾ Ошибка, кажется, произошла оттого, что изъ московскихъ княжескихъ печатей дѣйствительно въ первый разъ на печати Симеона вырезано прибавленіе „*всехъ Руси*“.

Въ 1328 году Іоаннъ Даниловичъ здѣлался великимъ княземъ.²⁾ Въ числѣ современныхъ княжескихъ родовъ не оказывалось больше претендентовъ и опасныхъ соперниковъ. Рязанскіе князья, хотя и сохраняли видѣнную княжескую самостоятельность (въ 1328 году, казненному по повелѣнію хана рязанскому князю Іоанну Ярославичу, наследовалъ его сынъ Іоаннъ Коротополь), но въ дѣйствительности выдерживали сильное московское давленіе; князья Суздальскіе, не смотря на старшинство родства, сознавали свое безсиліе и потому не отдѣляли своихъ интересовъ отъ Москвы и ихъ плеби почти постоянно начали встрѣчаться рядомъ съ полками московскими; предприимчивая Тверь ослаблена надолго; Новгородъ, занятый своими промышленными предпріятіями, никогда не

¹⁾ А. А. Э. I. № 3.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 141.

стремился къ полной политической самостоятельности и постоянно старался только обезпечивать свои интересы, поддерживая княжескія вражды, принимая стороны слабѣйшихъ противъ сильнѣйшихъ и болѣе отдаленныхъ противъ ближайшихъ; Псковъ силится только отдѣлиться отъ Новгорода, скинуть съ себя значеніе пригорода; затѣмъ другія княжества, или по отдаленности своей, или по незначительности, не могли быть серьезными соперниками Москвы. Весь русскій современный сѣверовостокъ началъ инстинктивно сознавать разумность московскаго политическаго стремленія и тянуть къ нему. Что же касается до западной и южной Руси, то она составляла собою совершенно отдѣльную самостоятельную единицу подъ общимъ названіемъ Литвы, которая относилась къ Москвѣ по временамъ то враждебно, то союзно, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ отношенія эти становились все чаще и непосредственнѣе. Князья сѣверовосточной Руси женились на княжнахъ литовскихъ и, наоборотъ, князья литовскіе на княжнахъ московской Руси. Народная связь не прерывалась: люди, недовольные московскими порядками, искали защиты и покровительства въ Литвѣ и, наоборотъ, бѣглецы литовскіе находили вѣрное убѣжище въ Москвѣ. Вообще съ XIV столѣтія *великое княжество литовское* стало занимать на западѣ такое же мѣсто, какое на востокѣ занимала Москва, съ тѣми же стремленіями и съ тѣми же цѣлями. Границы обоихъ великихъ княжествъ близились другъ къ другу и, въ недалекомъ будущемъ, предстояло рѣшеніе вопроса о преобладаніи.

Историческія свидѣтельства застаютъ литовскій народъ подъ управленіемъ князя Миндовга, современника знаменитаго галицкаго короля Даниила, съ которымъ у Миндовга существовали постоянныя отношенія. Литване-язычники, населяя бѣдную мѣстность по обѣимъ сторонамъ средняго течения рѣки Нѣмана и по берегамъ Вили, между областями польскими, русскими и владѣніями нѣмецкихъ рыцарей, составляя нестройныя толпы подъ управленіемъ особыхъ князей, жили по преимуществу грабежемъ и разбоемъ. Изъ этихъ то бродячихъ шаекъ Миндовгу удалось, посредствомъ умерщвленія нѣкоторыхъ

литовскихъ князей и захвата ихъ земель и имѣній, образованъ цѣлое, довольно значительное владѣніе, уже опасное для сосѣдей. Противъ такого усиливающагося значенія новаго литовскаго князя, Даниилъ Галицкій и братъ его Василько нѣсколько разъ воставали, нѣсколько разъ побѣждали, нѣсколько разъ возстановляли противъ него и поляковъ и рыцарей нѣмецкихъ, но каждый разъ Миндовгъ выпутывался изъ бѣды или оружіемъ, или хитростью.

Миндовгъ погибъ отъ руки своего оскорбленнаго родственника Довмонта, не кончивъ полнаго объединенія литовскаго народа. Сынъ его Войшелгъ отличался страннымъ сочетаніемъ христіанской набожности съ неестественнымъ звѣрствомъ. Еще при жизни отца-язычника и несмотря даже на его увѣщанія и запрещеніе, принявъ христіанскую вѣру, онъ постригся въ монахи и жилъ въ одномъ изъ галицкихъ монастырей до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда извѣстіе объ убійствѣ его отца. Умертвивъ многихъ родственниковъ изъ князей литовскихъ въ личную месть за убійство отца, Войшелгъ сдѣлался главнымъ повелителемъ Литвы, владѣнія которой простирались къ западу до Малой Польши, къ югу до верховьевъ рѣки Буга и Приняти, къ востоку до Смоленскаго княжества и заключали въ себѣ черную Русь, Полѣсье, нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Минскую. Въ продолженіи своего княженія Войшелгъ постоянно оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Данииломъ и даже третьяго его сына Шварна, своего зятя, назначилъ литовскимъ княземъ. Послѣ смерти Даниила, старшій его сынъ, Левъ, умертвилъ Войшелга, но не могъ воспрепятствовать упроченію на литовскомъ престолѣ Шварна.

Княженіе Шварна, умершаго въ молодости, продолжалось не долго и по смерти его обладаніе литовскимъ престоломъ снова перешло въ руки туземца въ лицѣ знаменитаго Гедимина. Одаренный обширнымъ умомъ, изворотливостью и храбростью, Гедиминъ не только достигнулъ обладанія литовскимъ престоломъ посредствомъ убійства князя Буйвида, но и сумѣлъ организовать сильное княжество, сдѣлавшій великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. То оружіемъ, то хитростью,

то супружескими связями своихъ сыновей, Гедиминъ присвоилъ себѣ, одно за другимъ, многія русскія княжества. Хотя потомъ русскіе князья южной Руси и сознали опасность, соединились между собою, призвали даже на помощь татаръ, но въ битвѣ на берегахъ Ирпени были разбиты. Гедиминъ овладѣлъ Киевомъ, Брестомъ, Овручемъ, Житомиромъ и всю старинную Кривскою областью (Вѣлоруссію). Сознывая трудность удержанія за собою сдѣланныхъ завоеваній, онъ дѣйствовалъ чрезвычайно искусно: пользуясь верховной властью и достоинствомъ великаго князя, онъ не изгонялъ прирожденныхъ князей, уважалъ народные обычаи, нисколько не стѣснялъ православія,—хотя самъ былъ язычникомъ,—и позволялъ новымъ подданнымъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ московскаго митрополита. Какъ этими мѣрами, такъ и защитой отъ ордынскихъ набѣговъ, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ народную любовь и тѣмъ упрочилъ единство княжества.

Съ княженія Гедимины начинаются постоянныя отношенія Литвы съ московскою Русью: Новгородцы избираютъ себѣ въ защитники сына Гедимины, Париманта, князь тверской Александръ ищетъ защиты въ Литвѣ отъ московскаго гнета, сынъ московскаго князя женится на дочери Гедимины и т. п. Отношенія эти становятся все сильнѣе и тѣснѣе... преслѣдованіе одной и той же цѣли наконецъ поставило ихъ лицомъ къ лицу. Въ это время на русской территоріи явилось два центра: Москва и Вильна.

Г Л А В А IV.

Иоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ орду и русскимъ князьямъ.

Иоаннъ Даниловичъ, четвертый сынъ Данила Московскаго, младшаго сына Александра Невскаго, шоль неуклонно дорогой отца и дѣда. Если онъ не выказалъ блестящихъ воинскихъ дарованій дѣда, то нельзя отказать ему въ способностяхъ дальновидныхъ политическихъ соображеній. Слѣдуя указанію Невскаго на единственный способъ освобожденія

изъ подъ ига орды—способъ возвышенія единоличной власти великаго князя и лишенія самостоятельности второстепенныхъ князей, онъ достигалъ предположенной цѣли мирно, незамѣтно, не раздражая бесполезными спорами и не увлекаясь славой воинскихъ подвиговъ, обыкновенно тяжело лежащихъ на народѣ. Во все время его княженія не возникало ни одной разорительной войны. Ободренный то грабительствами, то налогами ордынцевъ, то княжескими усобицами, народъ отдохнулъ и сталъ набираться силъ. Для достиженія цѣли онъ пользовался двумя средствами, самыми могучими и дѣйствительными въ то время—самими монголами и вліяніемъ церкви. По личному характеру Іаннъ Даниловичъ былъ прежде всего хорошимъ, рачительнымъ хозяиномъ—скопидомомъ. Онъ понималъ необходимость и важность хозяйскаго глаза и личнаго наблюденія, недовѣрялъ случайности и не любилъ рискованности,

Никто изъ нашихъ великихъ князей не бывалъ такъ часто въ ордѣ, какъ Іоаннъ Даниловичъ и никто не старался быть ей столько угодливимъ. Первые поѣздки его относятся къ тому времени (1320), когда, послѣ казни Михаила Ярославича, положеніе Юрія Даниловича дѣлалось въ ордѣ все болѣе и болѣе шаткимъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ своевременно замѣтилъ неблагопріятный оборотъ счастья брата и заранѣе старался проторить себѣ дальнѣйшій путь. А средствъ къ расчисткѣ этого пути, онъ, вѣроятно, имѣлъ не мало, такъ какъ ни Юрій Даниловичъ, весь поглощенный спорами и непрерывными поѣздками то въ орду, то въ Новгородъ, то на Двину, ни Афанасій, занятый дѣлами Новгорода, ни Александръ и Борисъ, уѣхавшіе въ Тверь, не могли заниматься своими имуществами и сборомъ съ нихъ доходовъ. При своихъ поѣздкахъ къ хану, Іоаннъ Даниловичъ не щадилъ ни своего самолюбія, ни казны, но за то въ его княженіе орда почти совершенно не вмѣшивалась во внутреннія дѣла сѣверо-восточной Руси и не появлялось въ ея предѣлахъ ни одного ордынскаго грабителя-вельможи. „Съде князь Иванъ Даниловичъ, говорить Никонъ Лѣтопись (III. 142. П. С. Р. Л. IV. 51), на великомъ княженіи и бысть тишина велика крестья-

яномъ по всей русской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша Татарове воевати русскую землю". Состоя у хана единственнымъ представителемъ Руси, онъ этимъ сплачивалъ свое отечество въ одно цѣлое. Затѣмъ, въ преслѣдованіи этой послѣдней цѣли, онъ съумѣлъ и успѣлъ найти себѣ надежнаго союзника въ церкви. Сознывая важность все болѣе и болѣе усиливающагося вліянія церкви, а можетъ быть и по собственному религиозному чувству, онъ успѣлъ убѣдить митрополита Петра перенести въ 1825 году митрополию изъ Владиміра въ Москву.

Личность митрополита Петра имѣетъ огромное историческое значеніе. Хотя, по недостатку положительныхъ лѣтописныхъ указаній, трудно опредѣлить всю сущность вліянія этого святителя на политическія событія того времени и выяснитъ всѣ подробности его отношеній къ Калитѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признавать существованія этихъ отношеній и неизбежнаго вліянія въ виду положенія современной церкви и развитаго ума митрополита. Въ ряду русскихъ іерарховъ этотъ московскій святитель, просвѣщенный сподвижникъ и руководитель Калиты, занимаетъ самое видное мѣсто. Соединяя съ живительнымъ духомъ христіанской религіи вѣрный политическій тактъ, онъ много содѣйствовалъ къ развитію духовнаго просвѣщенія, къ правильному установленію отношеній церкви къ обществу и, главное, къ упроченію преобладающаго вліянія Москвы.

Митрополитъ Петръ родился въ Волинской землѣ ¹⁾ и съ отроческихъ лѣтъ преданъ изученію церковной литературы. Двѣнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ монастырь; единственныйъ въ то время проводникъ образованія, — и всѣмъ существомъ проникнулся высокимъ ученіемъ Христа. Черезъ нѣсколько лѣтъ, уже по посвященіи въ священники, онъ удалился изъ монастыря въ пустыню, близъ рѣки Раты, гдѣ впоследствии образовался извѣстный Ратскій монастырь. Высокія нравственныя достоинства молодаго инока привлекли къ нему глубокое уваженіе всѣхъ отъ княжескаго стола до очага поселянна. Повтому то, по смерти митрополита Максима, по

¹⁾ Степен. кн. I. 410.

настоянню галицкаго князя, съ письмомъ отъ послѣднаго къ константинопольскому патріарху Афонасію, Петръ отіравился въ Царьградъ, гдѣ и посвященъ былъ въ санъ Русскаго митрополита. Прибывъ во Владиміръ, столицу митрополіи, новый святитель съ неутомимою дѣятельностью принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Къ сожалѣнію, въ то время раздоры волновали наше церковное вѣдомство, раздѣлявшее мірскіе, интересы и неспособное взвыситься до уровня своего назначенія. Противъ новаго митрополита образовалась партія, во главѣ которой сталъ *епископъ тверской*. Посылались клеветы и обвиненія, послужившія поводомъ къ созванію собора въ Переяславлѣ, на которомъ положительно обнаружилась виновность Петра.

Взглядъ митрополита на обязанности духовенства весьма рельефно высказанъ имъ въ его высоко-поучительномъ, краснорѣчивомъ окружномъ посланіи къ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ: „помните дѣти, писалъ онъ, въ какое достоинство вы призваны Богомъ. Вы называетесь стражами церкви, пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ свою спасительную кровь. Будьте же истинными пастырями, а не наемниками... Будьте, дѣти, образцомъ для своего стада, по слову Спасителя, говорившаго своимъ апостоламъ: вы свѣтъ міра, вы соль земли. Такъ да просвѣтитса свѣтъ вашъ передъ людьми, чтобы они, видя ваши добрыя дѣла, прославили отца вашего, который на небесахъ. Прежде всего вамъ должно просвѣтиться сами добродѣтелями: кротостію и смиреніемъ; также блюстись отъ всѣхъ дѣлъ непристойныхъ, которыми міръ соблазняется. Оградившись страхомъ Божиимъ, отсѣкайте отъ сердецъ вашихъ всякую страсть, пагубную для души: гнѣвъ, злость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу и смѣхотворство. Будьте, дѣти, въ домѣ Божіемъ, какъ маслина плодовая и приносите плоды духовныя-святость. *Упражняйтесь въ чтеніи священныхъ книгъ и въ ученіи день и ночь.* Нужно, чтобы дѣла ваши соотвѣтствовали имени вашего сваящества: вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Облекитесь какъ избранные Божіи въ оружіе свѣта...

Бога ради старайтесь всѣми силами преводить жизнь въ страхъ Божиємъ, чтобы упасти себя и стадо свое". Въ заключеніи святишель проситъ молить о себѣ; „прошу васъ помолитесь о моемъ недостойнствѣ, по словашъ писанія: молитесь другъ за друга, это да исцѣдите“.

Подобное краснорѣчіе могло вылиться только изъ души, почувствовавшей высказанная истины въ самой себѣ, только въ глубокомъ сознаніи своего нравственнаго назначенія и въ полномъ отреченіи всякихъ мірскихъ выгодъ и интересовъ. Естественно, что при такомъ руководствѣ, при такомъ направленіи, наше духовенство не могло идти путемъ духовенства западнаго и если не отрѣшалось отъ земныхъ благъ, то тѣмъ не менѣе не только не стремилось къ приобрѣтенію политической власти, но даже постоянно служило прочнымъ орудіемъ верховной, свѣтской власти, самымъ твердымъ ея оплотомъ.

Доказательствомъ того, какииъ глубокимъ уваженіемъ пользовался митрополитъ Петръ отъ современниковъ не только православныхъ, но даже отъ язычниковъ, служить данная Узбекомъ русскому духовенству, льготная грамота, въ которой находится значительное прибавленіе противъ грамоты хана Менгу-Тимура (1270) относительно правъ духовенства на церковный судъ. «Да никто, говоритъ въ ярлыкѣ, не обидитъ въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритовъ, игуменовъ, чоповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, лозли, бѣги, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ всякой дани и пошлыны: ибо все то есть божіе, ибо еіа люди молитвою своею блюдутъ насъ и наше войество укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудимы единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ изъ и грамотами ирежаныхъ царей ордынскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ такомъ и крепкомъ житіи; да иравымъ сердцемъ и безъ печали молить Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто воаетъ что нибудь у духовныхъ, занлатить втрое, кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню—да умереть и проч. Конечно, эта грамота не устано-

вила новыхъ гражданскихъ отношеній ¹⁾ церкви, но она утвердила на всегда ея высокое положеніе.

Близкія, хорошія отношенія связывали Іоанна Даниловича съ великимъ святителемъ. Часто видѣлись и бесѣдовали между собою великій князь и митрополитъ еще въ то время, когда послѣдній находился во Владимірѣ, и безъ всякаго сомнѣнія бесѣда не разъ касалась общественныхъ современныхъ интересовъ. Невозможно одними дружескими отношеніями или пріятнымъ мѣстоположеніемъ московскихъ окрестностей объяснить такое многовѣдательное событіе, каково было перенесеніе митрополии въ Москву и совершенное такимъ проникательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ митрополитъ Петръ. Безъ всякаго сомнѣнія, святитель находилъ Москву обладающею всеми условіями для дальнѣйшаго развитія, способнаго стать въ послѣдствіи средоточіемъ русской жизни. Самое перенесеніе составляло немаловажный шагъ въ исторіи ея развитія. Дѣлаясь главою церкви, Москва становилась государственною столицею всѣхъ русскихъ княжествъ. Такъ смотрѣлъ на это и самъ святитель, какъ это можно видѣть изъ пророчества его, переданнаго митрополитомъ Кипріяномъ въ описаніи жизни св. Петра: «если ты, говорилъ св. митрополитъ Петръ великому князю, успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и *родъ твой воззвѣститъ*; кости мои останутся въ семъ градѣ; святители закончатъ обитать въ немъ, *руки его взмудуиш на плещи ересь нашихъ* ²⁾). Особенно замѣчательно въ приведенномъ выраженіи указаніе на общность интересовъ церкви и государства, на общихъ ихъ враговъ. Исполняя желаніе митрополита, Іоаннъ Даниловичъ заложилъ 4-го августа 1326 года каменную церковь Успенія Богородицы, въ стѣнѣ которой святитель устроилъ себѣ вѣчное жилище. Но великій іерархъ не дождался окончанія храма, скончавшись 20 декабря 1326 г., съ благословеніемъ своему московскому другу и съ мольбою при послѣднемъ выдохѣ за Русь. Храмъ освященъ уже въ 1327 г. ростовскимъ епископомъ Прохоромъ.

¹⁾ П. С. Г. Г. и Д. т. II. № 7.

²⁾ Степен: Книг. I 419. Никон. Лѣт. III. 135.

Говоря о построении церкви кстати замѣтить, что самую древнюю церковь въ Москвѣ, кажется, должно считать соборъ Спаса Преображенія на бору, находящійся на нынѣшнемъ царскомъ дворѣ, также какъ и въ древности. По преданію, въ половинѣ XII вѣка на мѣстѣ этого собора существовала въ дремучемъ лѣсу хижина отшельника Вукола, а впоследствии построена деревянная церковь съ мужскимъ монастыремъ, куда сначала и привезено было тѣло Михаила Ярославича. Въ 1330 году Іоанномъ Даниловичемъ вмѣсто деревянной церкви построена каменная, затѣмъ уже въ 1333 году построенъ имъ же Архангельскій соборъ.

Положеніе, давнее московской церкви св. Петромъ, не измѣнилось и при преемникѣ его грекѣ митрополитѣ Θεогностѣ, прибывшемъ изъ Царьграда въ Москву въ 1328 году и поселившемся на митрополичьемъ дворѣ. Да и не могло измѣниться это направленіе: въ это время началась дѣятельность нашихъ великихъ духовныхъ іерарховъ, св. митрополита Алексѣя, знаменитаго крестника Калиты и св. Сергія Радонежскаго.

Заручившись благоволеніемъ хана и надежной поддержкой церкви, московскій князь могъ дѣйствительно назваться великимъ княземъ всея Руси. Но при всемъ томъ положеніе политическихъ дѣлъ требовало крайней осторожности. Повидимому, судьба Твери вполне стала зависѣть отъ воли великаго князя московскаго, казалось, настала возможность присоединить ее къ московскимъ владѣніямъ, но въ дѣйствительности подобная попытка была бы чрезвычайно рискованной. Прагматическій умъ Іоанна Даниловича не могъ не предвидѣть тѣхъ опасностей, которыя неминуемо возникли бы при первомъ шагѣ къ присоединенію. Ослабленная катастрофой, Тверь все еще была сильна и дужомъ жителей и слишкомъ еще свѣжимъ преданіемъ и потому всякая попытка на уничтоженіе ея самостоятельности не могла не вызывать серьезнаго противодѣйствія какъ со стороны ея населенія, такъ и со стороны другихъ князей.

При оставленіи же самостоятельности княжества, естественно возникъ вопросъ о назначеніи князя тверскаго. По положенію обстоятельствъ, разрѣшеніе этого вопроса весьма много зависѣло отъ московскаго князя, который былъ, *de facto*, сильнѣе всѣхъ и который при томъ по связямъ своимъ имѣлъ сильную поддержку въ ордѣ, гдѣ недавняя ревность, оказанная имъ при усмиреніи Твери, давала ему нѣкоторое право на уваженіе къ его голосу. Дальновидный умъ московскаго князя рѣшилъ вопросъ въ пользу князей тверскаго дома. Нельзя не отдать справедливости глубокой обдуманности и основательности этого рѣшенія. Тверской домъ сдѣлался для Москвы не страшенъ, да и не могъ быть опаснымъ по своимъ наслѣдственнымъ качествамъ. Борьба между Тверью и Москвою рѣшилась навсегда въ пользу послѣдней и новаго домогательства безъ посторонней, виѣшней поддержки ожидать было трудно. Съ другой стороны, становясь обязаннымъ Москвѣ, дѣти честнаго Михаила Ярославича должны были видѣть въ Москвѣ свою покровительницу, подводить свои интересы къ ея интересамъ и такимъ образомъ укоренившаяся было вражда между этими княжескими столами должна была постепенно сглаживаться и уступать мѣсто новой дорогѣ будущаго слиянія. Что подобные выводы вѣрны и не могутъ быть только измышленіями изъ предвзятой идеи современнаго историка — это доказывается всѣми послѣдующими дѣйствіями московской политики.

Изъ четырехъ сыновей Михаила Ярославича, старшій — Дмитрій Грозный Очи, казненъ въ ордѣ, второй, Александръ лишился княженія вслѣдствіе избіенія татаръ въ Успеневъ день, — затѣмъ оставались Константинъ и Василій. Въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что тотчасъ же по вступленіи на великокняжескій столъ, князь Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи новгородскихъ представителей, Федора Колесницы и Константина Михайловича отправился въ орду, гдѣ и было испрошено у Константину Михайловичу княжество тверское ¹⁾. По утверженіи Константина, Узбекъ потребовалъ отъ великаго князя выдачи ему виновнаго Александра Михайловича. Великій

¹⁾ Никол. Лѣт. III. 141.

князь повиновался, но опять таки повиновался по своему, сообразно со своим видам. Великому князю не было расчета въ конец губить Александра Михайловича, — тотъ не былъ ему опасенъ, напротивъ, даже при случаѣ могъ служить хорошимъ противобсомъ существующей княжеской власти въ Твери. Поэтому, воротившись въ отечество, великій князь ограничился только отправкой къ Александру Михайловичу въ Псковъ, куда тотъ убѣжалъ во время опустошенія тверскихъ владѣній, отъ себя и отъ Новгорода архіепископа Моисея и тысяцкого Авраама (а по другимъ извѣстіямъ московскаго боярина Луку Протасьева) съ приглашеніемъ немедленно явиться къ хану. Но Александръ Михайловичъ, поддерживаемый псковитянами, отказался исполнить требованіе. Тогда Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи митрополита Теоноста, князя Суздальскаго, Александра Васильевича, братьевъ Александра, Константина тверскаго и Василія и другихъ князей, двинулся, изъ Новгорода къ Пскову съ войскомъ, но шелъ медленно, видимо избѣгая напраснаго кровопролитія и давая достаточно времени одуматься. Когда же эта внушительная угроза не подѣйствовала, то вмѣсто битвъ и осады великій князь прибѣгнувъ къ совершенно новому способу, заставилъ митрополита Теоноста положить проклятiе на ослушниковъ на князя Александра и всѣхъ псковитянъ. Мѣра оказалась дѣйствительной: Александръ убѣжалъ въ Литву къ Гедимину, митрополитъ снялъ проклятiе, а великій князь воротился, считая данное порученіе оконченнымъ ¹⁾.

Черезъ 18 мѣсяцевъ Александръ Михайловичъ, вѣроятно, по приглашенію псковитянъ, снова явился въ Псковъ уже въ достоинствѣ псковскаго князя. Въ то время псковитяны желали имѣть своего особаго князя. До сихъ поръ Псковъ, какъ пригородъ Новгорода, зависѣлъ отъ послѣдняго, получалъ отъ него посадниковъ и не имѣлъ особаго архипастыря. Между тѣмъ такая духовная и гражданская зависимость не могла не казаться тягостной для Пскова, достигнувшаго значительной степени развитія. Кромѣ того, положеніе его, какъ порубежнаго города,

¹⁾ П. С. Р. I. IV. 4. Нов. 51. 1-я Псков. 185.

постоянно угрожаемого неожиданными нападеніями, требовало постоянного присутствія власти главнаго военачальника. Съ цѣлью добиться самостоятельности, псковитяне выбрали себѣ княземъ любимаго ими Александра Михайловича и, воспользовавшись вакантною архіепископскою кафедрой въ Новгородѣ, по случаю постриженія въ скину Моисея, въ 1330 году, одновременно выбрали себѣ особаго епископа Арсенія, котораго и послали ставиться къ митрополиту ¹⁾. Послѣдній, однакожь, не уважилъ ихъ ходатайства, а посвятилъ архіепископомъ новгородскимъ, слѣдовательно и псковскимъ, избраннаго одними новгородцами, Василія, бывшаго священника Григорія Калѣку.

Не сохранилось свѣдѣнія, какъ отнесся великій князь къ своевольному избранію Псковомъ себѣ князя. Но такъ какъ со стороны Іоанна Даниловича не было заявлено никакой протестаціи, о чемъ, въ противномъ случаѣ, лѣтописцы не преминули бы сказать, то можно заключить, что онъ оставался къ псковскимъ событіямъ совершенно равнодушнымъ. Да оно и понятно. Отдѣленіе Пскова ослабляло Новгородъ, а ослабленіе послѣдняго совпадало совершенно съ видами московскаго князя. При ослабленіи Новгородъ имѣлъ болѣе нужды въ покровительствѣ и защитѣ князя, а слѣдовательно и тароватѣ былъ при выдачѣ ему субсидій, такъ необходимыхъ для поддержанія милостей хана.

Каждое княжеское путешествіе въ орду обходилось весьма дорого съ выходами или данью и подарками всѣмъ приближеннымъ хана, а князь Іоаннъ Даниловичъ бывалъ въ ордѣ весьма часто (въ 1328, 1331, 1333, 1336 и 1338 и проживалъ тамъ по нѣскольکو мѣсяцевъ). Какъ расчетливый хозяинъ, не желая раззорять *своихъ людей*, онъ, по необходимости, долженъ былъ особенно налегать на богатую область. Порой новгородцы отказывали князю, но каждый разъ все-таки платились—если не добровольно, то реквизиціей. Такъ въ 1332 году, по возвращеніи изъ орды, куда великій князь ѣздилъ вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ

¹⁾ Новг. л. 6839 г.

первый потребовалъ отъ Новгорода *закаменнаго серебра*; а получивъ отказъ, въ сопровожденіи князей низовскихъ и рязанскихъ, занявъ Торжокъ, вызвалъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и сталъ опустошать новгородскія волости. Въ этомъ положеніи новгородцы пытались умилостивить князя, но напрасно послали его, архимандритъ Лаврентій, Твердиславъ и Варфоломеевъ молили о милости „свободы ся отступилъ по крестному цѣлованію и миръ взялъ“, напрасны были также старанія самого архіепископа Василія и даже предложенія 500 руб., великій князь оставался недовольнымъ и вѣроятно достигнулъ бы большаго результата, еслибы въ это время не принужденъ былъ снова ѣхать въ орду по зову ханскаго посла Саранчака (1333 г.)¹⁾.

Прибывъ изъ орды въ слѣдующемъ 1334 году, великій князь неизвѣстно на какихъ условіяхъ помирился съ Новгородомъ чрезъ посредство митрополита Феогноста и даже лично посѣтилъ вольный городъ. Мало того, въ 1335 году онъ съ особенной лаской угощалъ новгородскихъ пословъ у себя въ Москвѣ, обѣщавъ имъ изгнать навсегда изъ Руси князя Александра Михайловича и возвратити Новгороду его прежній пригородъ Псковъ. Но отъ обѣщанія до дѣла далеко. Не въ расчетѣхъ князя мисловскаго было заботиться объ усиленіи Новгорода и обѣщаніе оставалось безъ исполненія,—по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Даже, напротивъ, вымогательная политика князя нисколько не измѣнилась. Такъ въ прямое нарушение клятвеннаго договора, онъ отправлялъ вооруженную рать на Двину, на волокъ, или для перехвата новгородской сибиревой казны, или съ цѣлію нислѣдовать торговый путь для торговыхъ людей своего княжества. Однако вслѣдствіи потерѣла полную неудачу и отъ незнакомыхъ утомительныхъ переходовъ и отъ противодѣйствія новгородскихъ ватагъ²⁾.

Съ своей стороны в политика Новгорода также оставалась вѣрной себѣ, т. е. своимъ интересамъ. Во время борьбы Тве-

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 77.

²⁾ Новг. л. 6845 г.

ри съ Москвою, Новгородъ постоянно дѣятельно поддерживалъ послѣднюю, какъ для себя болѣе безопаснаго и болѣе отдаленнаго врага, но теперь, съ паденіемъ Твери, Москва стала ближе и едва ли не болѣе опасной. Болѣе опасной уже и потому, что Москва, не какъ Тверь, представляла плотное единое цѣлое, съ разумной единой волей, неувлекающейся идеальными рыцарскими побужденіями. Поэтому и необходимо было искать себѣ гдѣ нибудь поддержки, выставить Москвѣ соперника вѣскаго. А такъ какъ соперника въ средѣ русскихъ княжествъ не оказывалось, то, естественно, Новгородъ долженъ былъ обратиться къ Литвѣ, стремящейся къ одинаковой цѣли съ Москвою. Онъ такъ и поступилъ. Еще въ октябрѣ 1333 года, сынъ великаго князя литовскаго Гедимина, Наримантъ, по крещеніи Глѣбъ, предложилъ Новгороду свои услуги, вслѣдствіе чего Новгородъ отдалъ ему пограничныя области Ладугу, Орѣховъ, Кеесгольмъ, Корелу и половину Капорья въ отчину и дѣдину¹⁾. Іоаннъ Даниловичъ не протестовалъ противъ эгого, но замѣчательно, что въ этомъ же году совершился бракъ сына Іоанна Даниловича Симеона съ дочерью Гедимина Августой, по крещеніи Настасьей. Разнодушіе великаго князя московскаго къ своевольному поступку Новгорода, кажется, легко объясняется сознаніемъ своей безопасности съ этой стороны. Литва въ это время была змычской, слѣдовательно не могла пользоваться народной симпатіей Руси, да притомъ же поддержка хана давала ему рѣшительную силу.

Также спокойно смотрѣлъ великій князь и на попытку Новгорода сблизиться съ Псковомъ. Хотя эта попытка и казалась сначала удачною, такъ какъ новгородцы помирились съ княземъ Александромъ Михайловичемъ и даже архіепископъ Василій съ клиросомъ былъ въ Псковѣ и крестилъ сына у князя, но едва ли не въ слѣдующемъ же году того же архіепископа въ Псковѣ встрѣтили уже холодно, не дали обыкновенной судной пошлины — десятой части всѣхъ судебныхъ, казенныхъ доходовъ и даже не обратили особеннаго вниманія

¹⁾ Никон. III 160.

на объявленное на нихъ пастыремъ проклятіе. Интересы стараго города и пригорода, стремленіемъ къ господству перваго и желаніемъ высвободиться втораго, были до такой степени противоположны, что не допускали никакого значенія и прочности подобнымъ попыткамъ.

И дѣйствительно, московскій князь имѣлъ полное основаніе не обращать вниманія на подобныя интриги; онъ чувствовалъ себя великимъ княземъ по силѣ и могъ предвидѣть въ будущемъ еще большее развитіе неограниченной власти. Политика, вычатая гевіемъ Невскаго, развитая даровитымъ отцомъ его Даниломъ и братомъ Юріемъ, привела къ прочнымъ послѣдствіямъ. Подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ самовластныхъ распоряженіяхъ самого Іоанна Даниловича при всей его крайней осторожности.

Строго говоря, Іоаннъ Даниловичъ, по понятіямъ существовавшаго родоваго старѣйшинства, не имѣлъ права на великое княженіе, такъ какъ болѣе его имѣлъ правъ Александръ Васильевичъ суздальскій—старшій сынъ внука Ярослава. Есть даже извѣстіе въ лѣтописяхъ, будто ханъ Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе между Іоанномъ московскимъ и Александромъ суздальскимъ ¹⁾, назначивъ первому Новгородъ и Кострому, а второму Владиміръ и поволжье. Въ какой степени справедливо это извѣстіе, положительно сказать невозможно, хотя извѣстно, что Іоаннъ Даниловичъ считался единственнымъ великимъ княземъ, что Александръ суздальскій не только уступалъ ему первенство, но даже поддерживалъ его, постоянно присоединяя къ войскамъ великаго князя свои собственныя и, хотя извѣстно въ то же время, что Александръ Васильевичъ безспорно обладалъ стольнымъ городомъ Владиміромъ и даже на одно время перевозилъ владимірскій вѣчевой колоколъ съ Богородицы къ себѣ въ Суздаль.

По смерти же Александра Васильевича (1333 г.), умершаго бздѣтнымъ, московскій князь сталъ распоряжаться совершенно самопроизвольно, же далъ меньшему брату умершаго Константину Васильевичу, женатому на дочери (своему

¹⁾ Барамз, примѣч. 303. къ IV т.

зятю), какъ бы слѣдовало по родовымъ понятіямъ, Владиміра, а посадилъ въ Ростовъ воеводами своего московскаго боярина Василія Кочеву и нѣкоого Миняя, которые распорядились тамъ какъ въ исконной отчинѣ ¹⁾. Лѣтописецъ описываетъ отношенія Ростова къ Москвѣ весьма характерно: «Уви, уви, тогда граду Ростову, паче же и княземъ якъ, яко отъяси отъ нихъ власть и имѣніе и честь и слава; и вотягнуша къ Москвѣ». Далѣе объ образѣ дѣяній московскихъ уполномоченныхъ (Кочеву и Миняя) лѣтописецъ говоритъ: «едва видоша во градъ Ростовъ, тогда возложиша велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ ростовецъ москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе... Только дерзновенія надъ Ростовомъ содѣваша, яко и Епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именовъ Аверкія, стремглавъ обѣсаша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана точію жива». Нельзя не видѣть въ этомъ краснорѣчивомъ описаніи лѣтописца увлеченія, подъ влияніемъ оскорбленной гордости. Трудно представить, чтобъ осторожный Іоаннъ Даниловичъ могъ послать уполномоченными людей, способныхъ такъ безпощадно грабить; да и воспоминаніе недавней самостоятельности было еще слишкомъ живо, чтобъ не опасаться открытаго возстанія. Но тѣмъ не менѣе фактъ самопроизвольнаго распоряженія московскаго князя остается неоспоримымъ.

Отношенія Москвы къ Рязани оставались прежнія: еще при предшественникѣ Іоанна Даниловича, Юрѣ Даниловичѣ, послѣдняя значительно ограничилась въ своей самостоятельности. Ярославское княжество точно также выдерживало рѣшительное и тягостное влияніе Москвы, что можно видѣть изъ того, что князь Василій Ярославичъ, не смотря на то, что былъ женатъ на дочери Калиты не приминулъ стать на сторону его враговъ, какъ только представилась къ тому возможность. Изъ остальныхъ княжествъ—опасныхъ не выдавалось; они были малосильны и за потерей независимости ста-

¹⁾ Никон. Л. IV. 204. Повѣсть о св. Сергій.

рѣйшими городами, могли пользоваться своей самостоятельностью, какъ милость.

Съ этихъ поръ княжескія отношенія сѣверо-восточной Руси почти уже не представляли собою прежняго федеративнаго устройства.

Г Л А В А V.

Іоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе московскаго княжества.

Москва стала въ главѣ русской семьи, но не прежней главой до монгольскаго ига, какой былъ Кіевъ, главой безурядной и порывистой, но сдержанной, ровной, умѣвшей выжидать и пользоваться обстоятельствами. Князь Іоаннъ Даниловичъ умѣлъ ревниво охранять интересы Москвы, какъ интересы свои собственные и понимая, что ея интересы есть единственно вѣрное орудіе свободы и будущаго развитія. Скоро представился случай тяжкаго испытанія и онъ сумѣлъ восторжествовать безъ риска, не подводя свой народъ къ тяжкимъ жертвамъ.

Бѣжавшій изъ Твери отъ татарскаго погрома князь Александръ Михайловичъ, при поддержкѣ Гедимина, успѣлъ утвердиться въ Псковѣ въ достоинствѣ князя. Народъ псковскій полюбилъ его, какъ вообще любили въ Твери и его и весь симпатичный родъ Михайла Ярославича, отличившійся добродушіемъ и привѣтливостью. Но самъ князь Александръ не считалъ своего положенія прочнымъ; онъ понималъ, что Новгородъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отдѣленію своего пригорода и что рано или поздно, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ снова подчинитъ Псковъ и что тогда ему придется быть скитальцемъ по русской землѣ. Это убѣжденіе, а можетъ быть и воспоминаніе о дорогомъ отечествѣ, гдѣ княжилъ его братъ Константинъ Михайловичъ, заставило его снова искать себѣ доли въ родномъ краю. На содѣйствіе великаго князя московскаго конечно онъ не могъ рассчитывать,

кровавья тѣни слишкомъ близкихъ, родныхъ лицъ стояли между нимъ и москвичемъ,—завоевать открытой силой прежнее достояніе не было возможности, а потому и оставалось только одно средство: дѣйствовать черезъ хана. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но предварительно окончательнаго шага онъ рѣшился послать въ орду на развѣдки своего сына Федора. Въ 1336 году Федоръ воротился изъ орды съ позывомъ къ отцу отъ хана. Вѣроятно вѣсти, привезенныя сыномъ, не были безадежными, по крайней мѣрѣ они заставили рѣшиться ѣхать лично къ хану съ повинной. Лѣтописецъ передаетъ намъ рѣчь Александра къ Узбеку: «господине великій царю! аще много зла сотворихъ ти, но придохъ къ тебѣ или смерть, или животь отъ тебе пріяти, како тебѣ Богъ навіститъ: на все есмь готовъ. Аще по своему царскому величеству даси ми животь; благодарю Бога и твою милость. Аще ли смерти предаси мя, достоинъ есмь смерти и се глава моя предъ тобою есть». Униженная ли рѣчь Александра, или привезенныя имъ подарки подѣйствовали благопріятно на хана, извѣстно только, что князь Александръ Михайловичъ воротился на Русь съ послами ханскими Кайдыкомъ и Авдуломъ въ достоинствѣ князя тверскаго ¹⁾).

Назначеніе Александра Михайловича княземъ тверскимъ ставило великаго князя московскаго въ весьма затруднительное положеніе. Оно снова поднимало старый вопросъ о старшинствѣ, вопросъ о старомъ и новомъ порядкѣ, о федераціи и единачаліи. Не могъ забыть этихъ вопросовъ Александръ Михайловичъ, въ глазахъ котораго пали невинными, по его убѣжденіямъ, жертвами его любимый отецъ и братъ; онъ выросъ и созрѣлъ въ понятіяхъ права родства. Сдѣлавшись снова княземъ и именно въ той области, гдѣ онъ прежде былъ *великимъ княземъ*, онъ долженъ былъ продолжать старыя счеты не безъ нѣкоторыхъ шансовъ на успѣхъ. Тверское княжество во время его отсутствія, благодаря заботливости Константина Михайловича, успѣло отдохнуть, окрѣпнуть и собраться людьми ²⁾; число князей недовольныхъ московскимъ поряд-

¹⁾ Троицк. Лѣт. 6846 г.

²⁾ Никол. Л. IV. 167.

жомъ и готовыхъ поддержать тверскаго князя, какъ представителя любимой ими старины, было вѣроятно немалое. Въ числѣ недовольныхъ, даже открыто взявшихъ сторону Твери, находился, напримѣръ, зять Калиты Василій Давыдовичъ Ярославскій. И безъ всякаго сомнѣнiя это число еще болѣе увеличилось бы, если бы перевѣсъ сколько нибудь склонился на сторону Твери. Но разумно воспользоваться всѣми этими благоприятными обстоятельствами не въ состоянiи была хотя и симпатичная, но опрометчивая природа дѣтей Михаила Ярославича. Мало того, что князь Александръ не воспользовался ими, онъ даже самъ передалъ врагу своему одно изъ могущественныхъ орудій противъ себя. Вмѣсто того, чтобы, по возвращенiи въ Тверь, сплотить около себя, закрѣпить за собою интересы влиятельнаго класса народа, онъ, наоборотъ, успѣлъ возбудить его противъ себя. Привезя съ собою въ Тверь изъ Пскова прежнихъ любимыхъ сотрудниковъ своихъ и оказывая имъ явное предпочтенiе, онъ восстановилъ мѣстныхъ тверскихъ бояръ и заставилъ ихъ переѣзжать въ Москву. На одного изъ такихъ псковскихъ любимцевъ наши источники указываютъ на нѣкоего нѣмца Доля, уроженца Вдова (Виндау), по крещенiи Василія, сдѣлавшагося въ Твери при Александрѣ знатнымъ бояриномъ¹⁾.

Переѣхавше въ Москву недовольные бояре, конечно, не замедлили передать московскому князю все, что знали о замыслахъ Александра, а знать они могли все, такъ какъ у князя Александра, какъ у покойникъ его отца и брата, душа была нараспашку. Да и кромѣ ихъ Юаннъ Даниловичъ могъ получить полныя свѣдѣнiя черезъ своихъ расторопныхъ слугъ въ Литвѣ, по непосредственнымъ родственнымъ сношенiямъ съ домомъ Гедимина. Заручившись такимъ образомъ достаточнымъ обвиненiемъ противъ содѣльника, онъ воспользовался имъ сообразно съ своею расчетливостью, не объявилъ рискованной для себя войны, а передалъ это обвиненiе хану. Обвиненiя заключались въ подтвержденiи прежнихъ замысловъ тверичей, съ помощью Литвы понизивъ Москву, стать самимъ во главѣ

¹⁾ Родосл. кн. род. Левашовыхъ.

русскихъ княжествъ и свергнуть его монгольское. Цѣль достойная благороднаго русскаго сердца, но не сбыточная по способу исполненія. Силы федеративныхъ княжествъ не только не были достаточно окрѣпшими для уничтоженія ига, но они сами гибли въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ эгоистичныхъ притязаній. Въ примѣрахъ недостатка вѣтъ, они слишкомъ обильны и сами бросаются въ глаза: въ описываемую эпоху (1339 г.) козельскій князь Андрей, убитъ былъ своимъ братаничемъ Василиемъ Пантелеевичемъ, въ томъ же году рязанскій князь Іоаннъ Коротополь, встрѣтивъ на дорогѣ родственника своего князя Александра пронскаго, ѣхавшаго въ орду съ данью, схватилъ его, ограбилъ и убилъ, той же зимой коромольница брянца „сшедшея вѣчемъ убиша князя Глѣба Святославича“. При такихъ порядкахъ только одни легковѣрные умы, къ которымъ нельзя не причислить князей тверскихъ, могли мечтать о дружномъ противодѣйствіи ордѣ.

Въ 1339 году, Іоаннъ Даниловичъ, вмѣстѣ съ своими двумя старшими сыновьями Симеономъ и Іоанномъ отправился въ орду къ хану Узбеку, около котораго онъ имѣлъ много добротовъ, подкупаемыхъ подарками и потому всегда готовыхъ проводить его мысли. Вѣроятно черезъ этихъ то добротовъ московскій князь передалъ Узбеку свѣдѣніе о замыслахъ князя Александра. Въ новгородской лѣтописи прямо указывается на участіе великаго князя Іоанна *«его же думою»* прислаше татарове за Александромъ; въ Никоновской же лѣтописи говорится неопредѣленно: «царю Узбеку много клеветаша *мыци* на князя Александра и уши царевы наполниша многіе горести ¹⁾». Впрочемъ вопросъ о томъ, кто былъ непосредственнымъ обвинителемъ, дѣлается совершенно безразличнымъ, при знаніи истиннаго, хотя и скрытаго источника. Гораздо болѣе важенъ вопросъ о степени справедливости обвиненія Александра, о томъ, долженъ ли князь московскій назваться клеветникомъ, достигающимъ предположенной цѣли всѣми законными и незаконными средствами. Соображая внимательно существовавшія отношенія и характеры лицъ, нельзя не признать сира-

¹⁾ П. Р. С. Л. III. 79. Никон. III. 164.

ведливости обвиненія тверскаго князя. Близость сношеній князя Александра съ Литвой и со всѣми врагами московскаго дома не подлежитъ никакому сомнѣнью, а бывшая катастрофа Успеньева дня достаточно доказываетъ цѣль и характеръ этихъ сношеній. Въ глазахъ же Іоанна Даниловича князь Александръ казался человѣкомъ неспокойнымъ, возмутителемъ общественнаго порядка и безцѣльно губившимъ дѣло спасенія своего отечества. Если у людей, ближе стоявшихъ къ тому времени, болѣе подвергавшихся вліянію симпатичныхъ натуръ тверскихъ князей, не встрѣчается прямаго обвиненія въ черной клеветѣ, то тѣмъ болѣе не должно существовать такого обвиненія у потомства, совершенно безпристрастно относящагося къ значенію событій. Да и трудно видѣть чернаго клеветника въ близкомъ человѣкѣ и сподвижникѣ такого высоко-нравственнаго лица, какимъ былъ митрополитъ Петръ.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, ханъ Узбекъ отправилъ гонца Истречея, съ милостивымъ приглашеніемъ явиться въ орду, къ князю Александру, къ князю Василию Ярославичу и къ друг. Князь Александръ, подозрѣвая истину, что нѣкоторымъ образомъ тоже указываетъ на справедливость обвиненія, не рѣшился ѣхать самъ, а предварительно, для узнанія положенія дѣлъ, предпочелъ послать въ орду сына Федора и затѣмъ, только впоследствии, по полученіи втораго приглашенія, рѣшился отправиться лично. Князя тверскаго сопровождали князь Романъ бѣлозерскій и князь Василій Давыдовичъ ярославскій ¹⁾.

Неласковій приѣмъ ожидалъ Александра Михайловича въ ордѣ. Хотя его и поддерживали сама царица и нѣкоторые изъ ордынскихъ вельможъ, но или обвиненіе было слишкомъ явно, или подкупиное усердіе московскихъ доброхотовъ слишкомъ велико, только по истеченіи мѣсяца ожиданія состоялось повелѣніе хана казнить тверскаго князя, какъ измѣнника. Карамзинъ приписываетъ казнь Александра прямому и непосредственному внушенію князя московскаго. Такъ онъ говоритъ, что прибытіе сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло Александра ²⁾. Это

¹⁾ *ibid.*

²⁾ И. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 237 изд. Смирд.

извѣстіе невѣрно. Іоаннъ съ сыновьями былъ въ орду до прибытія туда Александра, а совершить другое путешествіе въ орду въ такое короткое время, по тогдашнему состоянію сообщеній, при сопровожденіи свитцъ и вершниковъ,—было положительно невозможно. 28 октября совершилась казнь князя Александра и сына его Федора съ тѣмъ же отвратительнымъ безчеловѣчьемъ, какимъ постоянно характеризуются казни того вѣка «и разоимаша быша но съ ставомъ»¹⁾. Со смертью этого князя кончилась политическая передовая роль тверскаго княжества. Гибельный примѣръ Михаила Ярославича, сыновей его Дмитрія и Александра съ молодымъ сыномъ послѣдняго Федоромъ Александровичемъ, тяжело доказалъ силу московской политики и полную невозможность дальнѣйшей борьбы. Распоряженіемъ московскаго князя въ Москву перевезенъ былъ и соборный колоколъ Твери, въ чемъ нельзя не видѣть особеннаго значенія.

Изъ остальныхъ событій времени Іоанна Даниловича, остается упомянуть только объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду и о вооруженной демонстраціи къ Смоленску. Изъ предшествующаго изложенія видно было, что Новгородъ искалъ въ Литвѣ себѣ поддержки противъ корыстолюбивыхъ и властолюбивыхъ домогательствъ Мосевы. Но расчеты оказались невѣрными. Несмотря на доброе согласіе съ княземъ литовскимъ, шайки литовскихъ бродягъ, въ 1335 году, грабили новгородскія области и опустошали предѣлы Торжка, въ отмѣтку за что московскіе полки разорили нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчекъ и др. Приглашенный князь Наримантъ, не только не оберегалъ свои порубежныя новгородскія области, но даже въ 1337 году, при нападеніи шведовъ, уѣхалъ въ Литву и вызвалъ изъ Орѣхова своего сына Александра. Такимъ образомъ Новгородъ, безъ всякой внѣшней поддержки, принужденъ былъ выносить давленіе Москвы. Впрочемъ это давленіе въ эту эпоху проявлялось единственно въ усиленномъ требованіи дани. Такъ по окончаніи войны Новгорода съ шведами, Іоаннъ Даниловичъ, недовольствуясь только что

¹⁾ Никон, III. 166.

полученной данью, потребовалъ другаго, еще большаго выхода, подѣ предложомъ будто бы требованія хана. Новгородъ, ссылаясь на свои договорныя грамоты, по которымъ онъ былъ свободенъ отъ чрезвычайныхъ налоговъ, отказалъ, за что Іоаннъ объявилъ вольному городу свое неудовольствіе и вызвалъ оттуда своихъ намѣстниковъ. ¹⁾ Но дальнѣйшихъ послѣдствій для Новгорода не произошло за отвлеченіемъ вниманія князя на другой предметъ, а потомъ за вослѣдовавшею смертью князя.

Другое событіе послѣдняго года княженія Іоанна Даниловича составляетъ смоленскій походъ. Въ 1340 году по приказанію хана Узбека двинулись къ Смоленску монгольскіе полки подѣ начальствомъ Товлубея, а изъ русскихъ, рязанскіе съ княземъ Іоанномъ Коротополомъ и московскіе или великокняжескіе, въ рядахъ которыхъ находились князья: Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій, Друцкій, Фоминскій и друг. ²⁾ Наши лѣтописи не высказываютъ причины похода, но вѣроятно смоленскій князь, желая высвободиться изъ подѣ орды, заключилъ союзъ съ Латвой, въ которой танули и другія западныя русскія области и ясно выказалъ независимость отъ хана. Походъ не имѣлъ послѣдствій. Подойдя къ городу, союзныя силы не приступали къ осадѣ его и, простоявъ нѣсколько дней, воротились. Вѣроятно ордынскій воевода былъ удовлетворенъ или данью, или подарками, а русскіе князья лично отъ себя не имѣли повода продолжать войну. Въ описаніи этого похода замѣчательно выраженіе лѣтописца о томъ, что великій князь, пославъ свою рать отпустилъ... (имена князей) а съ ними воеводу Александра Ивановича и Феодора Акинеовича. Въ этомъ извѣстіи ясно пробиваются новыя воззрѣнія Москвы. Прежде князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый друженникъ и если не шолъ самъ начальствовать, то его мѣсто заступалъ князь старшій въ родѣ, тогда какъ теперь московскою ратью начальствуютъ мѣстные воеводы.

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 79.

²⁾ Никон. III. 171.

Смоленскій походъ былъ послѣднимъ распоряженіемъ великаго князя Іоанна Даниловича (Калиты) московскаго, умершаго 31-го марта 1341 г. отъ тяжелой болѣзни. Передъ кончиной онъ подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго чувства и по обыкновенію, весьма распространенному въ то время въ княжескихъ семьяхъ, отрекся отъ міра и принялъ схиму.

Послѣ Калиты осталось 2 духовныхъ завѣщанія, изъ которыхъ 1-е составлено имъ еще въ 1328 году передъ поѣздкой въ орду. Изъ этихъ завѣщаній можно видѣть составъ тогдашняго московскаго княжества. Къ сожалѣнію въ нихъ не могли войти всѣ тѣ прибавленія, которыя сдѣланы были имъ самимъ послѣ составленія завѣщаній, и эти прибавленія должны были быть довольно значительными, судя по козьяйственной дѣятельности князя. Извѣстно, напримѣръ, изъ завѣщанія Донскаго, что дѣдомъ его (Калитою) куплены были города: Угличь, Бѣлозерскъ, Галичь, Сурожижъ, Мушкину гору, Радонежское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободна Сафроновская, Вохла, Дѣйково Раменье, Далищова свободна, Матовъ, Селка, Гуслиця, Раменье, а села: Михайловское, село Луцинское, село Уозера, село Радонежское, село Дѣйгупиньское, село Тыловское, Ротожь, село Протасьевское, Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузѣ. Но объ нихъ въ завѣщаніяхъ не уомянуто ни одного слова. ¹⁾ Въ 1-мъ завѣщаніи великій князь назначаетъ: ²⁾ «приказываю сыномъ своимъ *отчину свою Москву*; а ее есть имъ раздѣлъ учинилъ. Се даль есть сыну своему большему Семену: Можескъ, Коломну со всеми коломенскими волостями... Городсику, Мѣзнию, Пѣсочку, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Моковецъ, Левичикъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на

¹⁾ Разнорѣчіе извѣстія о покупкѣ Іоанномъ Даниловичемъ городовъ Углича, Бѣлозерска и Галича съ извѣстіемъ о княженіи въ нихъ своихъ князей даже послѣ Калиты весьма основательно объясняется нашимъ уважаемымъ ученымъ С. М. Соловьевымъ тѣмъ, что вѣроятно покупка была произведена подъ условіемъ оставленія пожизненнаго владѣнія въ тѣхъ городахъ продавцовъ (прим. 417 къ III т. Ист. Рос.).

²⁾ С. Г. Гр. Дог. т. I. ст. 31—35.

Сѣверьскѣ въ Похрянскомѣ уѣздѣ, село Константиновское, село Орипинское, село Островское, село Конотенское, сельце Микунское, село Малаховское, село Напрудское у города. Ивану: Звенигородъ, Кремичу, Рузу, Фоминское, Суходолъ, Великую свободу... Замотьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатева свобода, Окирминьское, Тростна, Нѣгуца; а села: село Руховское, село Каменичьское, село Рузское, село Бѣлжинское, село Максимовское, село Андреевское, село Вязанское, село Домонтовское, село въ Замоньской свободѣ, село Семьчинское... Андрею, Лопастку, Сѣверьску, Наруньское, Серпоховъ, Нивну, Темку, Годичини, Щитовъ, Перемишль... Растовець, Тухачевъ, а села: село Талезьское, село Серпоховское, село Колбочинское, село Нарское, село Перемишльское, село Витатовское, село Труфоновское, село Ямковское, село Коломиньское, село Когашинское. Княгиня (умершей въ 1382 г.) съ меньшими дѣтьми села бывшія въ ея владѣніи... также оброки городскихъ волостей, за исключеніемъ купеческихъ пошлинъ, слѣдовавшихъ въ доходъ сыновьямъ. Затѣмъ въ завѣщаніи высказывался, что въ раздѣлъ идутъ купленные люди, численные же какъ платившіе общую государственную дань, подлежали общему вѣдѣнію. Въ завѣщаніи помѣщено распоряженіе о движимомъ имуществѣ, послѣ котораго говорится: «а приказываю тебѣ сыну своему Семену братью твою младшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Божьей воли и ты и ты будешь печальникъ». Завѣщаніе писалъ дьякъ князя великаго Кострома, а свидѣтелями подписались отцы духовные Ефрѣмъ, Федосій и попъ Давыдъ. Второе завѣщаніе составляетъ повтореніе перваго слово въ слово ¹⁾ съ прибавленіемъ только распоряженій о купленныхъ селахъ: «а оирочъ московскихъ сель даю сыну своему Семену села своя купленная: село Ава-

¹⁾ Въ заключительной статьѣ г. Чичерина „духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“ высказывается, что во второмъ завѣщаніи Калиты не помѣщено уже распоряженія о печалованіи Семеномъ своей младшей брати и княгини, но это вѣрно. Распоряженіе о печалованіи существуетъ и во второмъ завѣщаніи, но оно только въ концу отчего и ускользнуло отъ вниманія почтеннаго ученаго (опыты по истор. Рус. Права стр. 241 и 287. 2 Лапьера Рус. Геральд. стр. 124 и 232.

ковское въ Новѣгородѣ на Удалѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олексинское, Вседобричъ и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему Ивану». Купленные села Варварское и Мѣловское, назначены Андрею, затѣмъ изъ купленныхъ селъ Павловское («Бабы наше купля»), новое село и Олександръ святой (на Костромѣ) назначены княгинѣ. И наконецъ изъ купленныхъ же селъ Богородичское (въ Ростовѣ) отдано какому то Борису Воркову до тѣхъ поръ пока онъ *«служить дѣтямъ своимъ»*, села на Кержечи, Леонтиевское и Шараповское назначили въ поминанье. Второе завѣщаніе точно также какъ и первое подписано тѣми же самими свидѣтелями, но въ немъ нѣтъ надписа князя Костромн.

Къ какому времени должно отнести составленіе втораго завѣщанія? Многие ученые, считая его предсмертнымъ распоряженіемъ Калиты (Загоскина Историі Права московскаго государства 1877 г. стр. 157) относятъ составленіе его къ 1341 году. Но самая сущность распоряженій опровергаетъ это мнѣніе. Такъ какъ во второмъ завѣщаніи помѣщены назначенія селъ княгинѣ, умершей въ 1332 году, то слѣдовательно и самое составленіе должно быть отнесено къ болѣе раннему времени. Въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ время составленія его опредѣлено 1328 годомъ т. е. тѣмъ же годомъ, когда было составлено и первое завѣщаніе, но едва ли возможна покупка въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ такого значительнаго числа селъ. Поэтому, кажется, вѣроятнѣе отнести это время составленія втораго завѣщанія къ 1331 году. Даже и при этомъ предположеніи цифра покупокъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, отъ 1328 до 1332 г., представляется весьма солидной; невольно рождается вопросъ о количествѣ всѣхъ покупокъ до 1341 годъ. Но когда бы ни было совершено завѣщаніе, во всякомъ случаѣ неоспоримъ фактъ, что московскіе князья сдѣлались самыми богатыми князьями того времени. Къ грамотѣ, писанной на пергаментѣ, привѣшана двусторонняя княжеская печать съ изображеніями Спасителя

и Иоанна Богослова и надписью вокруг: печать великаго князя Ивана». На это обстоятельство необходимо обратить вниманіе. Какъ въ вѣчевомъ періодѣ южныхъ княжествъ, такъ и въ сѣверовосточныхъ княжествахъ не существовало особаго государственнаго герба, и грамоты обыкновенно скрѣплялись частными печатами князей, на которыхъ изображались лики или Спасителя или Богоматери, или того святаго, имя котораго носилъ князь. Первое употребленіе особаго, государственнаго герба (двуглаваго орла) встрѣчается не ранѣе Иоанна III. При Иоаннѣ IV замѣчается уже положительное различіе въ употребленіи государственнаго герба и княжеской печати. На всѣхъ государственныхъ документахъ Иоанна IV находится печать государственнаго герба т. е. двуглаваго орла, частная же, неофициальная, переписка этого государя обыкновенно печаталась изображеніемъ единорога или «нирога»¹⁾. Образованіе новаго государственнаго начала необходимо должно было потребовать и особеннаго проявленія своего въ внѣшней формѣ. Относительно великокняжескаго стола въ завѣщаніи не находится никакого упоминанія, что очень естественно, если сообразить время составленія завѣщанія до побѣдки въ орду, рѣшившей его избраніе. Что же касается до предоставленія Москвы въ общее вѣдомство, то въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть заботливости отца о равномерномъ раздѣленіи самой доходной статьи, какъ это ясно видно изъ завѣщанія Дмитрія Иоанновича²⁾.

Кратковременное двѣнадцатилѣтнее княженіе Иоанна Даниловича не выдается никакими рельефными подвигами, напротивъ того, оно рѣзко выдѣляется отъ предшествующаго времени сдержанностью, расчетливостью, умѣньемъ выжидать и пользоваться обстоятельствами. Но между тѣмъ, внимательно разсматривая всѣ изложенныя событія въ совокупности ихъ, нельзя не признать за ними значенія наиболѣе вліятельнаго, наиболѣе плодотворнаго; они укрѣпили за Москвою неоспоримое право быть руководительницею въ предстоящемъ государственномъ ходѣ.

¹⁾ Лакіера Рус. Герольд. стр. 124 и 232.

²⁾ С. Р. Гр. и Дог. т. I. 51.

Въ началѣ княженія Іоанна Даниловича, Московское княжество было почти ничтожно; оно простиралось отъ юга къ сѣверу въ длину немного болѣе 150 верстъ, а въ ширину отъ востока къ западу имѣло немного болѣе 50 верстъ и заключало въ себѣ поселенія, находящіяся между двумя главными, крайними пунктами, Москвою и Переяславль-Залѣскимъ. Во время же правленія Калиты княжество увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ и заключило въ себѣ города Коломну, Серпуховъ, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Латскій, Зарайскъ, Угличъ, Вѣлосерскъ и Галичь. При этомъ интересно замѣтить на сколько расширеніе московскихъ владѣній совершалось по указаніямъ торговыхъ видовъ: Сначала приобретено обладаніе всѣмъ виднымъ путемъ рѣки Москвы, до Оки, затѣмъ верховьемъ Оки и наконецъ теченіемъ Цны, Мокши (послѣднее приобретеніе хотя и завершилось послѣ Калиты, но было совершенно подготовлено имъ). Къ сѣверу Московскія владѣнія расширились областью теченія Шексны, а по присоединеніи Углича и частью рѣки Волги. Наконецъ города Ростовъ и Владиміръ, почти потерявшие самостоятельность и подчинявшіеся волѣ Іоанна Даниловича, доставили водный путь по впастьмъ и Волгѣ. Такимъ образомъ изъ небольшого княжества съ небольшимъ черезъ 12 лѣтъ Москва является уже довольно крупнымъ владѣніемъ, имѣющимъ достаточныя средства не только къ поддержанію своего первенства, но и къ дальнѣйшему развитію.

Изложивъ политическія событія времени образованія великаго княжества московскаго, остается сказать нѣсколько словъ объ общей характеристикѣ перваго его строителя.

Значеніе великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, какъ основателя политическаго строя, сознавалось даже самими его современниками. Въ словѣ современника Дмитрія Донскаго о житіи послѣдняго говорится: «бысть внуку православнаго князя Івана Даниловича събрата русскоя земли». Выраженіе очень мѣткое. Оно указываетъ на вѣншее присоединеніе къ Москвѣ различныхъ волостей и на единеніе національнаго духа. Москва стала русскимъ представителемъ не потому, что сдѣлалась великокняжескимъ столомъ, но потому, что

въ дѣйствительности стала фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ. И этимъ она всецѣло обязана разумной дѣятельности своего перваго великаго князя, направленной не на внѣшнія войны, но на опредѣленія внутреннихъ распорядковъ. Сознавая губительное вліаніе непосредственнаго вѣншательства во внутреннія русскія дѣла ординцевъ, изъ которыхъ вѣдмѣй приходившій на Русь считалъ себя въ полномъ правѣ обогащаться, безнаказанно грабя, раззоряя народъ и уводя въ полонъ, онъ сдумѣлъ частыми поѣздками въ орду (что по состоянію тогдашняго общества и путей сообщеній было дѣломъ самоотверженія) и подарками отстранить попытку ординскихъ вельможъ ¹⁾. Съ другой стороны онъ заботился объ упроченіи спокойствія и порядка, о безопасности личности и имущества своихъ подданныхъ: „злѣдѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея ²⁾. И онъ имѣлъ счастье видѣть еще при жизни своей плоды заботъ своихъ. Народъ, обезпеченный въ безопасности, обратился къ производительной дѣятельности и общее благосостояніе стало быстро развиваться.

Установленіе спокойствія и порядка въ московскомъ княжествѣ имѣло прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ увеличеніе его населенія переселенцами всякаго рода, естественно предпочитавшихъ мирный трудъ непрерывнымъ усобицамъ и грабежамъ. Въ лѣтонислахъ упоминается о переселеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, богатствомъ своимъ и значеніемъ не мало способствовавшихъ усиленію Москвы. Въ числу такихъ лицъ принадлежать наприм. выходецъ изъ орды татарскій Мурза-Четь, прадокъ Бориса Годунова, а изъ Кіева, бояринъ Родіонъ Нестеровичъ (родоначальникъ Квашнинныхъ), приведшій съ собою въ Москву 1,700 дѣтей боярскихъ. Невозможно съ положительностью опредѣлить въ какой мѣрѣ справедливо сказаніе лѣтописца объ услугѣ, оказанной Іоанну Даниловичу бояриномъ Нестеровичемъ въ битвѣ подъ Переяславлемъ въ 1304 году съ тверскою ратью, гдѣ этотъ новый бояринъ московскій отрубилъ голову врагу своему боярину

¹⁾ Нѣкон. III. 142. П. С. Р. Л IV, 51.

²⁾ Степен. кн. I. 406.

Авинфу, переѣхавшему изъ Москвы въ Тверь по зависти на лестный пріемъ, оказанный Нестеровичу, но извѣстно, что Родіонъ Нестеровичъ получилъ отъ Іоанна Даниловича половину волока и волость у рѣки Восходни, а расчетливый московскій князь не далъ бы такой награды, безъ основательнаго повода. Еще къ числу такихъ переселенцевъ принадлежатъ также родоначальникъ фамиліи Плещеевыхъ, бояринъ Бяконтъ, переѣхавшій въ Москву изъ Чернигова по нѣкоторымъ извѣстіямъ при Калитѣ, по другимъ же, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, во время правленія Данила Александровича. Имя этого боярина, крестника Калиты, по свѣтскому имени Елєвѳерій, по постриженіи Алексѣй — извѣстный іерархъ русской церкви. Какъ переселившіеся, такъ и туземные бояре, получивъ отъ московскаго князя богатія помѣстья въ московскомъ княжествѣ, невольно должны были связать свои интересы съ интересами князя, *которому служили*, предпочитать его интересы интересамъ его родичей ¹⁾.

Другимъ естественнымъ послѣдствіемъ установленія тишины и безопасности было значительное развитіе торговли. Кромѣ Москвы, какъ пункта, сосредоточившаго торговля сношенія запада (черезъ Новгородъ), востока и Греціи основались новые значительные торговые пункты. Къ этому времени можно отнести торговое развитіе холопьяго города, въ Ярославской области, на устьѣ Мологи. Мѣсто это и нынѣ называемое старымъ холопьемъ; находится, Ярославской губерніи, мOLOGскаго уѣзда, въ дачахъ Мусина-Пушкина. „Рѣка же великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устьи широкомъ, яко по судамъ тогда для перевозовъ проходили люди рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ молоджскій, великій и прекрасный, иже имѣеть въ округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ и болши собираху въ казну великаго князя“ ²⁾. Хотя это количество можетъ быть и не вѣрно, но во всякомъ случаѣ оно было значительно, что можно видѣть изъ того, что въ завѣщаніи Іоанна Даниловича купеческія пошлины въ селахъ, назначае-

¹⁾ Прим. 324 къ IV т. Карамз.

²⁾ Карамз. примѣч. 323 къ IV т.

ныхъ княгинѣ и меньшимъ дѣтямъ, переданъ въ доходъ сыновьямъ.

Понятно, что пользуясь благодѣтельнымъ покровительствомъ Іоанна Даниловича, современники были ему благодарны и цѣнили его высоко. Въ исторію перешло прозваніе Калиты. Трудно опредѣлить, что именно послужило основаніемъ такому прозванію; выраженіе ли оно христіанскаго милосердія князя или его хозяйственной способности? Кажется вѣрнѣе первое предположеніе. Извѣстно, что этотъ князь всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ (калиту) съ деньгами для раздачи бѣднымъ. Іоаннъ Даниловичъ отличался глубокимъ религіознымъ чувствомъ; никто изъ его предшественниковъ не построилъ столько храмовъ, никто болѣе его не любилъ бесѣдовать съ иноками, единственно просвѣщенными людьми того времени. Для большаго облегченія частыхъ свиданій онъ даже перевелъ мужскую обитель, основанную его отцемъ при церкви св. Давида, къ своему дворцу, къ построенной имъ церкви Преображенія. Затѣмъ, кромѣ этой церкви, имъ построены еще храмы: Успенскій соборъ, Архангельскій (каменный), усыпальницу князей московскихъ, церковь на площади кремлевской, церковь во имя св. Іоанна Лѣтственника и церковь во имя св. Петра. Наконецъ къ послѣднимъ постройкамъ великаго князя принадлежитъ обнесеніе въ 1339 году Москвы дубовыми стѣнами.

Въ заключеніе обзорѣнія княженія Іоанна Даниловича остается упомянуть объ общественныхъ бѣдствіяхъ, не разъ постигавшихъ Москву. Двукратный пожаръ опустошилъ городъ въ 1331 и 1337 г., изъ которыхъ въ одинъ сгорѣлъ даже кремникъ или кремль и 18 церквей, а въ 1332 году постигъ голодъ, названный рослою розью.

ГЛАВА VI.

Симеонъ Ивановичъ Гордый. — Его отношенія къ червкы, къ орды и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.

Смерть великаго князя Юанна Даниловича Калиты открыла наслѣдство двоякаго рода: наслѣдство великокняжеское, владимірское, главенства сѣверовосточной русской федераціи и наслѣдство московскаго князя, какъ вотчинника. Наслѣдство перваго рода завистію исключительно отъ воли ордынскихъ хановъ, смотрѣвшихъ на русскихъ князей, какъ на своихъ улусниковъ. Правда, въ своихъ назначеніяхъ орда руководствовалась, въ особенности въ первые времена, понятіями о правахъ, существовавшихъ у самихъ русскихъ, но это руководство не имѣло никакой опредѣленной формы и принималось только въ видѣ соображенія. Да и у самихъ русскихъ понятіе о правѣ на княжескій столъ въ это время стало совершенно измѣняться: старшинство дядей встрѣтило протестъ со стороны племянниковъ. Это измѣненіе видно даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ старый порядокъ укрѣплялся болѣе глубокими корнями. Такъ въ спорѣ дяди Василя Михайловича Тверскаго съ племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 г., отданномъ разбору третейскаго суда духовнаго лица, послѣднее признало преимущественное право уже племянника.

Конечно, такая неопредѣленность понятій не могла не отразиться на ханскихъ приговорахъ въ особенности при тогдашнемъ состояніи ханскаго двора. Богатая добыча и грабежъ завоеваній совершенно измѣнили нравы орды; вмѣстѣ съ роскошью явились изнеженность и жажда наслажденій, которыя въ свою очередь вызвали корыстолюбіе, постоянное требованіе подарковъ и продажность. Приближенные и любимцы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ханскія рѣшенія, отдавали свой голосъ въ пользу болѣе дорогаго покупателя. При такомъ положеніи дѣлъ московскіе князья, сыновья Калиты, должны были имѣть преобладающее право на великокняжеское достоинство Владимірское, такъ какъ разумная политика

и хозяйское умѣнье ихъ дѣда и отца, при поддержкѣ богатаго Новгорода, доставили имъ такіа средства, бороться съ которыми другимъ князьямъ оказывалось рѣшительно невозможнымъ.

Что же касается до наслѣдства частнаго, московскаго, то на такого рода наслѣдство Іоаннъ Даниловичъ имѣлъ неоспоримое право и онъ воспользовался этимъ правомъ въ оставленныхъ имъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ силу этихъ завѣщаній Москва, какъ вотчина, какъ значительная доходная статья, приказывалась въ общее владѣніе сыновьямъ, какъ частнымъ же владѣльцамъ. Въ завѣщаніяхъ нѣтъ ни одного слова, ни одного намека, опредѣлявшаго отношенія княжеской власти въ смыслѣ государственномъ.

Для разрѣшенія вопроса о великокняжествѣ послѣ смерти Калиты, отправились къ хану дѣти покойнаго московскаго князя, Симеонъ съ братьями и другіе князья сѣверо-восточной Руси. Рѣшеніе не могло быть сомнительно. За Симеона стояли и богатство его и усердная служба отца и устанавливающееся преимущество нисходящей линіи; изъ другихъ же претендентовъ только двое, а именно Константинъ Михайловичъ Тверской и Константинъ Суздальскій имѣли нѣкоторое право и могли выставить за себя весьма не вѣское, утрачивающее значеніе права родового старшинства по боковой линіи. Ханъ Узбекъ назначилъ великимъ княземъ Владимірскимъ Симеона, при чемъ, по сказанію летописи, *самъ князи рускіе съ рутью даны* ¹⁾. Усердная служба Калиты не впропала даромъ. По извѣстію Татищева (IV. 146), ханъ не ограничился однимъ назначеніемъ, онъ клялся оставлять и на будущее время обладаніе великокняжескимъ столомъ за родомъ Калиты, давалъ совѣты Симеону жить въ мирѣ и съ своей стороны обѣщался не принимать никакихъ доносовъ.

Съ перваго же времени Симеонъ выказался сыномъ Калиты, способнымъ продолжателемъ его дѣятельности. При немъ остались тѣже отношенія къ орду и тѣже отношенія къ другимъ князьямъ съ тѣмъ только измѣненіемъ, что подготови-

¹⁾ Воскрес. Лѣт. II. 311—312.

тельная работа отца доставила ему большую силу, большее влияние въ сношеніяхъ и большую самостоятельность. Воротившись изъ орды, какъ добрый сынъ и добрый братъ, Симеонъ прежде всего занялся установленіемъ родственныхъ отношеній на тѣхъ именно основаніяхъ, какія были положены въ завѣщаніи отца. До насъ дошелъ договоръ ¹⁾, заключенный въ 1341 году великимъ княземъ Симеономъ съ родными братьями Іоанномъ и Андреемъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою. Эти отношенія главнымъ образомъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти...» къ сожалѣнію, слѣдующаго опредѣляющаго слова въ договорѣ разобрать невозможно, да и вообще этотъ договоръ дошелъ до насъ въ очень поврежденномъ видѣ. Далѣе въ договорѣ опредѣляется: «А кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ, а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, Господине Князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ». Здѣсь обращаетъ на себя особенное вниманіе выраженіе къ *Господину князю великому*, вмѣсто прежняго обращенія къ брату. Основываясь на смыслѣ опредѣленія, въ которомъ употреблено это обращеніе, нельзя не видѣть въ немъ перваго проявленія, безъ всякаго сомнѣнія, еще неяснаго для самихъ договаривающихся сторонъ (князей) понятія объ отношеніяхъ государственныхъ помимо отношеній родства. Договоръ скрѣпился клятвою при гробѣ отца и, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, на разу не нарушался.

Изъ отношеній вышнихъ, отношенія къ Новгороду для князей московскихъ составляли самый насущный интересъ какъ самый легкій и сподручный способъ возмѣщенія издержекъ ордынскихъ путешествій. Такъ и теперь. Воротившись отъ Хана съ истощенной казной, великій князь, послѣ торжественнаго вступленія на столъ *великаго княженія всея Руси* въ великой соборной церкви св. Богородицы во Владимірѣ,

¹⁾ С. Г. Г. и Д. I. ст. 35.

тотчасъ же отправилъ сборщиковъ (Бориса, Семенова сына и другихъ «борцей») въ Торжекъ для сбора дани. Но или требуемая дань превышала опредѣленную норму, или требовалась преждевременно, или при сборѣ борцами допускались насилія, — на послѣднее обстоятельство встрѣчается прямое указаніе въ лѣтописи: «и начаша сильно дѣяти»¹⁾, — или по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ только новоторжцы или, вѣрнѣе сказать, новоторжскіе бояре жаловались своему городу Новгороду и тотъ, пославъ къ нимъ бояръ Матвѣя Варфоломеевича, Терентія Давидовича съ братомъ, Варфоломея, посадника сына Остафина и Ѳедора Аврамова съ вооруженнымъ отрядомъ, въ то же время, или еще прежде, отправилъ въ Москву посла Кузму Твердиславля съ жалобою на насилія и съ напоминовеніемъ о своей вольности. Между тѣмъ бояре новгородскіе въ Торжекѣ поступили слишкомъ круто, схватили намѣстниковъ великаго князя Михаила Давыдовича и Ивана Рыбкина сына, заковали ихъ и стали укрѣплять городъ. Въ такомъ напряженномъ положеніи прошелъ мѣсяць, обѣщанная вспомогательная рать изъ Новгорода не подходила, а опасность со стороны великаго князя московскаго все болѣе и болѣе приближалась. Отъ боязни неминуемой и тяжелой ответственности народъ торжковскій или чернь собралась на вѣчь, вооружилась, прогнала новгородцевъ, силою освободила намѣстниковъ и сподвижковъ московскихъ, возстала на бояръ, какъ на виновниковъ крамолы противъ Москвы, и разграбила ихъ дома. Бояре бѣжали въ Новгородъ, но одинъ изъ нихъ, Семень Внучекъ, былъ убитъ.

Въ то же время великій князь, въ сопровожденіи брата своего Ивана, князя Константина суздальскаго, князя Константина ростовскаго, князя Василия ярославскаго и другихъ князей, а также митрополита Феогноста и съ великою ратью всей низовской земли, двинулся къ Торжку. Новгородцы, узнавъ о походѣ князя, хотя и приготавились къ оборонѣ, но предварительно попытались уладить дѣло мирнымъ путемъ. Они послѣшили отправить къ нему послами владыку Василия

¹⁾ П. С. Р. Л. Ш. 80.

и Авраама Тысячаго съ мирными предложеніями. Заключенъ былъ договоръ по старымъ грамотамъ, но съ условіемъ уплаты новгородцами *чернаго бора* со всѣхъ волостей и кромѣ того еще 1000 руб. съ Торжка ¹⁾. Татищевъ (IV. 147) говоритъ еще объ одномъ весьма унижительномъ для новгородцевъ требованіи великаго князя: «аще хошуть милости и мира отъ меня, сказали будто бы великій князь, да придуть предъ ми посадники и тысячій боси, просать при всѣхъ князѣхъ на колѣняхъ». Нельзя безусловно отвергать существованія со стороны великаго князя подобнаго требованія. Князь не могъ не быть крайнѣ раздраженнымъ противъ своевольныхъ и дерзкихъ поступковъ новгородцевъ, заковавшихъ его намѣстниковъ и при всякомъ удобномъ случаѣ грабившихъ его людей. Еще въ то время, когда онъ находился въ ордѣ, новгородскіе молодцы напали и разграбили Устюжну ²⁾, затѣмъ опустошили Бѣлозерскъ, купленный Калитою и потому бывший собственностью московскаго князя. Поэтому понятнo желаніе Симеона Гордаго укротить необузданность вольнаго города, смирить его самонадѣянную кичливость, а гордый, самовластный характеръ Симеона могъ дѣйствительно создать подобное оскорбительное условіе.

Было ли это условіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ извѣстно, что крамолы новгородцами въ княженіе Симеона Гордаго больше не повторялись; напротивъ того извѣстно, что въ 1347 году, слѣдовательно черезъ 6 лѣтъ, великій князь по приглашенію архіепископа новгородскаго, пріѣзжавшаго за этимъ въ Москву, самъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ тамъ честиимъ и пробылъ недѣли три ³⁾. Впрочемъ, со стороны Новгорода и не могло быть серьезнаго противодѣйствія Москвѣ вслѣдствіе его внутренняго состоянія. Новгородъ, по своеобразности мѣстныхъ условій, не подвергался непосредственному вліянію новыхъ порядковъ на сѣверовостокѣ, а жилъ все еще прежнею жизнью славянскихъ волостей и выносилъ всю не-

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 173.

²⁾ Новгор. Л. 6849 г.

³⁾ Новгор. Л. 6854 г.

урядицу внутреннѣхъ отношеній. Князь, въ лицѣ намістника своего, пользовался тамъ судебною властью, административною и правомъ предводительствовать войскомъ, но при совѣстномъ существованіи вѣча, какъ главнаго правительственнаго органа. Одни в тѣже причины производятъ одни и тѣже явленія. Какъ было въ южныхъ, старыхъ городахъ, такъ и теперь въ Новгородѣ внутреннїи смятенїя подрывали общественный организмъ. Вѣче постоянно раздиралось партіями, посадники назначались и смѣнялись вооруженной силой, при кровопролитныхъ схваткахъ между концами города, или между одной половиною города и другой.

Въ 1341 году умеръ ханъ кичакской орды, извѣстный Узбекъ, игравшій такую рѣшительную роль въ борьбѣ Москвы съ Тверью и бывший однимъ изъ главныхъ, хотя и невольныхъ пособниковъ усиленія московскаго княжества. Умершїй, исповѣдуя мухамеданство, отличался весьма широкою вѣротерпимостью. Онъ покровительствовалъ русскому духовенству, давалъ ему льготныя грамоты, виѣсть съ тѣмъ вель сношенія съ Папой Венедиктомъ XII и нисколько не препятствовалъ ему распространять католичество въ земляхъ, прилегающихъ къ черному морю. Послѣ Узбека осталось трое сыновей: Тиньбекъ, Чанабекъ и Хадырбекъ, изъ которыхъ на ханскїй престолъ вошелъ старшїй, Тиньбекъ. Впрочемъ, этотъ ханъ царствовалъ недолго, такъ какъ въ 1342 году вошелъ на престолъ второй сынъ Чанибекъ, умертвившїй обоихъ братьевъ, какъ старшаго, такъ и младшаго ¹⁾.

По установленному порядку, каждая смѣна хановъ вызывала новое утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, а слѣдовательно и новую повѣдку въ орду съ обычными подарками и издержками. Такъ и теперь. На поклонъ къ новому хану въ орду отправлялись великїй князь Симеонъ, князья суздальскїй, ростовскїй, ярославскїй и митрополитъ Феогностъ ²⁾. Скоро всѣ они воротились съ новымъ утвержденїемъ, за исключенїемъ митрополита Феогноста, задержаннаго въ ордѣ денежнымъ вопро-

¹⁾ Карамз. примѣч. 334 къ IV т.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 178—179.

сомъ. Некоторые изъ русскихъ, которые при ханскомъ дворѣ, въродѣво, проживало не мало, донесли хану о богатствѣ русскаго митрополита, о множествѣ у него золота и серебра. Наученный ими, корыстолюбивый ханъ потребовалъ отъ Θεогноста платежа ежегодной дани, но платить дань Θεогносту, не смотря на угрозы и стѣсненія, рѣшительно отказался, ссылаясь на данные прежними ханами льготыныя ярлыки. Впрочемъ дѣло уладилось посуломъ со стороны Θεогноста заплатить одновременно 600 руб., и затѣмъ были подтверждены всѣ прежніе льготыныя ярлыки, какъ это видно изъ ярлыка жены хана Тайдулы ¹⁾.

Добрыя отношенія Московскаго князя къ ордѣ продолжались во все время княженія Симеона. Четыре раза онъ былъ въ ордѣ и каждый разъ возвращался оттуда облаканный милостью ханской. Отъ этого при Симеонѣ въ Московскомъ княжествѣ не было, какъ и при покойномъ его отцѣ, ни одного баскака, ни одного раззорительнаго ханскаго посольства, ни одного опустошительнаго набѣга, за исключеніемъ только единичнаго случая въ 1347 г., когда ордынскій князь Темиръ подступалъ къ Адексину и опустошалъ его окрестности. Послѣдствія подобной политики, какъ и въ предшествующее время, оказывались чрезвычайно важными. Благосостояніе увеличилось, народъ отдохнулъ и охрѣпъ, а территория Московскаго княжества быстро наполнялась все болѣе и болѣе прибывающими населеніями изъ другихъ княжествъ. И наконецъ кромѣ этого невольнаго благотворнаго вліанія, ордынскіе ханы оказывали болѣе дѣйствительную услугу, принимая сторону Москвы въ столкновеніяхъ ея съ Литвою.

Не то было въ другихъ сосѣднихъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Усобицы продолжались попрежнему; княжескіе столы захватывались то подъ предлогомъ правъ родства, то по праву силы, то по праву ханскаго ярлыка.

Въ Рязанскомъ княжествѣ распри происходили между домами князя Коротопола и князя прорскаго. Еще во время княженія Калиты Іоаннъ Коротополь, встрѣтивъ родственника

¹⁾ С. Г. Г. и Д. II ст. II.

своего, вхавшаго въ орду, князя Александра пророчаго, ограбилъ его на дорогѣ и убилъ. Но снѣтъ убитаго князь Ярославъ, преслѣдовалъ кѣль отца и успѣлъ ее достигнуть. Въ 1342 году онъ воротился изъ орды съ ханскимъ войскомъ, посломъ Киндякомъ и съ иртыкомъ хана Чанубека на великое княженіе рязанское. Коротополъ заперся въ Переславль рязанскомъ; гдѣ цѣлый день отбивался отъ осаждающей рати Киндяка и Ярослава, но видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ночью неизвѣстно куда бѣжалъ ¹⁾. Затѣмъ въ лѣтописи встрѣчается только извѣстіе объ убіеніи Коротопола похъ 1343 годомъ, но кѣмъ и по какому случаю неизвѣстно. Ярославъ Александровичъ сдѣлался великимъ княземъ рязанскимъ, выбравъ стольнымъ городомъ Ростиславль (на берегу Оки). Каждая смѣна князей, въ особенности при участіи ордынцевъ, приносила съ собою страшныя бѣдствія. Съ одной стороны восторжествовавшій князь старался выжѣстять свои убытки и потери на боярахъ и приверженцахъ своего предшественника, тѣснилъ ихъ, разорялъ ихъ села, а съ другой ордынскіе послы пользовались случаемъ обогатиться полономъ и грабежемъ. Такъ и при настоящемъ случаѣ по сказанію лѣтописи „Киндякъ войдя въ городъ, многихъ христіанъ полонилъ, а иныхъ избилъ“ ²⁾. Къ довершенію несчастія, княженіе князей рязанскихъ продолжалось весьма недолго: Ярослава не болѣе 3-хъ, а брата его, Василія Александровича, не болѣе 6 лѣтъ. Въ 1350 году занялъ рязанскій столъ сынъ Коротопола, извѣстный въ нашей исторіи Олегъ Іоанновичъ, вѣроятно съ своей стороны давшій почувствовать свое неудовольствие сторонникамъ рязанскихъ. Такое настроеніе рязанскаго княжества не могло не отзываться для Москвы самыми благоприятными послѣдствіями. Люди трудолюбивые спѣшили выѣзжаться въ спокойную соседнюю волость и тѣмъ, естественно, увеличивали доходность московскаго княжескаго ховяства.

Не менѣе настроенія и усобицы волновали и тверское княжество. Казненному въ ордѣ Александру Михайловичу

¹⁾ Никол. Лѣтол. III. 178.

²⁾ Троиц. 6850 г.

наследовать, при содѣйствіи покойнаго Калиты, братъ его Константинъ. Обязанный княженіемъ Москвѣ и сознавая въ то же время безсиліе и истощеніе своей волости, Константинъ Михайловичъ не думалъ о соперничествѣ съ Москвою во все время своего княженія. Раздоры начались внутри княжескаго семейства, между нимъ и Анастасьею, вдовою казненнаго Александра и синомъ ея, Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Что было именно причиною неудовольствій— неизвѣстно; лѣтописи, не передавая объ этомъ никакихъ свѣдѣній, говорятъ только, что въ 1346 г. князь Константинъ утѣснялъ и захватывалъ бояръ и слугъ Анастасіи и Всеволода³⁾. Эти стѣсненія вынудили Всеволода Александровича ѣхать съ жалобой сначала въ зятю своему, князю московскому, Симеону, а потомъ въ орду. Вслѣдъ за племянникомъ уѣхалъ въ орду и дядя Константинъ, но вскорѣ по прибытіи туда умеръ. Всеволодъ Александровичъ добылъ себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе и уже съ ханскимъ послемъ возвращался домой, когда на обратномъ пути, въ городѣ Бездежѣ, встрѣтился съ дядей Василиемъ Михайловичемъ, княземъ кашинскимъ. Услыхавъ о смерти брата Константина, Василий Михайловичъ собралъ дань съ волости отсутствующаго племянника Всеволода и съ ней отправился въ орду. При встрѣчѣ племянникъ съ помощью ханскаго посла ограбилъ дядю, отчего послѣдній, зная бесплодность поѣздки въ орду безъ денегъ, принужденъ былъ воротиться, а Всеволодъ Александровичъ сѣлъ на тверской столъ. Но въ Твери въ это время еще крѣпко держались старыя понятія о старшинствѣ родства и права дяди находили у тверичей дѣятельное содѣйствіе. Началась ссора и съ ней неизбежное людское стѣсненіе со стороны обидѣнныхъ князей, дяди и племянника, и „многіе люди тверскіе, по словамъ лѣтописи, отъ такого нестресненія разошлись“. Наконецъ уже въ 1349 году епископу Федору удалось примирить враговъ - родичей. Всеволодъ Александровичъ уступилъ великокняжескій Тверской столъ дядѣ Василию Михайловичу и удовольствовался холмскимъ удѣломъ „и укрѣпишася межи собою

³⁾ Никон. Л. III. 184.

крестнымъ цѣлованіемъ и Василій нача жити съ братанничемъ своимъ тихо и смирно и *пойдоша люди* отсюду въ землю тверскую и умножишася⁴. Тишина продолжалась, впрочемъ, не долго. Въ 1352 году, по полученіи отъ ордынскаго посла Ахмата ханскаго ярлыка, князь Василій Михайловичъ вспомнилъ прежнее нелюбіе съ племянникомъ и сталъ снова тѣснить бояръ и слугъ холмскихъ.

Эти тверскія вестроенія, какъ и рязанскія, служили къ возвышенію Москвы. Имя московскаго князя стояло высоко, его искали, его покровительствомъ дорожили и его вліяніе въ дѣлахъ тверскаго княжества признавалось неоспоримымъ. Есть положительное свидѣтельство, указывающее на верховенство москвы и низведеніе Твери со ступени великаго княжества на удѣльное. Герберштейнъ говоритъ: былъ споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, то послѣдній требовалъ отъ него годовой дани. Вельможи, подкупаемые богатыми подарками Симеона, вступились за него и сдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани. Это вліяніе Москвы ясно выражалось, между прочимъ, и въ желаніи породниться съ московскимъ домомъ: сестра Всеволода была замужемъ за княземъ Симеономъ, а дочь Симеона за Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ тверскаго князя Василія Михайловича.

Послѣ соединенія южныхъ и западныхъ русскихъ княжествъ подъ верховенствомъ великаго литовско-русскаго княжества, Литва стала на юго-западѣ въ такое же положеніе, какое занимала Москва на сѣверо-востокѣ. Оба эти центра политическихъ тѣлъ стремились къ одинаковой цѣли расширенія своихъ предѣловъ и присоединенія къ себѣ сосѣднихъ болѣе мелкихъ волостей. Такое стремленіе должно было неминуемо повести къ столкновенію ихъ между собою, къ борьбѣ за существованіе. Положеніе Москвы находилось въ болѣе выгодныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Она находилась въ средѣ единоплеменнаго населенія и не выносила ударовъ сильнаго и дѣятельнаго сосѣда. Напротивъ того Литва, кромѣ московскаго княжества, имѣла другого врага, съ которымъ должна была

постоянно бороться, врага неутомимаго, всегда готоваго къ бою — въ нѣмецкомъ ордени рыцарей.

Въ княженіе Симеона литовскія отношенія къ Москвѣ хотя не выражались въ открытыхъ непріязненныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣ носили на себѣ своеобразныя характеристическія черты. Въ октябрѣ 1341 г. литовская рать съ княземъ витебскимъ Ольгердомъ сдѣлала набѣгъ на можайскую волость, осаждала самый городъ, но, не взявъ его, воротилась, опустошивъ окрестности ¹⁾. Что было причиной отступленія литовцевъ, въ лѣтописяхъ неясняется, но вѣроятно смерть Гедимина вызвала Ольгерда къ семейнымъ дѣламъ. По раздѣлу Гедимина изъ литовскихъ областей принадлежали: старшему Евнутію Вильна съ достоинствомъ великаго князя, второму Ольгерду Кривъ и Витебскъ, Монтвиду Керновъ и Слонимъ, Нариманту Пинскъ, Кейстутію Троки, Коріяду Новгородокъ и Любарту — Волянь ²⁾. Изъ нихъ выдѣлялись: Кейстутій необыкновенной отвагой и Ольгердъ въ особенности обширнымъ умомъ, счастливыми способностями, удивительною въ то время трезвостью, образованностью, властолюбіемъ и хитростію. Недовольные своими удѣлами Ольгердъ и Кейстутій соединенными силами рѣшились выгнать братьевъ и завладѣть всѣмъ наследствомъ отца. Въ 1345 году Евнутій бѣжалъ изъ Вильны сначала въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву къ великому князю Симеону, а Наримантъ къ хану татарскому. Симеонъ ласково принялъ бѣглеца, рассчитывая видѣть въ немъ вліятельное орудіе въ отношеніяхъ съ Литвой, тѣмъ болѣе, что Евнутій и его литовская дружина вскорѣ приняла христіанскую вѣру, при чемъ Евнутій названъ былъ Іоанномъ ³⁾.

Принимая молодаго литвина и оказывая ему радушное гостепріимство, Симеонъ Іоанновичъ однакожъ не выказалъ намѣренія поддержать права изгнанника военной силой. Съ другой стороны и Ольгердъ не объявилъ войны московскому князю. Въ это время дѣла его съ нѣмецкимъ орденомъ требовали

¹⁾ Никол. Лѣт. III. 174.

²⁾ Дуг. Hist. Pol. кн. X. ст. 60.

³⁾ Троиц. 6853 г.

напряженія всей его энергiи. До вступленія его на литовскiй столъ борьба его съ нѣмецкимъ орденомъ имѣла характеръ взаимныхъ пограничныхъ набѣговъ, въ которыхъ, обыкновенно, ограничивались только опустошенiемъ непрiятельскихъ земель. Но прибытiе въ 1336 году на помощь ордену маркграфа бранденбургскаго, графа геннебергскаго и графа немурскаго съ значительными силами дало возможность предпринять уже болѣе рѣшительныя дѣйствiя противъ язычниковъ. Какимъ характеромъ отличались войны рыцарей съ литвинами, можно видѣть изъ описанiя осады одного небольшого острожка.

Союзное рыцарское войско вторгнулось въ Литву и осадило острожекъ Пуна, въ которомъ въ то время находилось неболѣе четырехъ тысячъ литовцевъ. Рыцари окружили острожекъ, устроили стѣннотитныя машины и повели подкопы. Осажденные мужественно оборонялись, дѣлали частыя вылазки, но вскорѣ должны были убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленiя: одна часть стѣны сильно раскачалась таранами, а другая часть грозила паденiемъ отъ подкоповъ, сами же осажденные были почти всѣ покрыты ранами. Въ такомъ отчаянномъ положенiи литвины рѣшились погибнуть: сначала перебили своихъ женъ и дѣтей, сожгли трупы ихъ на кострѣ, а потомъ стали убивать другъ друга. Въ этой кровавой бойнѣ въ особенности отличались начальникъ острожка, Маргеръ, и какая-то старуха, обезглавившая топоромъ сто воиновъ и потомъ убившая себя. Оставшаяся горсть воиновъ съ Маргеромъ впереди бросилась навстрѣчу входившему непрiятелю и погибла отъ его руки за исключенiемъ Маргера, который бросился въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена, убилъ ее, а потомъ убилъ и себя. Съ 1345 года, съ избранiемъ въ магистры ордена Генриха фонъ-Арфберга, война съ Литвою приняла еще болѣе большiе размѣры. Новый магистръ опустошилъ литовскiя владѣнiя до самыхъ Трокъ и, встрѣтивъ войско Ольгерда, разбилъ его на голову. Ольгердъ не былъ лицомъ способнымъ потеряться въ опасности: онъ набралъ новое войско и съ нимъ вторгнулся въ предѣлы орденскихъ владѣнiй, страшно опустошая и раззоряя. Но къ несчастью войско литовское уже на обратномъ пути съ громадной добычей было

снова настигнуто магистромъ и послѣ упорной и кровопролитной сѣчи снова разбито ¹⁾.

Тѣснымъ орденомъ, Ольгердъ не только не могъ дѣйствовать противъ Москвы, но долженъ былъ искать себѣ сильнаго союзника. На помощь русскихъ княжествъ сѣверовосточной Руси, гдѣ самовластно руководилъ Симеонъ Иоанновичъ, онъ конечно не могъ рассчитывать, а въ союзникѣ предстояла крайняя необходимость. Въ такомъ положеніи онъ обратился къ ордынскому хану. Этотъ поступокъ Ольгерда обнаруживаетъ его основательный политическій тактъ. Онъ зналъ, что орда по отдаленности и положенію своему не могла быть опасною для Литвы, а между тѣмъ, заручившись ея помощью, онъ приобрѣталъ сильное оружіе не только противъ нѣмцевъ, но столько же, если не болѣе, противъ Москвы. Въ такихъ расчетахъ Ольгердъ въ 1348 г. послалъ къ хану Чанибеку брата своего Коріяда съ просьбою отправить къ нему на помощь сильную рать. Вѣроятно желаніе Ольгерда и исполнилось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ бдительнаго противника въ московскомъ князѣ. Безъ всякаго сомнѣнія Симеонъ имѣлъ дѣятельныхъ и неуспящихъ наблюдателей при дворѣ своего шурина, доносившихъ ему о всѣхъ дѣйствіяхъ Ольгерда. Предувѣдомленный вовремя о посылкѣ Коріяда, московскій князь успѣшилъ отправить къ Чанибеку своихъ пословъ Ѳедора Глѣбовича, Амина и Ѳедора Шубачеева съ жалобой на Ольгерда за опустошеніе русскихъ княжествъ—*ордынскихъ улусовъ*, и съ предвареніемъ о тайныхъ политическихъ замыслахъ литовскаго князя противъ даже самой орды. Чанибекъ, постоянно видѣвшій въ дѣйствіяхъ московскихъ князей добрую услужливость, послушался сдѣланныхъ предостереженій и не только отказалъ въ просьбѣ Ольгерду, но даже самихъ пословъ литовскихъ выдалъ головою Симеону, отправивъ съ царевичемъ Тотуемъ въ Москву самого Коріяда, пословъ и всю ихъ литовскую дружину ²⁾.

Такимъ образомъ попытка Ольгерда найти себѣ поддержку

¹⁾ Карамз. прим. 341 въ IV.

²⁾ Никон. лѣт. III. 187. Троиц. 6856 и 6857 г.

въ орді, совершенно не удалась, благодаря братности московскаго князя; а между тѣмъ видныя отношенія Литвы становились все болѣе и болѣе стѣснительными. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ столкновеній съ нѣмецкимъ орденомъ, къ этому времени относятся непріязненные отношенія съ Польшей. Вслѣдствіе мирнаго договора съ Казиміромъ, королемъ польскимъ, вся юго-западная Волынь находилась во владѣніи братьевъ Ольгерда — Любарта и Кейстута, но въ 1349 году польскій король въ прямое нарушеніе задержаннаго условія Волынь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, оставивъ Любарту только Луцкъ, а прочимъ князьямъ только временное управленіе ¹⁾. Къ этимъ политическимъ раздорамъ присоединился и религиозный вопросъ. Всѣ жители Волыни иновѣдывали православную вѣру, начавшую распространяться около этого времени и въ сѣверныхъ областяхъ, собственно литовскихъ, — правительство же короля Казиміра, подъ вліяніемъ Римскаго двора и убѣжденій папы Климента VI, всеми средствами старалось стѣснить православіе и, наоборотъ, пропагандировать католицизмъ „и много ала христіаномъ створиша, а церкви святыя претвориша въ латинское богомерское служеніе“ ²⁾.

При такомъ положеніи естественной опорой представлялась православная Москва. И дѣйствительно, вмѣсто непріятныхъ отношеній, чего можно было бы ожидать по случаю вмѣшательства Симеона Іоанновича у Чанибека, Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ великому князю московскому посольство съ дружескими изъявленіями и предложеніями за своего брата Коріяда и его дружину богатыхъ даровъ «и многое серебро отложилъ» ³⁾. Симеонъ Іоанновичъ дары принялъ, Коріяда и его дружину отпустилъ съ изъявленіями и съ своей стороны дружескаго расположенія. Вскорѣ эти мирныя отношенія скрѣпились брачными союзами. Черезъ годъ литовскіе князья Ольгердъ и Любартъ, овдовѣвшіе въ одинъ годъ, просили у Си-

¹⁾ Наруш. Hist. narod. Polsk. VI 218. Другом. Hist. Pol. IX. 1088.

²⁾ Новгор. лѣт. 6857.

³⁾ Никон. лѣт. III 187.

меона Иоанновича въ супружество его родственницъ, сначала Любартъ племянницу (сестричку), дочь князя Константина ростовскаго, а потомъ Олегердъ свотченицу (свѣсть) княжну Ульяну тверскую, дочь Александра Михайловича. Согласившись на первый бракъ, великій князь затруднился было разрѣшеніемъ второго, имѣя въ виду близость родства, а потому и спрашивалъ согласія митрополита Феогноста. Соображая пользу, какую могла принести княжна Ульяна относительно утверженія православія въ странѣ еще наполненной азычниками, митрополитъ не затруднился дать свое разрѣшеніе ¹⁾. Наконецъ и проживающій въ Москвѣ Евнутій по крещеніи Иоаннъ возвратился въ Литву съ полученіемъ въ свое владѣніе города въ минской области.

Въпротивно установившіяся мирныя отношенія не соблюдались строго съ обѣихъ сторонъ. Въ лѣтописи подъ 1352 годомъ встрѣчается извѣстіе о томъ, что великій князь ходилъ къ Смоленску съ великою ратью, съ братьей и со всѣми князьями, но подойдя къ Вышгороду (на рѣкѣ Протвѣ выше Боровска), встрѣтилъ пословъ отъ литовскаго князя Ольгерда со многими дарами и съ предложеніями мира. Великій князь *не оставя Ольгердова слова*, заключилъ миръ, а самъ пошелъ дальше къ Угрѣ, куда пріѣхали къ нему смоленскіе послы. Простоявъ на Угрѣ съ недѣлю и заключивъ миръ со Смоленскомъ, Симеонъ Иоанновичъ воротился въ Москву ²⁾. Что именно было причиной похода, лѣтопись не объясняетъ, но по совмѣстности совершенія мира съ Смоленскомъ и Литвой можно заключить о какомъ нибудь нарушеніи договора со стороны Смоленска, подъ вліяніемъ Литвы, или въ качествѣ союзника Литвы.

Изъ обзора московско-литовскихъ отношеній видимъ совершенно различный характеръ этихъ отношеній съ той и другой стороны. Насколько литовскіе князья держались политики завоевательной, старались оружіемъ расширить предѣлы своихъ владѣній, настолько въ дѣйствіяхъ московскихъ князей Калиты, и Гордаго, высказывалась простая оборонитель-

¹⁾ Ник. лѣт. III. 192. Троиц. с. 84.

²⁾ П. С. Р. Л. IV. 60. Ник. лѣт. III. 195.

ная система, сдержанность, предоставляющая жителям условиям действовать самим за себя, без напраснаго пролитія крови. И действительно, до тѣхъ поръ, пока литовскіе князья язычники расходились въ религиозныхъ вѣрованіяхъ съ подданными христіанами, литовская власть не страшна была Москвѣ. Народъ единился съ Москвою, мѣсто пребываніемъ религіознаго главы, и для поддержанія этого единенія было достаточно однихъ только духовныхъ мѣръ. Какое вліаніе оказывала религія на отношенія Литвы, ясно видно изъ положительнаго указапія лѣтописца: Царьвитае приглашали Ольгерда быть ихъ княземъ, но съ условіемъ принятія имъ христіанской вѣры. Ольгердъ не согласился и Псковъ не могъ слиться съ Литвой. Ольгердъ при всемъ своемъ обширномъ умѣ не понималъ великаго значенія христіанства, не только не покровительствовалъ христіанамъ, какъ покойный его отецъ, напротивъ того, онъ выказывался часто суровымъ гонителемъ ихъ, чѣмъ и пользовалась московская церковь. Для примѣра беремъ слѣдующій случай.

Изъ числа приближенныхъ Ольгерда двое, Нежила и Круглецъ (Іоаннъ и Антоній), тайно исповѣдывали христіанскую вѣру. Литовскій князь долго не зналъ этого обстоятельства, но наконецъ замѣтивъ ихъ постоянное уклоненіе отъ исполненія языческихъ обрядовъ, спросилъ о причинѣ. Молодые люди объявили себя христіанами и, не смотря на настойчивыя требованія Ольгерда, не согласились на отреченіе. Сначала ихъ заключили въ темницу, потомъ били и мучили и наконецъ повѣсили. Такимъ же истязаніямъ и такой же казни подвергнулся и третій христіанинъ Евстафій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ совершенія казни, московскій митрополитъ Алексѣй причислилъ этихъ трехъ мучениковъ къ числу святыхъ и установилъ совершать ихъ память 14 Апрѣля, не обративъ вниманія на непродолжительность времени отъ совершенія событія и не снѣсясь въ такомъ важномъ обстоятельствѣ съ патриархомъ Цареградскимъ. Въ такомъ поспѣшномъ дѣйствіи митрополита нельзя не видѣть, кромѣ религиозной ревности, и политической стороны: поддержанія тѣс-

наго единенія съ Москвою и твердаго противодѣйствія литовской княжеской власти.

Смоленскій походъ Симеона, какъ и такой же походъ Калиты, точно также оказался послѣднимъ актомъ дѣятельности князя по отношенію къ внѣшнимъ событіямъ княжества. Великій князь Симеонъ Иоанновичъ Гордый умеръ 26 Апрѣля 1353 года.

ГЛАВА VII.

Симеонъ Иоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія.

Въ послѣдніе годы княженія Симеона почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ свирѣпствовала страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Болѣзнь начиналась появленіемъ желѣза въ сгибахъ членовъ, на мягкихъ мѣстахъ, потомъ человекъ начиналъ харкать кровью и черезъ два или три дня умиралъ. Моровое повѣтріе началось на востокъ въ ордѣ, въ Орлачѣ (при устьи Дона), въ Сараѣ и въ Бездежѣ, распространилось по сосѣднимъ областямъ и произвело страшное опустошеніе у Бесерменъ (Хивинцевъ), Татаръ, Орменъ (Армянъ), у Обезы (Абазинцевъ), Жидовъ и у Фрязъ (генуэзцевъ и венеціанцевъ). Завезенная въ западную Европу торговыми кораблями, язва обошла Англію, гдѣ въ одномъ Лондонѣ умерло до 50 тысячъ жителей, Францію, Италію и Германію, оставляя позади себя вмѣсто многолюдныхъ городовъ почти пустыни. Изъ Швеціи болѣзнь перешла въ Псковъ и Новгородъ. Въ Псковѣ появился моръ весною 1352 г., по свидѣтельству лѣтописца ¹⁾ на цвѣтвой недѣлѣ, и продолжался все лѣто до самой осени, „уже предъ зимою преста“. О количествѣ умершихъ конечно въ тѣ времена никакихъ свѣдѣній не могло быть, но что опустошеніе было страшное, это можно видѣть изъ описанія лѣтописца: „Попове не можаху проводить по одному изъ дворовъ, но велуху ко-

¹⁾ Псков. Лѣт. 6860 г.

муздо своя мертвыя на церковныя дворы приводити и всѣмъ единъ проводъ отпѣваху... тако полагаху по трое или по пяти головъ во единъ гробъ".¹⁾

По уменьшеніи смертности въ Псковѣ, зараза развилась въ Новгородѣ, гдѣ съ 15 Августа въ продолженіи всей зимы до Пасхи унесла множество жертвъ. Одновременно съ Новгородомъ язва свирѣпствовала и въ южныхъ русскихъ предѣлахъ кievской и черниговской областяхъ. Лѣтописи рассказываютъ о смертности въ смоленской и суздальской областяхъ, говорятъ о неимоверной смертности въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ, но нѣтъ положительнаго упоминанія о смертности въ Москвѣ, хотя дѣйствія ея тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. 11-го Марта 1353 г. умеръ въ Москвѣ митрополитъ Теоногость, за нимъ черезъ нѣсколько дней умерли сыновья великаго князя Іоаннъ и Симеонъ, самъ великій князь умеръ 26 Апрѣля (тридцати шести лѣтъ отъ роду), а черезъ шесть недѣль младшій братъ великаго князя, Андрей.²⁾

Смерть митрополита Теоноста не была чувствительной потерей для русской церкви. Чуждый по рожденію и воспитанію (грекъ), онъ вполне слѣдовалъ въ политическихъ движеніяхъ тому направленію, которое далъ московской церкви его знаменитый предшественникъ: вездѣ и во всемъ оказывался вѣрнымъ сотрудникомъ и исполнителемъ намѣреній московскихъ князей, сначала отца, Калиты, а потомъ сына, Симеона. Слабый здоровьемъ и не совсѣмъ знакомый съ русскимъ языкомъ (сохранились его официальные письма, подписанныя имъ по гречески³⁾), онъ внутреннее управление дѣлами церкви совершенно ввѣрилъ достойному представителю русскаго духовенства, прославленному угоднику Алексѣю, дѣятельность котораго, какъ преемника митрополита, имѣла неоспоримо громадное вліяніе и на церковныя и на княжескія отношенія того времени. Какимъ вліяніемъ обладалъ Святитель Алексѣй можно видѣть изъ того, что Симеонъ

¹⁾ Карамз. прим. 357 къ VI т.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 201.

³⁾ Карамз. прим. 362 къ IV т.

Иоанновичъ въ завѣщаніи своемъ поручаетъ братьямъ слушаться совѣтовъ Алексѣя, хотя тотъ въ то время не былъ еще митрополитомъ московскимъ.

Митрополитъ Алексѣй, старшій сынъ черниговскаго боярина Феодора Бяконта, родоначальника дворянскаго рода Плещеевыхъ, родился въ Москвѣ около 1293 года и при крещеніи названъ Елесеверіемъ. ¹⁾ Съ юныхъ лѣтъ въ мальчикѣ замѣтна была наклонность къ созерцательной жизни; онъ былъ молчаливъ, задумчивъ, постоянно удалялся отъ дѣтскихъ игръ и охотнѣе читалъ, какъ только выучился грамотѣ, священныя книги. Это чтеніе развило въ немъ религиозное стремленіе и возбудило желаніе посвятить себя служенію Богу поступленіемъ въ монашеское званіе. Двадцати лѣтъ онъ вошелъ въ московскій богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ имя Алексѣя. Строгая монашеская жизнь еще болѣе утвердила въ немъ высокія христіанскія истины. Двадцать лѣтъ онъ пробылъ въ богоявленскомъ монастырѣ и въ это время изучилъ греческій языкъ настолько, что могъ сличать славянскій переводъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ и дѣлать значительныя исправленія, которыя впоследствии послужили очень важнымъ пособіемъ при позднѣйшемъ исправленіи славянской бібліи. Въ чудовомъ монастырѣ хранится и въ настоящее время Евангеліе, исправленное имъ, которое въ дни посвященные его памяти выносятся во время литургіи.

Высокія достоинства инока Алексѣя, а главное знаніе имъ греческаго языка, не могли не обратить на себя вниманіе митрополита Феогноста, родомъ грека. Оцѣнивъ достоинства Алексѣя, митрополитъ поручилъ ему управленіе церковными судами, имѣвшими тогда еще болѣе широкую юрисдикцію. Исправленіе этой обязанности заставило Алексѣя узнать во всей подробности истинное состояніе русской церкви. Затѣмъ пребываніе въ богоявленскомъ монастырѣ имѣло еще другое, не менѣе важное значеніе, оно познакомило его съ другимъ знаменитымъ дѣятелемъ русской церкви—Сергіемъ Радонеж-

¹⁾ Степен. кн. I. 444.

скимъ, котораго старшій братъ Стефанъ былъ настоятелемъ монастыря. Едимство духа и стремленій сблизило Алексѣя и Сергія и ихъ дружба продолжалась во всю ихъ жизнь.

Митрополитъ Феогностъ желалъ имѣть Алексѣя своимъ преемникомъ. Съ этою цѣлью сначала онъ посвятилъ его въ 1352 въ епископы владимірской епархіи, а потомъ, вслѣдъ затѣмъ, съ послами Артеміемъ Воробьинымъ и Михаиломъ грекомъ отправилъ въ Константинополь къ патриарху письмо съ просьбою не назначать въ русскіе митрополиты никого кромѣ Алексѣя. Съ этою же просьбою отправились послы Дементій Давидовичъ и Юрій Воробийнъ отъ великаго князя къ императору Іоанну Кантакузину. Согласно этихъ просьбъ патриархъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя, а между тѣмъ въ это время умерли Феогностъ и великій князь московскій. 1).

Послѣдующая дѣятельность Алексѣя въ достоинствѣ московскаго митрополита, дѣятельность, полная пастырскихъ и политическихъ заботъ, принадлежитъ уже къ послѣдующему княженію, ко второй половинѣ XIV столѣтія. Сущность ученія и направленія достойнаго Іерарха ясно выражаются въ его пастырскихъ оружныхъ посланіяхъ и наставленіяхъ. Такъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, онъ, напоминая притчу Спасителя о сѣятелѣ, увѣщеваетъ быть землею доброю для пріянія истиннаго слова Божія, Евангелія, и для принесенія плода духовнаго въ тридцать, шестьдесятъ и во сто кратъ. Далѣе въ посланіи своемъ онъ говоритъ; вспоминаю вамъ, дѣти, слова Спасителя ученикамъ своимъ: заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга: посему узнаютъ, что вы ученики мои, если сохраните между собою любовь. Когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь и т. д.

Сотоварищъ Святителя Алексѣя, знаменитый основатель Троице-Сергіевской Лавры, преподобный Сергій (по свѣтскому имени Варооломей) 2) родился въ 1314 году въ Ростовѣ отъ родителей боярскаго рода, хотя и недостаточныхъ. Рано, съ семи лѣтъ, ребенка начали учить грамотѣ, но первые опыты

1) Новгород. Лѣт. 6360 г.

2) Никон. Лѣт. IV 203.

не обнаружили блестящих способностей ученика, но зато доказали его прилежание и врожденную стойкость. Съ продолженіемъ ученія въ ребенкѣ начали развиваться способности и наклонность къ чтенію единственно бывшихъ въ то время книгъ священнаго писанія; это чтеніе повліяло на его впечатлительный умъ, совершенно отвлекло отъ свойственныхъ возрасту дѣтскихъ игръ и развило до крайней степени созерцательное настроеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Варооломея должно было по домашнимъ обстоятельствамъ переселиться въ Радонежъ, поселеніе близъ Москвы, въ удѣлѣ брата Симеона, Андрея Іоанновича, гдѣ и раздѣлилось; старшіе братья поженились, а Варооломей пожелалъ поступить въ монашество. Однако, желаніе его тогда не исполнилось по несогласію родителей и только со смертью послѣднихъ юноша вполне отдался своему влеченію, отказался отъ наслѣдства въ пользу младшаго брата и ушелъ для житія въ пустынный мѣстности. Тамъ присоединился къ нему старшій братъ Стефанъ, инокъ изъ Хотькова монастыря, куда поступилъ послѣ смерти жены. Вместе оба брата поселились среди густаго лѣса въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радонежа, сначала изготовили себѣ шалаши изъ хвороста и листьевъ, потомъ поставили келью и, наконецъ, срубили маленькую деревянную церковь во имя Св. Троицы. Изъ этого-то скуднаго, скрытаго отъ міра жилища образовалась наша знаменитая Лавра.

Вскорѣ послѣ освященія церкви Стефанъ ушелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Богоявленскій монастырь. Съ уходомъ брата еще труднѣе стало жить оставшемуся одинокому отшельнику, которому тогда пошелъ 24-й годъ, слѣдовательно та пора, когда полное развитіе физическихъ силъ неодолимо увлекаетъ къ удовольствіямъ жизни. Но молодой отшельникъ поборокъ чувственныя страсти, и, получивъ постриженіе съ именемъ Сергія, продолжалъ неутомимо нести тяжкіе труды. Слухъ о святой жизни отшельника не могъ не распространиться по окрестности; къ нему стали приходять за благословеніемъ, совѣтомъ и наставленіемъ. Стали приходять и люди, пожелавшіе раздѣлить съ нимъ обязанности отшельнической жизни и въ самомъ непродолжительномъ вре-

мѣни собралось около него до двѣнадцати братіи. Потребовалась организація новаго братства и назначеніе игумена или настоятеля. По общему выбору и по распоряженію мѣстнаго епископа Сергій посвященъ былъ игуменомъ новаго духовнаго общества.

Между тѣмъ слава о Радонежскомъ подвижникѣ распространялась все болѣе и болѣе; къ нему прибѣгали издаലെка, со всѣхъ сторонъ люди всѣхъ сословіи: княжескаго, боярскаго и чернаго рода; даже духовные предпочитали жизнь полную лишеній и опасности около него своей обезпеченной и болѣе спокойной. Такъ архимандритъ Симеонъ, оставивъ свой монастырь въ Смоленскѣ, перенелъ къ Сергію, какъ простой послушникъ. Константиновольскій Патріархъ прислалъ ему крестъ, парамандъ и схиму. Но при всей своей духовной, созерцательной жизни и при всемъ отреченіи отъ міра Сергій не чуждался общественныхъ дѣлъ, бывалъ совѣтникомъ князя въ политическихъ вопросахъ, иногда принималъ на себя исполненіе порученій князя, иногда своимъ посредничествомъ предупреждалъ и умиротворялъ княжескія столкновенія. Хотя политическое участіе болѣе проявилось въ княженіи брата и племянника Симеона, но тѣмъ не менѣе его значеніе обнаруживалось и при самомъ Симеонѣ. Московское духовенство стояло во главѣ Руси и не столько своимъ вѣщнымъ положеніемъ, сколько своимъ нравственнымъ, духовнымъ вліяніемъ. Примѣръ и ученія такихъ Святителей, какъ были митрополитъ Петръ, митрополитъ Алексѣй и Сергій Радонежскій воспитали послѣдующій рядъ выдающихся лицъ каковы были: Кириллъ Бѣловерскій (1337 — 1427), Стефанъ просвѣтитель Перми (1340 — 139), Іона Новгородскій и друг. Есть даже извѣстіе, что изъ сыновей Симеона Гордаго, одинъ будто, оставшійся въ живыхъ, отказался отъ міра и сдѣлался юродивымъ подъ именемъ Михаила Клоукаго.

Отношенія митрополита къ великому князю и при Симеонѣ Гордомъ оставались тѣми же, какъ и при Баялѣ. Духовенство дѣятельно поддерживало авторитетъ князя и не протестовало даже и тогда, когда въ дѣйствіяхъ московскаго князя проявлялось прямое нарушеніе правилъ каноническихъ,

какъ это видимъ наприимѣръ въ дѣлѣ супружества Симеона Гордаго. Извѣстно, что Симеонъ былъ женатъ три раза: въ первый разъ, еще при жизни отца, на сестрѣ Ольгерда, Анастаси, умершей вскорѣ послѣ смерти Калиты въ Черинцахъ и схимѣ (положена въ Кремлевской церкви Преображенія), во второй разъ, въ 1345 году, на дочери какого-то смоленскаго князя Федора Святославича, Евпраксии, а въ третій въ 1347 году, послѣ развода съ Евпраксией, на Тверской княжнѣ Марьѣ, дочери Александра Михайловича. Строго говоря, третій бракъ не могъ бы быть совершенъ, такъ какъ разводъ второго брака состоялся неправильно. Что супружество съ Евпраксией совершилось по желанію Симеона, въ этомъ не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, какъ по несуществованію принудительныхъ причинъ, но крайней мѣрѣ со стороны Симеона, такъ и по расположенію, которое оказывалъ Московскій князь отцу Евпраксії, перезвавъ его къ себѣ и отдавъ ему вотчину *Волокъ совсѣмъ*. Причину развода источники объясняютъ различно; по однимъ объясняется испорченностью княгини на оवादѣ: лжеть съ великимъ княземъ и она ему покажется мертвецъ, по другимъ же нерожденіемъ дѣтей ¹⁾. Какъ бы то нибыло, но великій князь отослалъ жену свою обратно къ отцу и велѣлъ отдать ее замужъ—вслѣдствіе чего князь Федоръ и выдалъ ее за Федора за краснаго, за большаго Фоминскаго, отъ котораго она имѣла 4-хъ сыновей. Сравнивъ оба извѣстія нетрудно видѣть причину развода въ тайной склонности княгини къ другому и можетъ быть къ этому же большому Фоминскому. Но если причина развода казалась основательною самимъ супругамъ, то тѣмъ не менѣе она не была законной и самъ летописецъ, говори о третьемъ супружествѣ, прибавляетъ, что князь «преступи законъ Божій». Однако, не смотря на это нарушеніе закова Божія, со стороны духовенства не встрѣтилось никакого явнаго протеста.

Симеонъ Іоанновичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ четверо Василий, Константинъ, Михаилъ и Давидъ умерли задолго до смерти отца, а двое Симеонъ и Іоаннъ въ Мартѣ

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 181. Рус. Врем. I. 173.

1353 года на одной недѣлѣ съ митрополитомъ Феофаномъ в мѣсяцѣ ранѣе отца ¹⁾. Слѣдовательно, въ моментъ смерти Гордаго, въ живыхъ изъ многочисленнаго княжескаго семейства остались только вдова и двое братьевъ Іоаннъ и Андрей; изъ которыхъ послѣдній тоже вскорѣ умеръ.

Умирая 36 лѣтъ въ слѣпѣхъ подъ именемъ Озонта, великій князь оставилъ духовное завѣщаніе ²⁾, въ которомъ высказаны распоряженія точно такія же, какъ и въ завѣщаніи Калиты, съ тою разницею, что въ духовной Симеона выражено болѣе нѣжной заботливости о любимой молодой женѣ. Всѣ завѣщательныя распоряженія Симеона, какъ и отца его, имѣютъ характеръ распоряженій собственника, распоряженій вотчинныхъ. Послѣ объявленнаго религіознаго обращенія и заявленія о своей правоспособности (цѣлымъ умомъ) завѣщаніе говоритъ: даю рядъ своей княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью. А по Божѣ призваваю своей братьѣ; князю Ивану и князю Андрею своему князю и своего... и свои бояре; положилъ есмь на Божѣ и на васъ на своей братьѣ, тако имени блюсти: *мо мажему дощочанью, нато тоды на цѣлоуаши крестъ у отца гроба*. Затѣмъ, исключая города, волости и села, какъ предоставленные ему покойнымъ отцемъ, такъ и купленные имъ самимъ, а также и движимое имущество, великій князь отказалъ женѣ своей: «то есмь все далъ своей княгинѣ». Далѣе встрѣчается весьма знаменательное выраженіе, указывающее на существованіе различія между великимъ княженіемъ и московскимъ: „а что буди судимъ когда великомъ княженѣ *и вѣстими своей на Москвѣ*... Наконецъ, послѣ распоряженія объ отпускѣ на свободу людей дѣловыхъ, привулаченныхъ, тѣмъ, пофельскимъ, ключниковъ и старостъ въ заключеніи завѣщанія говорится: «а все есмь ее положилъ на Божѣ, и на своей братьѣ на князѣ на Иванѣ и на князѣ на Андрѣ. А по отца нашего благословенью, что нахъ приказавъ жити на одинѣ; тако же и яхъ вамъ приказываю своей братьѣ жити за одинѣ; а лихихъ би есте лю-

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 201.

²⁾ С. Г. Г. и Д. I. и 24.

дей не слушали, и кто имѣть васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». Въ концѣ же духовной высказывается цѣль его составленія и мѣра огражденія: «А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла. А хто сію грамоту иметь рушити судить ему Богъ въ семь вѣщъ и въ будущемъ». ¹⁾

Очевидно всѣ распоряженія имѣютъ характеръ распоряженій вотчинныхъ, распоряженій собственника, хозяина, но не государя. Прочитавъ его со вниманіемъ, можно было бы предположить, или что было другое завѣщаніе, касающееся если не собственно великаго княжества, то княжества московскаго, или что престолонаслѣдіе было обставлено правилами, потребовавшими, по твердости своей, новихъ подтвержденій. Но ни того, ни другаго не было. Единственное указаніе на опредѣленіе княжескихъ отношеній заключается въ смыслѣ на докончанье (договоръ 1341 года) или, лучше сказать, на завѣщаніе Іоанна Калиты, такъ какъ докончанье служить только исполненіемъ того завѣщанія. А между тѣмъ въ завѣщаніи Калиты высказано было только: «приказываю дѣтямъ своимъ вотчину Москву,» точно также, какъ и имѣтъ всякій добрый отецъ семейства приказываетъ одну часть имѣнія, болѣе цѣнную, въ общее владѣніе дѣтямъ, а другую часть назначаетъ въ радѣль. Что же касается до условій въ докончаньи имѣть младшимъ братьямъ врагами и друзьями тѣхъ, которые друзья или враги старшему брату и выступать въ походъ по распоряженію старшаго брата, то и въ этихъ статьяхъ, при рассмотрѣніи ихъ съ предшествующими и послѣдующими мѣстами договора, нельзя не видѣть условій членовъ дружнаго, крѣпко любящаго другъ друга семейства, именно такого семейства, каковымъ сумѣлъ воспитать умный Калита. Доказательствомъ этой мысли служить заботливость братьевъ о томъ, чтобы не держать другъ на друга никакого нелюбья и въ отсутствіи всякихъ мѣръ, которыя служили бы

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. I. ст. 37.

къ огражденію установленныхъ условій, что было бы совершенно необходимо при политическомъ характерѣ условій.

Княженіе Симеона Иоанновича, продолжавшееся около 12 лѣтъ, составляетъ продолженіе во всѣхъ отношеніяхъ княженія отца его. Также не любовь къ ратнымъ дѣламъ и во всякаго рода рискованнымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то же стремленіе къ увеличенію своихъ доходовъ, къ приобрѣтенію покупокъ и вообще всякими способами оелъ и волостей, даже въ другихъ княжествахъ и то же унижительное заискиваніе въ ордынахъ. Симеонъ, какъ уже было сказано, нѣсколько разъ былъ въ ордѣ и каждый разъ, по выраженію лѣтописцевъ, возвращался отъ хана съ великой честью. При немъ, точно также какъ и при Калитѣ, московскій народъ не зналъ ордынскихъ посланцевъ (хотя въ 1347 году и находился въ Москвѣ татарскій посолъ Кюга, но въ лѣтописяхъ не упоминается о сдѣланныхъ имъ наслѣдствъ) и, слѣдовательно, могъ безбоязненно отдаваться производительному труду. Промышленность развилась, а ея развитіе обусловило развитіе торговли, какъ внутренней, такъ и ви́шней по прежнимъ путамъ на западъ черезъ Новгородъ, на югъ съ греками и на югъ-востокъ съ ордынцами. Какъ дѣятельны были торговныя сношенія, можно видѣть уже и изъ того, что братское докончанье и завѣщаніе Симеона написаны на *бульмѣ*, бывшей въ то время большой рѣдкостью даже на западъ.

При Симеонѣ встрѣчаются въ Москвѣ и собственные, доморощенные художники. Въ 1344 году ¹⁾ расписаны были двѣ каменные церкви св. Богородицы и св. Матѣя; въ первой работала греч. писцы митрополита Феогноста, а во второй русскіе писцы князя Великаго Симеона Иоанновича. «въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальники иконописцевъ: Закарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ». Въ слѣдующемъ 1345 г. расписывалась церковь св. Спаса нарочно и величїемъ великой икозницы Анастасїи мастеромъ, старѣйшиной иконописцевъ, Гейтаномъ, о которомъ въ Никоновской лѣтописи говорится: *начальникъ* былъ русскій родомъ; а греческія уче-

¹⁾ Троиц. лѣт. 6653.

ницы Гейтанъ и Семень и Иванъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ 1346 г. упоминается о знаменитомъ литейщикѣ Борисѣ, слывшемъ три большіе колокола и два малыхъ. Объ этомъ Борисѣ упоминаетъ и Новгородская лѣтопись подъ 1342 годомъ: Владыка Василій повелѣ слѣти колоколъ великъ къ св. Софіи и приведе мастера съ Москвы челоуѣка добра, именеъ Бориса.

Гордый умеръ рано, 36 лѣтъ, слѣдовательно, до наступленія еще того возраста, когда страсти уступаютъ мѣсто холодному разуму, но не смотря на такіа лѣта, во всѣхъ дѣйствіяхъ его видны холодная расчетливость и осторожность. Почему именно ему дано было названіе Гордаго, — во не имѣниіу положительнаго факта, свидѣтельствующаго объ его надмѣнности, кромѣ извѣстія Татищева объ оскорбительномъ его обращеніи съ Новгородцами, — опредѣлять трудно. Впрочемъ, сознавая свою силу, онъ въ сношеніяхъ съ князьями поступалъ самостоятельно и требовалъ безусловнаго повиновенія. Въ отношеніяхъ же братскихъ онъ постоянно выказывалъ сердечную привязанность. Наконецъ, изъ его характеристики необходимо упомянуть еще объ одной чертѣ, которой лѣтописцы придавали особенную важность — это трезвость, не употребленіе никакого вина, въ чемъ лѣтописцы находили начало мудрости.

Говоря о характеристикахъ, встаетъ вспомнить мнѣніе о московскихъ князьяхъ нашего заслуженнаго ученаго, С. М. Соловьева. „Всѣ они (московскіе князья) пешими другъ на друга, въ нихъ *безстрастности* никакъ трудно уловить историчку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, *идутъ медленно*, осторожно, но постоянно неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ“. Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Нельзя назвать безстрастною личность Даниила Московскаго, энергически домогавшагося признанія за Москвою значенія великаго княжества и принимавшаго дѣятельное участіе въ борьбѣ братьевъ Андрея и Дмитрія Александровичей, еще менѣе безстрастенъ Юрій Даниловичъ, котораго все княженіе наполнено неутомимой

Борьбой, веденной съ страстнымъ увлеченіемъ, нельзя точно также назвать безстрастными и нехарактеристичными лицами Іоанна Калиту и Симеона Гордаго, хотя ихъ княженія, продолжавшіяся оба совокупно только около 24 лѣтъ, не ознаменованы никакими разными чертами, несвойственными тогдашнему складу московской жизни. Да историкъ и не нужно крупныхъ событій для характеристики историческихъ лицъ. При внимательномъ изученіи памятниковъ въ данной эпохѣ народной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самый ничтожный фактъ, самый неясный намекъ лѣтописнаго извѣстія одѣваетъ историческую личность плотью и кровью. Нельзя согласиться также и съ заключеніемъ о медленности дѣйствій московскихъ князей. О медленности не можетъ быть и рѣчи при существованіи факта развитія Москвы въ простомъ бѣдномъ населеніи въ великое княжество съ преобладающимъ значеніемъ въ какіе нибудь пол-вѣка. Если же эти дѣйствія князей были осторожны, если они не сопровождались кровавыми народными жертвами, если они были результатомъ чуткаго пониманія народной жизни и ея потребностей, то тѣмъ болѣе безспорно они заслуживаютъ вниманія историка.

Не смотря на полное отсутствіе крупныхъ, вышнихъ явленій, первая половина XIV столѣтія представляется намъ весьма важнымъ историческимъ моментомъ. Въ сѣверо-восточной Руси въ этотъ моментъ выдвинулось княжество, ставшее въ короткое время въ главѣ Руси и выработавшее въ себѣ тѣ жизненные силы, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ привели къ государственному строю. Съ этого момента исторія этого княжества становится исторіей Россіи. Какія же были причины такого возвышенія? Почему именно Москва, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля сдѣлаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ лежитъ въ содержаніи изложенныхъ событій, въ должномъ освященіи каждаго изъ этихъ событій въ отдаленности и въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, въ правдивомъ представленіи значенія ихъ и смысла, именно того значенія и смысла, какое имѣли въ себѣ лѣтописныя

нзвѣстія и, наконецъ, въ представленіи, по возможности, отрѣшенномъ отъ всякой предвзятой идеи.

Вопросъ о причинахъ возвышенія Москвы занималъ многихъ, изъ нашихъ историковъ: Карамзина, Полеваго, Погодина, Каченовскаго, Соловьева и друг. и каждымъ изъ нихъ сказано вѣское слово. Но отдавая должную справедливость ихъ учености и проникательности, нельзя не замѣтить то неправильности, то односторонности въ освѣщеніи ими разсматриваемаго предмета, отчего значеніе нѣкоторыхъ фактовъ или оставлено въ тѣни, или получило невѣрные размѣры. Карамзинъ приписываетъ возвышеніе Москвы ордѣ. Онъ говоритъ: „могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междуособіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя, вѣроятно, погибалю нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное: тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которыя спасены Москвою; Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ“¹⁾. Освѣтивъ такимъ образомъ одну сторону княжескихъ отношеній, сторону хотя и весьма важную, но далеко не единственную и особенно вліятельную, нашъ исторіографъ оставилъ въ тѣни полунесными другія, болѣе существенныя явленія народной жизни, не обратилъ вниманія ни на значеніе служилого сословія, ни на значеніе духовенства и, наконецъ, не придалъ даже должнаго вѣса силѣ народнаго духа.

Помойный академикъ Погодинъ объясняетъ возвышеніе Москвы счастливымъ стеченіемъ благоприятныхъ для нея обстоятельствъ и, наоборотъ, неблагоприятныхъ для враговъ ея. „Всѣ болѣваны, по мнѣнію Погодина, посмѣялись на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были вратованія“. Въ числѣ этихъ составленныхъ обстоятельствъ упоминается и существованіе такихъ первыхъ князей, какъ Голицы Калита, выбравшихъ своей резиденціей Москву, и положеніе послѣдней въ средоточіи вѣдѣ важныхъ княжествъ того времени, и принятіе московскими князьями на себя обязанности сборщиковъ ханской дани, и заслуги московской

¹⁾ И. Г. Р. т. V. гл. IV.

аристократіи и, наконецъ, самая смерть, отстранившая поводъ къ междоусобию московскихъ князей ¹⁾). Взглядъ покойнаго академика шире и многостороннѣе, но онъ далеко не обнимаетъ собою всей сущности вопроса. Такъ въ изложенномъ исчисленіи счастливыхъ обстоятельствъ совершенно пропущено вліяніе духовенства, тогда какъ оно, составляя самую интеллигентную часть народа того времени, стояло во главѣ и не могло не имѣть вліянія на судьбу его. При томъ счастливость и несчастливость предполагаетъ понятіе случайности, а въ исторіи не можетъ быть случайныхъ обстоятельствъ; точно также странно встрѣтить въ ряду счастливыхъ обстоятельствъ самихъ факторовъ народной жизни.

Мнѣніе профессора Каченовскаго изложено въ статьѣ ученика его Станкевича о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III ²⁾). По основному мнѣнію этого ученаго возвышеніе Москвы главнымъ образомъ произошло отъ географическаго ея положенія. Занимая центральное положеніе между сѣверомъ и югомъ и разбѣдняя силы независимыхъ княжествъ, Москва расширялась изъ центра къ окружности, постепенно присоединяя къ себѣ сѣбѣ сѣбѣ владѣнія и образуя такимъ образомъ московское государство. Затѣмъ этому основному условію содѣйствовали, какъ полагаетъ Каченовскій, и другія вліянія, къ которымъ онъ относитъ: вліяніе монголовъ; духовенства и политику первыхъ московскихъ князей. Особенное достоинство взгляда профессора Каченовскаго состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, первый у насъ обратилъ вниманіе на возможность вліянія природы, на историческую жизнь народа, но въ изслѣдованіи Станкевича замѣчается весьма важная негоднота въ игнорированіи вліянія московской аристократіи.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи до сихъ поръ служитъ вопросъ о степени вліянія ордынцевъ вообще на русскую жизнь, въ особенности на усиленіе самодержавія, а слѣдовательно и на усиленіе Москвы. По этому

¹⁾ Историко-критич. отрыв. в Москвѣ 133—159. Очерк. Рус. Шт. 26.

²⁾ Учен. зап. Москов. Унвер. 1834 г. 1.

поводу существуютъ два мнѣнія, диаметрально противоположныя. По мнѣнію однихъ историковъ (С. М. Соловьевъ) татары не способны были имѣть, и, дѣйствительно, не имѣли никакого вліянія на русскую государственную жизнь, подобно тому, какъ не имѣли вліянія предшественники ихъ—половцы ¹⁾. По мнѣнію же другихъ (Н. И. Костомаровъ) ²⁾ вліяніе татаръ напротивъ было рѣшительное и глубокое, вложивъ въ русскую жизнь идею самодержавія, осуществленную московскою княжескою властью, прототипомъ которой послужила власть ханская. Оба мнѣнія по увлеченіямъ къ крайностямъ ошибочны. Не отрицая вліянія орды въ ослабленіи самостоятельности народа, земства, о чемъ будетъ подробно сказано ниже,—нельзя согласиться вмѣстѣ съ тѣмъ и со сторонниками ордынцевъ. Антагонизмъ русскихъ и татаръ, несогласныхъ ни характеромъ, ни вѣрой, постоянно поддерживался угнетаемымъ образомъ дѣйствій послѣднихъ и уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства не могъ ввести въ русскую жизнь прототипа власти.

Взглядъ извѣстнаго нашего ученаго, С. М. Соловьева, относительно причинъ возвышенія московскаго княжества, отличается большею разносторонностью и эффектностью. Собственно этотъ предметъ не былъ цѣлью его спеціальнаго изслѣдованія, но онъ составлялъ необходимую часть его исторіи отношеній князей Рюрикова дома. Характеризуя бытъ русскихъ княжествъ до Андрея Боголюбскаго господствомъ родовыхъ отношеній, почтенный профессоръ отвергаетъ въ развитіи Москвы стремленіе выдвинуть государственныя отношенія на мѣсто ослабѣвшаго родового быта, поставить князей другихъ русскихъ княжествъ изъ родичей на ступень подручниковъ. Причисляясь къ городамъ новымъ, въ которыхъ, въ противоположность городамъ старымъ, явилось новое понятіе о собственности и отдѣльномъ владѣніи, Москва подобно всѣмъ другимъ новымъ городамъ стремилась увеличиться и усилиться всѣми возможными способами. Что это стремленіе у мо-

¹⁾ Востужевъ-Рюминъ, Рус. ист. I. 278.

²⁾ „Начало единодержавія въ др. Руси“ истор. мов. и изслѣд. т. XII.

сковскихъ князей оказалось не только болѣе плодотворнымъ и результатнымъ, но даже дѣйствительно подавляющимъ по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, этому обстоятельству, по мнѣнію ученаго профессора, способствовали многія общія и исключительныя условія, къ которымъ онъ относится: территориальное положеніе Москвы, умная политика первыхъ московскихъ князей, ихъ расчетливость и хозяйскую способность, вліяніе духовенства, благоприятныя отношенія монголовъ и дѣятельность бояръ. Всѣ эти условія, въ особенности участіе бояръ обследованы съ тою ясностью и логической послѣдовательностью выводовъ, которыми вообще отличаются труды этого ученаго. Но при всѣхъ этихъ капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія С. М. Соловьева имѣютъ характеръ увлеченія. Выставляя на первый планъ родовое начало и неутомимо слѣдя за нимъ въ княжескихъ отношеніяхъ, единственно доступнымъ обследованію, онъ не обратилъ должнаго вниманія на внутреннюю народную жизнь и упустилъ изъ вида другія стороны общественнаго быта, между тѣмъ, какъ по нашимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ княжескія отношенія составляютъ собою отдѣльныя явленія, не составляющія типа общественнаго строя того времени. Притомъ же самая теорія городовъ старыхъ и новыхъ еще не окончательно выяснена и доказана.

Возвышеніе Москвы составило продуктъ предшествующей исторической жизни, естественное явленіе, въ которомъ, какъ и въ каждомъ естественномъ явленіи, не могло быть ничего удивительнаго, не могло быть никакимъ случайнымъ счастливымъ обстоятельствомъ. Наши лѣтописцы рисуютъ состояніе славянскихъ волостей, до вторженія татаръ, въ постоянной борьбѣ внутреннихъ элементовъ, такъ какъ отношенія этихъ элементовъ оставались неопредѣленными, безъ органическаго строя. Вѣче, изображая высшій законодательный и правительственный органъ, непрерывно сталкивалось съ княжеской властью, которая, обладая судебною, полицейскою и военными частями, не могла не выходить изъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предѣловъ своего вѣдѣнія. Ряды, заключаемые вѣчемъ съ княжеской властью, при отсутствіи положительныхъ и обязатель-

ныхъ началъ, не могли, конечно, опредѣлить всѣхъ возможныхъ случаевъ, а потому и нерѣдко должны были представляться поводы къ неурядицѣ и борьбѣ. Такое положеніе постоянной борьбы, какъ внутри самой волости, такъ и въ столкновенияхъ волостей и князей между собою, истощало силы общества и исключало всякую возможность къ прочному организованію. Доказательство этого вывода видимъ въ жизни Новгорода, сохранившаго до своего паденія, вслѣдствіе своего мѣстнаго положенія, первоначальную общественную форму. Не смотря на высокое развитіе торговыхъ сношеній и благосостоянія, онъ постоянно раздирался внутренними усобицами и не могъ выработать начала, способнаго къ дальнѣйшему прочному и живому развитію.

Татарская орда, разгромивъ славянскія волости, произвела существенное, хотя и не непосредственное вліяніе на ихъ судьбу. Многіе, какъ было сказано выше, изъ нашихъ историковъ совершенно отвергаютъ всякое вліяніе монголовъ на наши древнія общества, но такое отрицаніе слишкомъ поспѣшно. Правда, находясь сама на низкой ступени цивилизаціи, орда не могла непосредственно и передать намъ начала гражданственности, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея, хотя и посредственное, было значительно. Оно проявилось, главнымъ образомъ, въ разрѣшеніи въ славянскихъ волостяхъ свободного класса. Овустошительный грабежъ и пологъ ордынцевъ, естественно, всей своей тяжестью налегъ на свободный классъ, такъ какъ по состоятельности только этотъ классъ могъ удовлетворить ненасытной жадности къ добычѣ и такъ-какъ выкупъ могъ ожидаться только отъ полоняниковъ изъ этого класса. И полоняники, послѣ выкупа, и ограбленные принуждались прибѣгать къ займамъ и вообще къ различнаго рода обязательствамъ, чѣмъ по необходимости становились уже въ разрядъ если не совершенно безправный, то во всякомъ случаѣ въ полуправный классъ, который такимъ образомъ долженъ былъ увеличиваться и дѣйствительно увеличивался въ громадномъ размѣрѣ, какъ это извѣстно изъ нашихъ источниковъ. А такъ какъ на вѣче участвовали только полноправные классы, то съ уменьшеніемъ количества послѣднихъ,

естественно, уменьшалось значеніе вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и противодѣйствіе княжеской власти. Затѣмъ при всей справедливости мнѣнія о томъ, что татары не касались ни до дѣль вѣры, ни вообще до дѣль внутренняго распорядка въ славянскихъ волостяхъ, нельзя, однакожь, безусловно и рѣшительно отвергать всякое вліяніе простаго примѣра. Неограниченность ханской власти, тяготѣвшей надъ Русью въ теченіи многихъ вѣковъ, не могла не принизить русскаго народа, не могла не измѣнить его прежняго взгляда на власть княжескую, какъ только на верховно-судебную, полицейскую и военную. Притомъ же, служа представителемъ хана, а потомъ и баскакомъ его, русскіе князья у себя дома невольно стали подражать и стали считать себя въ правѣ требовать такой же авторитетности, какою пользовалась власть ханская въ ордѣ. Такое требованіе еще болѣе укрѣплялось въ томъ случаѣ, когда утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ какаго либо княжества происходило въ преемственномъ родѣ.

Признавая такимъ образомъ важность посредственнаго вліянія татарскаго ига на ослабленіе вѣчевыхъ собраній и на усиленіе одновременно власти князей, должно замѣтить, что это вліяніе не могло быть одинаковымъ во всѣхъ волостяхъ. На югѣ, гдѣ существовавшій порядокъ имѣлъ глубокіе корни, гдѣ народъ вслѣдствіе естественныхъ условій живѣе чувствовалъ и проявлялъ свою дѣятельность, тамъ, конечно, татарское вліяніе не въ силахъ было измѣнить кореннаго порядка, но на сѣверѣ, гдѣ населеніе холоднѣе относилось къ своимъ правамъ, гдѣ оно болѣе заботилось о потребностяхъ своего существованія, гдѣ оно вынуждалось болѣе трудиться для своего содержанія, тамъ это вліяніе, конечно, отразилось въ болѣе существенномъ размѣрѣ и, наконецъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ не возникало прежняго устройства славянскихъ обществъ, тамъ образовались другой взглядъ и другой строй.

Этотъ-то новѣйшій порядокъ и установился въ Москвѣ подѣ вліяніемъ новыхъ условій. Въ Москвѣ не совершилось никакой ломки. Тамъ не было и не могло быть вѣчевыхъ собраній. Вотчина боярина Кучки, послѣ казни этого боярина, сдѣла-

лась вотчиной князя и населилась людьми обязанными къ нему, но всей вѣроятности полусвободными или совершенно несвободными. На это отношеніе указываетъ особенность Іустинской лѣтописи. Въ этой лѣтописи съ 1146 года всѣ великіе князья владимірскіе и суздальскіе, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Юрьевичъ (большое гнѣздо) и даже Александръ Невскій называются московскими князьями. Такъ подъ 6679 (1171) годомъ говорится ¹⁾: «и отсѣгъ впаде княженіе кievское, а володимірское съ *Москы* вознесется, оттоли бо *московскіе князи* надъ кievскими начата владѣти». Не указывается ли здѣсь прямо на вотчинную принадлежность, какъ собственности, Москвы великимъ князьямъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время народъ называетъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ по именамъ ихъ вотчинъ: спасскій баринъ, березовскій баринъ и т. п. Вотчинныя отношенія Москвы къ князьямъ, отношенія собственности къ владѣльцамъ продолжались долго, до того времени, когда народная жизнь образовала органическое устройство государственныхъ элементовъ и опредѣлила ихъ отношенія между собою, когда слiаніе съ Москвою (при Іоаннѣ III) многихъ русскихъ княжествъ великихъ и невеликихъ вызвало необходимость въ регламентаціи частей, уже способныхъ къ самостоятельному существованію.

Такимъ образомъ основываясь на существенныхъ чертахъ народной жизни, было бы правильнѣе и основательнѣе назвать первые періоды русской исторіи вѣчевымъ — до образованія московскаго княжества и вотчиннымъ — до государстванія Іоанна III. Изложеніе образованія и постепеннаго сформированія государственныхъ элементовъ, совершившихся въ послѣдующее время, составитъ предметъ особаго изслѣдованія, — въ первой же половинѣ XIV вѣка государственныхъ элементовъ не находилось и всѣ сохранившіеся историческіе памятники не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ государственнаго начала, какъ въ древнемъ періодѣ до XIV столѣтія, гдѣ существовали первобытные славянскія общества, такъ и въ

¹⁾ П. С. Р. Л. П. (Дуст.) 311.

теченіи этого полустолѣтія, гдѣ совершалось развитіе вотчинной власти князя. Изъ этого видимъ, какъ медленно выросталъ русскій государственный организмъ. Да оно и понятно. Чѣмъ сложнѣе и грандіознѣе организмъ, говорятъ натуралисты, тѣмъ медленнѣе совершается его развитіе.

Для большаго выясненія вопроса обратимся къ подробному разсмотрѣнію въ первой половинѣ XIV столѣтія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается государственное начало, къ разсмотрѣнію правительственной власти, народнаго состава и т. п.

Г Л А В А IX.

Правительственная власть.

Переходимъ къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія московскаго княжества первой половины XIV вѣка, къ разсмотрѣнію общественнаго быта по отношенію къ основнымъ, по крайней мѣрѣ, его формамъ т. е. къ тѣмъ формамъ, которыя составляютъ содержаніе такъ называемаго государственнаго и частнаго права.

Какова была сущность московской княжеской власти? Въ древній до московскій періодъ въ волостяхъ существовали двѣ правительственныя власти: вѣчевая и княжеская, обѣ неопредѣленныя, смѣтныя, неразграниченныя въ предѣлахъ между собою, какъ и всѣ общественныя формы того времени и славянскаго міра въ особенности. Можно предположить въ общихъ чертахъ, что содержаніе вѣчевой власти составляли вопросы, касающіеся всей волости, вопросы о войнѣ и мирѣ, насколько они не были дѣломъ личнаго интереса князя, вопросы о призывѣ и удаленіи князей и т. п. Содержаніе княжеской власти составляли судъ и расправа, наложеніе и собираніе дани, охраненіе общественнаго спокойствія и безопасности и такъ называемая власть управленія. Что власть вѣчевая существовала какъ самостоятельная сила, это положительно доказывается заключеніями ряда-договора волостей съ князьями. Если бы

рѣшенія вѣчей о призвѣ или удаленіи князей были дѣломъ матежнаго своеволія толпы, то въ этомъ случаѣ не могло быть заключено ряда-договора и этотъ договоръ не могъ быть записанъ лѣтописцемъ какъ нѣчто обязательное. Точно также нельзя сопоставить самодержавную власть съ частными и почти безслѣдными переходами князей изъ одной волости въ другую. Самодержавіе по необходимости рождаетъ такіа тѣсныя отношенія, при которыхъ немислима та легкость, съ какой князья мѣнялись волостями. Признавъ же существованіе двухъ властей, нельзя не признать въ этомъ одну изъ причинъ общественныхъ золъ и смуть. Но эта причина, къ сожалѣнію, была не единственною.

Каждая волость имѣла свой столъ и своего князя, управлявшаго совершенно самостоятельно, по отношенію къ другимъ князьямъ и другимъ волостямъ, за исключеніемъ того обстоятельства, когда сынъ,—иногда даже малолѣтній,—получалъ часть волости отца еще при жизни послѣдняго,—въ этомъ случаѣ право управленія считалось за отцемъ и сынъ имѣлъ значеніе только намѣстника. Столы занимались, смотря по значеніямъ волостей, членами одного княжескаго дома Рюриковичей по степенямъ ихъ родства и близости къ общему родоначальнику, слѣдовательно по особому праву престолонаслѣдія, совершенно не совпадающему съ общимъ правомъ наслѣдованія, по которому имѣли участіе только прямыя нисходящія. И въ этомъ обстоятельствѣ также нельзя не видѣть доказательства несамодержавной власти князя, такъ какъ при самодержавіи, по отсутствіи въ то время государственныхъ понятій, естественно должно было развиться престолонаслѣдіе по частному праву.

Изъ всѣхъ князей выдѣлялся только одинъ съ значеніемъ великаго князя, занимавшій старѣйшій столъ первой волости (Кіевской) и имѣвшій на остальныхъ князей вліяніе отца („въ отца мѣсто“) на совершеннолѣтнихъ сыновей. Другими словами, великій князь имѣлъ право убѣждать, дѣлать выговоры и даже, при явномъ правонарушеніи, силою возстановлять нарушенное. Само собою разумѣется, что впоследствии, при размноженіи княжескаго дома, счетъ степеней родства

становился затруднительнымъ и не могъ не подавать частныхъ поводовъ къ княжескимъ усобицамъ, въ чемъ и заключается главная и влиятельная причина междоусобныхъ войнъ и разединенности волостей. Для обузданія претензій власти одного великаго князя оказывалось уже недостаточнымъ и въ нравственномъ и материальномъ отношеніяхъ и потому потребовалось новое учрежденіе съѣзда князей.

Составляя собою представительство существовавшихъ тогда правительственныхъ единицъ, и эта политическая форма носила въ себѣ общій характеръ неопредѣленности, присущей каждой единицѣ. Изъ источниковъ не видно, въ какой мѣрѣ были обязательны постановленія съѣзда, какимъ порядкомъ и кѣмъ они приводились въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе предположить, что значеніе съѣзда, какъ и значеніе великаго князя, зависѣло отъ фактическихъ условій, отъ силы и вліянія постановившихъ опредѣленіе. Такимъ образомъ и эта форма не могла умиротворить русскую землю.

Такова была организація правительственной власти въ южныхъ русскихъ волостяхъ, такова же она была и въ сѣверо-восточныхъ, съ тѣми только оттѣнками, которые вытекли изъ мѣстныхъ особенностей. Выселенцы изъ старыхъ русскихъ городовъ на новую свободную землю приносили съ собою свои взгляды, убѣжденія и прежніе порядки. Образовались города съ тѣмъ же типическимъ устройствомъ, послужившимъ и съ своей стороны типомъ для своихъ пригородовъ. Такъ Суздаль послужилъ типомъ для Владиміра, который тоже сдѣлался типомъ для послѣдующихъ выселеній.

Таковъ былъ общій порядокъ, но въ образованіи Москвы легло особое обстоятельство, которое не могло не имѣть вліянія при дальнѣйшемъ ея развитіи. Отвергая всѣ позднѣйшія вымыслы лѣтописцевъ объ основаніи Москвы, нельзя отвергнуть извѣстія, что на этомъ мѣстѣ прежде существовали поселенія, на вотчинной землѣ боярина Степана Ивановича Бучки, землѣ принадлежащей ему въ собственность. Казнивъ этого боярина, великій князь суздальскій Юрій Владиміровичъ взялъ поселенія казненнаго въ свою собственность, и потомъ передалъ ихъ какъ собственность же, какъ свою вотчину, сыну

своему Андрею Боголюбскому вмѣстѣ съ рукою дочери Кучки, Улиты, и съ завѣщаніемъ населить еще болѣе новое приобрѣтеніе. Впослѣдствіи изъ этихъ новыхъ поселеній, — вѣроятно изъ несвободнаго класса, такъ какъ князь имѣлъ право располагать только поселеніями такого рода, — образовалась Москва отъ имени рѣчки Москвы. Конечно, по выгоды мѣстоположенія и другимъ удобствамъ эти поселенія постепенно разрастались прибавленіемъ новыхъ выселенцевъ изъ различныхъ городовъ, но тѣмъ не менѣе ядро, первоначальный составъ, образовали поселенцы вотчинной земли, платившихъ дани и пошлыны собственнику, сначала боярину Кучкѣ, а потомъ князю. Отъ этого исключительнаго обстоятельства въ Москвѣ и не образовались вѣчевые порядки.

Въ лѣтописяхъ вовсе не упоминается о московскомъ вѣче за исключеніемъ только одного мѣста, внимательное разсмотрѣніе котораго ясно обнаруживаетъ употребленіе этого слова лѣтописцемъ, какъ указаніе на общее смущеніе, но ни въ какомъ случаѣ не въ смыслѣ опредѣленія дѣятельности фактора. Событіе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, относится къ концу XIV вѣка, къ тому времени, когда вѣчевой бытъ сталъ падать уже и тамъ, гдѣ онъ коренился глубоко. Въ 1382 году московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію ордынскаго хана, отступилъ изъ Москвы къ Костромѣ. Оставленные самимъ себѣ, москвичи смутились и естественно раздѣлились въ мнѣніяхъ „ови хотяху сѣсти въ градѣ и затворитиса, а друзіи бѣжати помышляху, и бывше распрѣ межи ими велицѣ и *сотвориша вѣче, позвониша во всю колоколь*“ ¹⁾. Этотъ рассказъ, напротивъ, еще болѣе утверждаетъ мнѣніе о несуществованіи обычнаго вѣча въ Москвѣ, тамъ въ противномъ случаѣ не могло быть смущенія нежданности, былъ бы призывъ только одного вѣчеваго колокола, а не тревожнаго звона во всѣхъ церквахъ.

Затѣмъ въ лѣтописяхъ имѣются еще два указанія на самовольныя распоряженія, какъ бы въ видѣ вѣча, но безъ употребленія этого слова, да и въ дѣйствительности не имѣющихъ

¹⁾ Воскр. 1382.

его значенія. Въ 1176 году москвичи, стоявшіе вмѣстѣ съ владимірцами за Михаила и Всеволода Юрьевичей противъ ростовцевъ и суздальцевъ, державшихъ сторону Ростиславичей пошли быле изъ Москвы во Владимиръ сопровождать Михаила, но, узнавъ надорогѣ о предстоящемъ нападеніи на нихъ Ярослава Ростиславича, тотчасъ же воротились „блюдучи домовъ своихъ 1)“. Въ этомъ оставленіи москвичами Михаила для защиты домовъ своихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть вѣчеваго распоряженія во 1 по отсутствію общности, а во 2 потому, что Москва въ то время была только простымъ поселеніемъ, но не пригородомъ, тѣмъ болѣе княжествомъ. Наконецъ послѣднее, косвенное, только кажущееся указаніе на рѣшеніе вѣча, какъ на результатъ народной воли въ Москвѣ, относится къ половинѣ XV столѣтія, къ времени плѣненія московскаго князя Василія Васильевича ордынцами; въ извѣстіи, впрочемъ, не упоминается слово вѣче. Въ 1445 году, по случаю выѣзда изъ Москвы княжескаго семейства и бояръ, въ оставленной Москвѣ естественно возникли народное волненіе и неурядица, „а граждане въ величѣй тузѣ и волненіи баху: могущен бо бѣжати, оставивше градъ, бѣжать хотяку; чернь же совокупившеся начаша врата градская преже дѣлати“ 2). Ясно, что это собраніе черни не вѣчевое собраніе; оно состоялось вслѣдствіе удаленія властей и вслѣдствіе неизбѣжной необходимости рѣшить вопросъ, какъ поступить въ виду приближенія ордынцевъ.

Вотъ единственныя лѣтописныя извѣстія, въ которыхъ можно было бы видѣть указанія на московское вѣче, но ближайшее разсмотрѣніе этихъ извѣстій приводитъ къ положительному противуположному результату, къ совершенному отричанію существованія вѣча въ Москвѣ, въ противуположность общепринятому мнѣнію нашихъ историковъ. Кромѣ отсутствія лѣтописныхъ извѣстій, составляющихъ собою твердую почву, самая исторія Москвы даетъ отрицательный отвѣтъ. Москва родилась, какъ видно было изъ предшествующаго, на вотчинной землѣ

1) Ипат. 1176 г.

2) Воскр. 1445.

и развилась во время монгольскаго ига, въ то время, когда и въ другихъ княжествахъ разгромленный, приниженный народъ переставалъ принимать участіе въ народномъ дѣлѣ. Съ монгольскаго ига во всѣхъ княжествахъ замѣчается усиленіе княжеской власти и стремленіе ее установиться въ своихъ владѣніяхъ, заврѣпать ихъ за собою и своимъ семействомъ, расширить всѣми возможными примыслами и, наконецъ, достигнуть полной независимости, достигнуть достоинства великаго князя. Значеніе родства начинаетъ стѣсняться и уступаетъ мѣсто фактической силѣ.

Но то, къ чему въ другихъ княжествахъ стремились борьбой, безпрерывными распрями и усобицами, Москвѣ было природенное, естественное положеніе, и князь московскій, когда приворождѣ достигнулъ значительной степени развитія, является среди другихъ князей съ прочной обстановкой, является *хозяйномъ* своихъ вотчинъ-волостей. Въ московской исторіи не встрѣчается вовсе внутреннихъ смуть и междоусобій, характеризующихъ исторію другихъ княжествъ. Поэтому и задача московскихъ князей—обезопасить внутренній порядокъ, личность и имущества *своихъ людей* отъ частныхъ покушеній и стараться о приобрѣтеніи, примыслѣ. Эту задачу превосходно поняли первые московскіе князья—Даніиль, Іоаннъ Даніиловичъ и сынъ послѣдняго—Симеонъ Іоанновичъ; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ особенности послѣднихъ, вездѣ проявляется типъ разумнаго, осторожнаго хозяина. Послѣдствіемъ такого положенія верховной московской власти только и можно объяснить совершенно частный характеръ завѣщательныхъ распоряженій московскихъ князей и ихъ договоровъ между собою, о чемъ было сказано подробнѣе выше.

Мірное состояніе московскаго княжества привлекало къ себѣ новыхъ поселенцевъ, какъ производительныхъ труженниковъ, такъ и лицъ высшаго класса и этимъ же объясняется общее тяготѣніе именно къ ней, а не къ другимъ болѣе старымъ и болѣе богатымъ городамъ—Суздалю, Ростову, Владимиру и друг. Народъ московскій казался смиреннымъ, послушливымъ народомъ и въ этомъ отношеніи иногда вызывалъ насмѣшки

кичливыхъ сосѣдей. Такъ въ болѣе, даже, позднее время лѣтописецъ, говоря о войнѣ Олега рязанскаго съ московскимъ княземъ Дмитриемъ Иоанновичемъ, высказываетъ: „Рязанцы сурови суще челоувѣцы, свирѣпни и високоумни.... рѣша другъ другу: не емлемъ себѣ ни щитъ, ни копій, ни анаго оружія, токмо возьмемъ ужища, чѣмъ бы вязать москвичей“. Однако рязанцы были разбиты москвичами.

Оканчивая разсмотрѣніе вопроса о существѣ княжеской власти въ Москвѣ, остается повторить все сказанное немногими словами: московская княжеская власть была власть вотчинная, самодержавная, неограниченная ни волей народа, ни какой либо другой волей, но не власть самодержавная въ государственномъ смыслѣ. Поэтому, имѣя въ виду съ одной стороны самодержавную власть въ Москвѣ, а съ другой проявившееся и въ другихъ княжествахъ стремленіе къ удержанію власти въ одномъ семействѣ, вѣрнѣе было бы опредѣлить этотъ моментъ (XIV вѣкъ) русской исторіи вотчиннымъ періодомъ, какъ время предшествующее—періодомъ вѣчевымъ. Сообразно образовавшемуся основному направленію, въ московскомъ княжествѣ господствуетъ особый взглядъ и на престолонаслѣдіе: на мѣстѣ права родства стояли распоряженія о передачѣ наслѣдства въ нисходящую линію, какъ переходила частная собственность къ дѣтямъ, разумѣется съ тѣмъ отгѣнкомъ, которымъ, по необходимости, обуславливалось общественное значеніе наслѣдства этого рода.

Иныя явленія происходили въ другихъ княжествахъ. По понятіямъ родства, держащимся въ другихъ княжествахъ, дяди имѣли старшинство передъ племянниками и княжескій столъ доставался послѣ умершаго брату его по старшинству, а затѣмъ уже сыновьямъ. Не приводя въ доказательство примѣровъ изъ X и XI столѣтій, которые извѣстны каждому знакомому съ русской исторіей, интереснѣе привести случаи изъ болѣе позднѣйшаго времени, когда связь родства значительно уже ослабѣла. Въ половинѣ XII столѣтія (1141 г.) великій князь кievскій Мстиславъ Владиміровичъ преемникомъ своимъ по великому княженію назначаетъ брата своего Ярослава, а сыновьямъ

оставилъ Переяславль ¹⁾. Въ началѣ XIII столѣтія ²⁾ великій князь Владимірскій, Константинъ, назначилъ преемникомъ по великокняжескому столу брата Юрія, сыновьямъ же назначаетъ столы Ростовской и Ярославскій. Такимъ же образомъ поступилъ и преемникъ Юрія великій князь Владимірскій, Ярославъ. Въ московскомъ же княжествѣ подобныхъ примѣровъ не встрѣчается и княжескій столъ постоянно поступаетъ въ руки старшаго сына.

Изложенные выводы очевидно доказываютъ, что въ Москвѣ впервые явилась идея *самодержавія въ видѣ вотчинной власти князя*. Но это мнѣніе не раздѣляется нашими ученными историками. Многие изъ нихъ и до сихъ поръ видятъ въ славянскихъ волостяхъ государственное устройство, а въ княжеской власти, власть самодержавно-государственную. Одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ г. Загоскинъ въ сочиненіи своемъ „Исторія права московскаго государства“ ³⁾, хотя и признаетъ за древнимъ періодомъ характеръ удѣльно-вѣчевой, но въ тоже время находитъ въ немъ и начало самодержавія. Онъ говоритъ, что „идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ еще задолго до погрома татарскаго. Будучи впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, принесенными греческимъ духовенствомъ, еще въ эпоху крещенія русской земли, идея самодержавія государственной власти неоднократно проявлялась въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ. Намъ извѣстны стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго основать неограниченное единодержавіе въ землѣ Ростовско - Суздальской, желавшаго, по выраженію лѣтописца, „единъ быти властель въ русской землѣ“. Самъ учредитель царскаго достоинства въ Россіи, грозный царь Іоаннъ IV Васильевичъ, признавая себя государемъ вполнѣ самодержавнымъ, ставитъ въ образецъ власти своей не власть хановъ ордынскихъ, но самодержавную власть императоровъ римскихъ и ссылается на авторитетъ библии. И такъ *визан-*

¹⁾ Ипат. 1141 г.

²⁾ Воскр. 1217 г.

³⁾ Ист. Пр. Москов. Госуд. Казань. 1877 г. с. 13.

тѣхнѣхъ государственныя традиции и возрѣнія греческаго духовенства—вотъ основныя начала, заронившія въ русскую жизнь первое зерно идеи самодержавія; дѣло лишь въ томъ, что въ удѣльновѣчевѣмъ періодѣ не было почвы пригодной для проростанія этого зерна, не было обстоятельствъ, способныхъ дать толчокъ дальнѣйшему развитію этой идеи и введенію ея въ сферу государственныхъ отношеній. И такъ молодой ученый въ единственно приводимомъ имъ въ доказательство фактѣ честолюбивыхъ стремленій Андрея Боголюбскаго видитъ идею самодержавія государственной власти, не смотря даже на то, что самовластныя дѣйствія этого князя возбуждали противъ него общее неудовольствіе и послужили причиной его убійствія. Руководясь подобнымъ анализомъ, легко можно дойти до весьма странныхъ выводовъ. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что Боголюбскій воспитывался въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ княжеская власть не встрѣчалась съ определенно сложившимся характеромъ земства, и, однакожь, при всемъ томъ и тамъ самовластныя дѣйствія его считались злоупотребленіемъ. Впрочемъ, если считать за идею самодержавія государственной власти всякое стремленіе власти усилить себя, увеличить свое вліяніе, то, конечно, такая идея прирожденна каждому обществу, гдѣ только существуетъ власть, такъ какъ каждой власти прирожденно стремленіе оградить, обезпечить себя безъ всякаго занесенія идеи новымъ внѣшнимъ факторомъ. До сихъ поръ обыкновенно понималось подъ понятіемъ идеи самодержавія государственной власти—понятіе совокупности извѣстныхъ отношеній власти къ органически устроенному обществу, а такого общества въ древнемъ періодѣ нашей исторіи не было, да и не могло быть. Далѣе авторъ, развивая мысль свою о занесеніи къ намъ идеи самодержавія византійскимъ духовенствомъ и о перенесеніи къ намъ византійскихъ традицій, приводитъ въ доказательство ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи монархической власти, о необходимости вслѣдствіе этого безусловнаго повиновенія ей: „всякая душа властемъ придерживающимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляйся власть, Божию повелѣнію

противляется". Совершенно вѣрно мнѣніе о важности вліянія христіанскаго ученія на усиленіе у насъ княжеской власти, не вѣрна только постановка этого вліянія; а вслѣдствіе того не вѣрно и осужденіе всего взгляда. Христіанское ученіе получило значеніе тогда, когда князья получили возможность пользоваться этимъ вліяніемъ, а византійскія традиции въ данномъ отношеніи всегда оставались для нашей исторіи не причемъ. Чтеніе духовенства оказывало значительную поддержку стремленіямъ князей, но не было основнымъ факторомъ. Религіозныя идеи въ первые вѣка могли проникать не въ массу народа, гдѣ христіанское ученіе распространилось туго и медленно, а только въ высшій классъ, а между тѣмъ этотъ-то именно классъ менѣе всѣхъ симпатизировалъ ученію о самодержавіи. И, наконецъ, надобно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ученіе духовенства проповѣдывалось и во всѣхъ другихъ княжествахъ, а между тѣмъ самодержавіе во всей полнотѣ принялось только въ одной Москвѣ.

ГЛАВА X.

Органы верховной власти.

Соотвѣтственно по своему самодержавному значенію, московская верховная власть обнимала собою всецѣло всѣ главные органы ея правленія: законодательство, судъ и управление во всѣхъ существовавшихъ въ то время отношеніяхъ и во всемъ своемъ неограниченномъ объемѣ. До московскаго періода во всѣхъ южныхъ русскихъ волостяхъ власть князя ограничивалась, напр. въ законодательной отрасли, участіемъ народа; было ли это ограниченіе и въ судебномъ отношеніи и во всѣхъ ли волостяхъ, или только одной новгородской, по недостатку источниковъ опредѣлить невозможно.

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ способовъ проявленія дѣятельности княжеской власти въ отношеніи къ внутреннему общественному быту, необходимо предварительно ска-

зять о крайней смутности въ этомъ отношеніи нашихъ летописныхъ свѣдѣній и историческихъ документовъ, относящихся къ описываемому времени. Летописки, живя въ средѣ отъношеній, извѣстныхъ въ его время всѣмъ и каждому, не вродились удобнымъ входить въ подробности. Кроме того изъ летописныхъ матеріаловъ, безъ сомнѣнія, много хранится въ складахъ и архивахъ нашихъ древнихъ монастырей еще неизданными, терпѣливо еще ожидающими новыхъ трудолюбивыхъ исследователей. Обнародованіе этихъ матеріаловъ въ видѣ грамотъ нашихъ князей жалованныхъ и бессудныхъ ¹⁾, уставныхъ и судныхъ не можетъ не пролить много свѣта на эту еще темную сторону. Впрочемъ, и изъ тѣхъ грамотъ, которыя извѣстны намъ въ настоящее время, сопоставляя и сравнивая между собою извѣстія различныхъ лѣтъ, можно вывести безъзабачно въ общихъ чертахъ понятіе о родѣ существовавшихъ въ то время общественныхъ отношеній.

Въ жизни простой и несложной не могло быть строгаго разграниченія различныхъ органовъ управленія и суда: одни и тѣже были правителями и судьями. Обладаніе небольшою властью давало князю полную возможность заниматься самому и лично входить во всѣ отрасли управленія. Въ поученіи дѣтямъ Монамахъ говорить: „судите вдовицъ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ... не оставляйте больныхъ... въ козайствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагайтесь на отроковъ и тиуновъ... на войнѣ будьте дѣтельны, служите примѣромъ для воеводъ... я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ злой лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя, не надѣясь на посадниковъ и бирючей“. Такими лицами и были московскіе князья и по благотворительности и по хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Но при всей готовности князя лично самому исполнять

¹⁾ Жалованныя или бессудныя (иначе несудимыя) грамоты давались князьями разнымъ монастырямъ и другимъ юридическимъ лицамъ на освобожденіе ихъ по вочиннымъ дѣламъ, а иногда и губнымъ въ полномъ объемѣ или частью отъ вѣдомства княжескихъ органовъ. Должно однакожъ замѣтить, что бессудными грамотами назывались также и окончательныя судебныя рѣшенія по такому дѣлу, когда отвѣтчикъ къ суду не явился.

обязанности доброго правителя все таки оказывалась необходимою въ лепяхъ, ближе стоящихъ къ народу и замѣнявшихъ его, то по многосложности работы, то на время отсутствія, то по другимъ причинамъ. Необходимое эта увеличивалась съ расширеніемъ территоріи княжества, съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ и усложненіемъ общественныхъ отношеній. Замѣняя собою власть князя, эти установленные органы имѣли тотъ же характеръ смѣшенія властей въ предѣлахъ ихъ уполномочій: посадникъ, намѣстникъ волостей — былъ судья, правитель и начальникъ войска.

Всѣ существовавшіе въ московскомъ княжествѣ органы можно раздѣлять на центральные, мѣстные и исключительные. Къ центральнымъ органамъ, имѣющимъ вліяніе на все пространство княжества, относится княжеская дума. Собственно княжеская дума при первыхъ московскихъ князьяхъ не составляла правильно организованнаго постояннаго учрежденія, по крайней мѣрѣ на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакого опредѣленнаго извѣстія. Указанія же на дѣйствительное существованіе думы встрѣчаются весьма часто и въ предшествующемъ періодѣ, „и начаста думати съ мужи своими“¹⁾, и въ послѣдующія княженія. Московскій князь Симеонъ Иоанновичъ, сынъ Калиты, въ своемъ завѣщаніи говоритъ братьямъ... „и лихихъ бы людей не слушали,... слушали бы отца нашего Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Затѣмъ внучъ Калиты, князь Дмитрій Иоанновичъ, передъ своею смертію даетъ дѣтямъ послѣднее наставленіе... бояры своя любите... безъ воли ихъ ничтоже не творите²⁾. Существованіе думы можно вывести еще изъ обстоятельства частыхъ поѣздокъ въ орду князей и иногда съ ихъ сыновьями, изъ необходимости оставлять за собою людей преданныхъ, которымъ они могли бы поручать блюсти свой столъ во время отсутствія.

Какими были условія существованія думы? Какъ учрежденіе безусловное ни временемъ, ни постояннымъ и извѣстнымъ

¹⁾ Ипат. 1147.

²⁾ Воскр. 1399.

составомъ членовъ, Дума собиралась только по призыву князя, по его усмотрѣнію на совѣтъ по какому либо вопросу, состояла изъ лицъ его довѣренныхъ, приближенныхъ единственно его волею и продолжалась столько времени, сколько назначено было княземъ: Вообще дума, при личномъ присутствіи князя, имѣла характеръ чисто совѣщательный и члены имѣли право высказывать только свое личное мнѣніе, неимѣющее никакой обязательной силы. Говорить мнѣніе не согласное съ мнѣніемъ князя значило оказывать „встрѣчу“ и оцѣнка такого мнѣнія совершенно зависѣла отъ характера князя. Нѣкоторые любилъ свободное выраженіе мнѣнія, относились къ нему разумно и безпристрастно, другіе же не терпѣли никакого возраженія. Такъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ любилъ противъ себя встрѣчи и даже жаловалъ тѣхъ, которые говорили противъ него, ¹⁾ а сынъ его Василій Іоанновичъ, напротивъ, по каждой встрѣчѣ „опалался“. Первые московскіе князья, какъ можно судить по личному ихъ характеру, вѣроятно, относились съ полнымъ уваженіемъ къ каждому разумному выраженію мнѣнія, — такъ можно заключить изъ приведеннаго указанія Симеона Іоанновича на преданность бояръ.

Предметами совѣщаній думы обыкновенно служили вопросы, касающіеся до всего княжества, вопросы о войнѣ и мирѣ, объ отношеніяхъ князей другъ къ другу, о приобрѣтеніяхъ или промыслахъ, покупкахъ, о доходахъ, пошлинахъ и повинностяхъ, о назначеніи размѣровъ штрафовъ и т. п. Вѣроятно обсужденію же думы передавались по приказанію князя и жалобы частныхъ лицъ на несправедливыя рѣшенія судей и стѣснительныя распоряженія служилыхъ людей. Хотя по этому предмету и не встрѣчается современныхъ извѣстій XIV вѣка, но такъ какъ подобныя же вопросы подлежали совѣщаніямъ князей съ мужами и въ предшествующее и послѣдующее время, то нѣтъ основанія отвергать такое вѣдомство и въ описываемую эпоху.

Какъ выборъ предметовъ для совѣщаній думы вполнѣ зависѣлъ отъ воли князя, точно также отъ него зависѣлъ и вы-

¹⁾ А. А. Э. т. I. № 127.

боръ членовъ-совѣтниковъ. Но такъ какъ въ интересѣ князя было продать рѣшеніемъ думы болѣе авторитетнаго значенія и фактической силы при исполненіи, то, естественно, выборъ его падать на лица, пользующихся большимъ авторитетомъ, владѣющихъ большою силою, слѣдовательно на бояръ. 1) За-тѣмъ въ думу назначались приближенные къ князю лица, его служилые, его овольничіе, сокобничіе и т. п. Въ лѣтописяхъ есть извѣстія, 2) доказывающее положительнымъ образомъ право князя на произвольный выборъ совѣтниковъ-членовъ думы даже и въ предшествующее время „и тогда Святославъ слу-малъ съ княгинею своею и съ кочаремъ милостивкомъ своимъ и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думи своея“. Если таково было право князя въ XII вѣкѣ, то тѣмъ болѣе должно признать его въ XIV столѣтіи при установленіи вотчиннаго взгляда на княжество за князьями московскаго дома.

Мѣстные органы управленія. Предварительно разсмотрѣнія института мѣстныхъ органовъ управленія, необходимо сказать нѣсколько словъ вообще о дѣленіи княжества на правительственныя единицы. Въ рассматриваемую эпоху въ источникахъ находится дѣленіе на 1) города съ уѣздами и 2) волости съ уѣздами. Первое подраздѣленіе составляло какой-либо городъ, какъ наибольшее населеніе, съ уѣздомъ т. е. съ тѣми селами, какія по близости своей къ городу и по общности экономическихъ условій естественно тянули къ нему и для которыхъ было особенно удобно управляться и судиться однимъ и тѣмъ же лицомъ—„московскій городскій уѣздъ“. Второе подраздѣленіе были волости, населенія пространствъ, опредѣленныхъ границами сообразно съ мѣстными условіями; самый населенный пунктъ составлялъ центръ волости, отъ котораго она получала свое отличительное названіе, а прочія села составляли уѣздъ волости („отъѣздъ, выѣздъ“). 3) Подраздѣленія городовъ и волостей нельзя считать всегда постоянными. По усмотрѣнію князя, по требованіямъ обстоятельствъ, смотря

1) Названіе мужъ въ эпоху княженій первыхъ московскихъ князей въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уже болѣе не встрѣчается.

2) Илат. 1180.

3) С. Г. Гр. и Дог. I. 23, 27, 31.

напр. по важности назначаемого къ управленію ихъ лица, границы уѣздовъ городскихъ или границы волостей мѣнялись увеличеніемъ или уменьшеніемъ или даже соединеніемъ двухъ или болѣе. При этомъ необходимо замѣтить, что по неуставившейся опредѣленности технического языка иногда однимъ названіемъ выражались различныя понятія. Такъ названіе волость, кромѣ опредѣленія извѣстнаго правительственнаго округа, означало также и право, власть на какую либо извѣстную часть дохода; „а изъ городскихъ волостей даю княгини своей *осмичее*, а ташгою и иными волостями по-дѣляются. ¹⁾

Кромѣ городовъ и волостей встрѣчается еще названіе „станъ“. Но было ли это названіе опредѣленіемъ особаго правительственнаго округа рѣшить почти невозможно. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ можно заключить совершенную одинаковость значенія волости и стана, изъ другихъ же, наоборотъ, видно различіе, но въ чемъ оно состояло, уловить весьма трудно. ²⁾ Проф. Соловьевъ признаетъ станъ за подраздѣленіе волости. ³⁾

Наконецъ извѣстно еще одно подраздѣленіе на *погосты*, но это подраздѣленіе не имѣло правительственнаго характера. Погостомъ считалась та сельская церковь, къ которой приписаны были окружныя села для исполненія церковныхъ требъ. Такъ какъ при церквяхъ происходило большее или меньшее стеченіе народа, то нельзя отвергать участія его особенно въ вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общества, но въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ на это нѣтъ никакого указанія.

Изъ мѣстныхъ общихъ органовъ управленія въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ упоминаются: намѣстники, волостели, тгуны, поселскіе и сотскіе. Городами съ ихъ уѣздами завѣ-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. I. 21 и 23.

²⁾ Ср. уст. и таможен. грам. бѣлозерцамъ А. А. Э. т. I. 123. С. Г. Г. и Д. I. 144. Не соответствуютъ ли названія волости и стана различнымъ правамъ поселенцевъ изъ свободнаго и несвободнаго классовъ? Признавъ это различіе, не трудно уже объяснить употребленіе въ бѣлозерскихъ грамотахъ этихъ названій то раздѣльно, то вмѣстѣ.

³⁾ И. Р. т. III. с. 38 2-е изд.

двали намѣстники, а волостями съ уѣздами—волостели. Съ XIV столѣтія первые, замѣнивъ прежнихъ посадниковъ, представляли собою власть князя въ качествѣ правителя, судьи и воинскаго начальника: 1) „а правъ ли будетъ или виновать *городской человекъ*... и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ. 2) Приговоръ намѣстника былъ совершенно единоличный. Если городъ по обширности своей, завѣдывался двумя или болѣе намѣстниками, то въ этомъ случаѣ не было общаго завѣдыванія, но городъ раздѣлялся на части по числу намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно и подчиненныхъ только волѣ князя. Это заключеніе можно вывести изъ того, что при общемъ завѣдываніи необходимо было бы опредѣленіе коллегіальныхъ отношеній, а въ нашихъ грамотахъ этого не только не встрѣчается, но напротивъ, говорится о блюденіи города «съ единого». Намѣстники и волостели назначались по избранію князя изъ первостепенныхъ служилыхъ людей, бояръ, а иногда и изъ боярскихъ дѣтей; срокъ службы точно также зависѣлъ отъ воли князя. 3)

Какимъ былъ для города намѣстникъ, точно въ такомъ же отношеніи находился волостель въ своей волости, съ тѣмъ только исключеніемъ, что послѣдній никогда не предводительствовалъ войскомъ, а потому и пользовался меньшимъ значеніемъ, какъ будто второстепеннымъ. Можно даже предполагать, что иногда судебная власть волостеля ограничивалась изыатіемъ въ вѣдомство намѣстника важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ.

За службу свою намѣстники и волостели особаго жалованья отъ князя не получали, но пользовались опредѣленнымъ обязательнымъ приношеніемъ отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ или же частью доходовъ, слѣдующихъ князю—что называлось *кормленіемъ*. Хотя въ современныхъ уставныхъ грамотахъ о кормленіи и не упоминается, но сомнѣваться въ этой системѣ

1) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 36, 37. А. И. т. I. № 83, 87, 88, и мн. др.

2) А. А. Э. т. I. 136 п 139.

3) А. И. т. II. 10. А. Ю. 161.

вознаграждения невозможно, такъ какъ объ ней говорится еще въ Русской Правдѣ и затѣмъ въ позднѣйшихъ источникахъ. 1)

Наконецъ въ духовныхъ грамотахъ князей на ряду съ намѣстниками и волостелями иногда встрѣчаются *посельскіе*. За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить права и обязанности этой должности „мои намѣстники и волостели, и посельскіе, в ихъ тиуны. 2) Сопоставленіе этихъ должностей, имѣющихъ своихъ тиуновъ, очевидно указываетъ на ихъ однородность. Вѣроятно, посельскіе были тѣ же волостели, или управители, но только назначаемые въ такое княжеское поселеніе, которое по какому либо обстоятельству требовало особаго волостеля, постоянно въ немъ пребывающаго. 3)

Какъ князь въ качествѣ мѣстнаго органа управления, намѣстники и волостели имѣли помощниковъ, извѣстныхъ подъ особымъ названіемъ *тиуновъ*. Эти чиновники, составляя нисшій классъ служилыхъ людей, опредѣлялись самими тѣми лицами, при которыхъ состояли и выбирались иногда даже изъ рабовъ. Специальное назначеніе тиуновъ, кажется, составляло отправленіе правосудія, такъ по крайней мѣрѣ видно изъ опредѣленій Правды XIII столѣтія. Только впоследствии, съ развитіемъ гражданственности, когда судъ получилъ большее значеніе и сталъ передаваться если не намѣстникамъ, то особымъ введеннымъ бояриномъ, тиуны лишились судебной власти, превратились въ простыхъ приставовъ-исполнителей распоряженій судьи, или въ домашнихъ служителей, въ родѣ влюшниковъ. Въ разсматриваемую же эпоху тиуны отправляли правосудіе вмѣсто намѣстниковъ и волостелей въ качествѣ власти единоличной. 4) Число ихъ при намѣстникѣ и волостелѣ зависѣло отъ количества возникшихъ дѣлъ, свойства ихъ и отъ пространства мѣстности: такъ были особый тиунъ *ошншый* и *конюшій*, за убійство котораго платилось 80 гривенъ и *сельскій* тиунъ, за убіеніе котораго платилось только 12 гривенъ. 5) Срокъ службы тиуна

1) С. Г. Г. и Д. т. I. № 33. А. А. Э. т. I. 143, 143, 144, 150.

2) Договор. грам. 1428 г.

3) А. А. Э. 1. 43 и 83.

4) А. Ю. № 18 и 19.

5) Изв. о Рус. Прав. Казакова, стр. 110.

управления вотчиной, въ которомъ все разбиралось (лишены
широкости и общаго начала. Князья руководствуются
только своимъ соображеніемъ, избираютъ правительственные
органы по личному усмотрѣнію (въ лицѣ даше-дешоводнаго
востана, избираютъ предвѣи вѣдомства отнихъ органовъ, то
добрадая, что рисинра, смѣбра но условия дашаго мо-
жева, не отъбавясь никакими не только обязательными, но
даже общепринятыми правами и наказы передаютъ даде
правна значеніе правительственныхъ органовъ учреждениямъ
и частнымъ лицамъ.

ГЛАВА XII.

Контингентъ княжества.

При совершенномъ отсутствіи государственнаго начала
вообще неминуемо существованіе различныхъ состояній, имѣю-
щихъ извѣстныя права и составляющихъ собой опредѣленный
элементъ государственнаго строя. Нечего уже о древнихъ
русскихъ княжествахъ, о такихъ состояніяхъ не могло быть и въ
первобытномъ мѣстномъ княжествѣ. Существовало един-
ственное физическое раздѣленіе населения княжества, основанное
на различіяхъ правъ человека, раздѣленіе на состояніе
свободное и несвободное и эти два существовали различныя
группы но различнымъ видамъ дѣятельности, различающахъ
извѣстныя законодѣльныя опредѣленія въ видѣ общаго
возможности *Миръ*.

Несвободное состояніе, работа существовало у всѣхъ на-
родовъ въ первые періоды ихъ жизни, имѣть безъ сомнѣнія
оно существовало и у славянъ. Но у последнихъ приобщенъ
увеличѣнъ развитія народнаго жизни, это состояніе приняло
особенно значительные размѣры. Для полнаго выясненія этого
печальнаго, но естественнаго явленія необходимо проработать
историческую жизнь въ возникновеніи его во рассматриваемой
эпохи и опредѣлить причины, способствовавшія его развитію.

свѣдѣній, когда князья стали осѣдлыми, когда въ ихъ прямомъ интересѣ было заботиться объ цѣлости и увеличеніи населенія своего княжества.

Плѣвъ составлялъ главный источникъ рабства, но далеко не единственный. Въ Русской Правдѣ уже встрѣчаются законодательныя опредѣленія различныхъ видовъ рабства: холопство полное, „обильное“ и неполное „закупъ“ и исключаются тѣ случаи, отъ которыхъ возникало холопство. Къ поводамъ полного холопства принадлежали: 1) продажа свободнымъ самаго себя въ рабство и купля холопа отъ хозяина. Законъ требовалъ, чтобы въ первомъ случаѣ продажа производилась при свидѣтеляхъ, а во второмъ въ присутствіи самаго холопа, такъ какъ показанія ихъ могли быть доказательствами совершенной сделки. Впоследствии, въ рассматриваемую эпоху по такимъ продажамъ составлялись полныя и докладныя грамоты; 2) женитьба на рабѣ безъ рада, т. е. безъ выговоренія условія о своей свободѣ. Это правило относилось собственно къ мужу, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно распространялось и на жену, тѣмъ болѣе, что для женщины вопросъ о самостоятельности не имѣлъ большой важности; 3) поступленіе на службу въ должностъ тиуна или ключника безъ рада. Мотивы этого опредѣленія очевидны: должностъ ключника или тиуна требовала особенной преданности и вѣрности интересамъ хозяина, а такой преданности можно было болѣе всего ожидать отъ человека вполне зависѣвшаго отъ воли хозяина; 4) неплатежъ долга. Впрочемъ по этому поводу Правда устанавливаетъ различіе по причинамъ неплатежа: отъ несчастныхъ ли обстоятельствъ, независимыхъ отъ должника, происшедшій неплатежъ, или по собственной его винѣ, — въ первомъ случаѣ должникъ не наследовалъ, не подвергался продажѣ, но ждалъ болѣе благоприятнаго времени, во второмъ же случаѣ предоставлялось замедляемъ право или отсрочить уплату, или продавать должника; 5) побѣгъ людей, находившихся въ личной зависимости (закупъ, наймитъ) за долгъ или прожитки отъ своего хозяина обращалъ въ рабство „аже холопъ бижить отъ господы, то обиль,“ исключая того случая, когда закупъ уходилъ явно исрать денегъ для уплаты, или за князя, или къ

судъ съ жалобой на обиду; 6) уплата хозяиномъ закупа за уворованное послѣднимъ, точно также приводило объѣзство и наконецъ; 7) наследственность рабства¹⁾.

Все эти случаи установленія холопства, исчисленные въ Русской Правдѣ не могли не довести контингентъ его до ужасающихъ размѣровъ, въ особенности при полной необеспеченности жизни свободнаго русскаго человѣка того времени, при непрерывныхъ княжескихъ усобицахъ, и при необузданномъ стремленіи личности къ господству, къ подчиненію себѣ другихъ менѣе сильныхъ. А такъ какъ сильными людьми являлись князья и приближенные къ нимъ дружинники и бояре, то естественно было бы ожидать особеннаго развитія аристократическаго элемента. Но этого не было, и не было вслѣдствіе тѣхъ условій, въ какія поставили себя князья и дружинники. Тѣ и другіе не были совершенно осѣдлыми, не проникались мѣстными интересами, бросали свои мѣста въ княжествѣ, или уступали ихъ какъ только представлялся выгодный случай. Такимъ явленіемъ характеризуется весь нашъ историческій ходъ до XIV столѣтія. Полная неопредѣленность отношеній: демократія не могла развиваться вслѣдствіе ослабленія народнаго элемента чрезмѣрнымъ развитіемъ несвободнаго класса, а аристократія вслѣдствіе своего чуждаго положенія.

Наконецъ, къ особому развитію рабства въ значительной степени служили татарскіе набѣги. Каждый набѣгъ уводилъ полонъ и, конечно, полонъ такихъ лицъ, за которыхъ можно было ожидать хорошаго выкупа, каждый набѣгъ грабилъ, лишалъ оставшихся на мѣстѣ жителей ихъ прѣбытковъ и достояній, а тѣмъ самымъ заставлялъ входить въ займы, приводившіе неминуемо къ закрѣпленію въ холопство. Уводя полонъ и разбѣгая тѣмъ свободное населеніе, сами татары оказывали русской княжеской власти двойную услугу: освобождали отъ противодѣйствія и давали возможность князьямъ выкупомъ полонякъ и доведеніемъ его на своихъ земляхъ увеличивать матеріальныя средства. Этими услугами и воспользовались московскіе князья, плотно закрѣпившіе на одномъ мѣстѣ и зорко

¹⁾ Исслѣдованія о Рус. Правдѣ Калачова, ст. 82, 85, 87.

сдѣйствіе за всевозможными приносами. Выкупленные изъ плена и засланные на княжескихъ земляхъ люди носили особое названіе орднскихъ, о которыхъ, равно какъ и о другихъ купленныхъ людяхъ, встрѣчаются въ договорахъ князей особые условія.

Ограниченіе случаевъ установленія рабства вовсе не входило въ расчеты начинавшей организовываться самостоятельной княжеской власти, а потому и не могло вызывать никакихъ ограничивающихъ обязательныхъ мѣръ. Только духовная власть во имя спасительнаго христіанскаго ученія печаловалась о тяжелой холопской долѣ и старалась при всѣхъ благоприятныхъ моментахъ объ освобожденіи рабовъ на свободу. Но христіанское вліяніе проникало въ народную массу постепенно и духовенство ограничивалось только частными случаями, стараясь избѣгать выказывать какое-либо противодѣйствіе свѣтской власти. Къ этимъ-то частнымъ случаямъ относятся отпущенія на волю въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей и знатныхъ лицъ. Духовенство пользовалось податливымъ моментомъ послѣдняго страшнаго расчета человѣка съ жизнью, но не дѣлало, да и не могло дѣлать, никакой попытки къ сокращенію поводовъ рабства. Да и это частное вліяніе духовенства обнаружилось позднѣе, въ разсматриваемую же эпоху его въ нашихъ историческихъ памятникахъ почти не видно: даже въ духовной грамотѣ такого религіознаго человѣка, каковъ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, вовсе не встрѣчается распоряженія объ отпускѣ на свободу.

Что же касается до вопроса о положеніи раба, объ юридическомъ отношеніи его къ обществу, то этотъ вопросъ по-ложительно разрѣшается опредѣленіями Русской Правды и нѣкоторыми дошедшими до насъ грамотами.

Рабское состояніе было состояніе безправное; рабъ холостъ, какъ вещь, могъ приобретаться и отчуждаться всми возможными способами наравнѣ со всякимъ имуществомъ. Онъ могъ быть уничтоженъ, убитъ безъ пресѣдованія уголовнымъ судомъ... „а въ холопѣ и въ рабѣ нѣтуть вири, но же буде

безъ вины убитъ, то за холода, уроки, плетивъ, или за рабу¹⁾ собственнику цѣну раба. Сами же мы знаемъ, что надъ франкскими какому-узысканію, какъ отъ нотаріуса, такъ и отъ священника, шимъ свидѣльствомъ (въ концѣ XIV вѣка), «Визинской грамотою Василия Дмитриевича, а отъ осведаря опришитъ сударить холода или рабу, а слушати смерти, то въ тему, на ивстники не судятъ, ни вины не оиютъ²⁾». Раба, адгышцы, могъ бытъ похищенъ и украденъ, «аже, еже понасти челединъ свой украденъ, а поимомъ и съ оному, постоиши кривомъ до третьяго свода³⁾; а самъ морская выискаша, выискаше на похитителя... а оме уведеть, вола, хомла, либограбу, или отити ему за обиду 12 гривенъ⁴⁾». Раба не могъ приобрести имущество въ личную собственность. Желтибы, этого, нѣтъ въ Русской Правдѣ, точного опредѣленія, но оно, повсемѣрно, вытекаетъ изъ всѣхъ другихъ ея постановленій, какъ напр.: «аже холоду бытъ, добудеть товару, то то господну же и новель и долги господну же и товаръ», или «аже отъ челяди, и нѣтъ или отъ скота, то все поимати, задржикъ». Въ Правдѣ вообще не указывается съ опредѣленіемъ, какому случаю, надирею или опредѣленію, фальшивому, стору, или нади, добудемъ, обитиве и споря; въ вопросе, же, известномъ и въ иже, однако, ково, понимаемомъ, не опредѣлено, и на иже, одобрено, въ соі, бовъ, опредѣленіи.

Какъ существо, безъ вины, раба, не могъ, по свидѣльству, вать въ какомъ-либо дѣлѣ, да, по слушанію, и по кончанію, не, вселяемъ, не, оме, не, будеть, съ, обиднаго, то, по слушанію, и, слобити, не, бо, иже, каго, твру, и, двораго, а, и, иже, не, въ, кладни, и⁵⁾. Но, иже, не, слышати, и, нѣтъ, по, обиде, и, иже, бовъ, не, могъ, свидѣльствовать, противъ, своего, господина, «таже, все, судитъ, съ, послуши, обиде, иже, будеть, въ, суднъ, хомла, то, хомла, и, правду, не, стати, и, оже, хомла, и, поимъ⁶⁾».

¹⁾ Рус. Правда Калачова, стр. 122.

²⁾ А. А. Э., т. I, № 13.

³⁾ Рус. Пр. Калач., стр. 130.

⁴⁾ Ibid. стр. 119.

⁵⁾ Рус. Правда Калачова, стр. 124.

⁶⁾ Ibid., стр. 125.

т. е. за исключеніем того случая, когда самъ холодъ вынуждалъ свидѣтельство холопа. Свидѣтельство на господина не принималось рѣшительно, холопа и рабѣ на господина вѣры неати²⁾: Рабѣ безъ своего господина не могъ быть судимъ, „а старестѣ на холопа, ни рабѣ безъ господаря... судьямъ не судити“³⁾, да и вообще какъ вещь, онъ не подвергался личной судебной ответственности и за его дѣйствія отвѣчать господинъ, отъ котораго зависѣло или платитъ за него, или выдать виновнаго. Только за одно дѣйствіе холодъ могъ подвергнуться личной ответственности, а именно: за обиду нанесенную имъ свободному человеку „аже холодъ ударитъ свободного мужа, а убьютъ въ хоромѣ, а господина его не выдать, те заплатитъ завы господину 12 гривенъ, а затѣмъ аче къъ налѣветъ“ его удареній своего ищча, кто же его ударитъ велики князь Ярославъ (Володимировъ) уставилъ, убити въ смяове уставини на куны, либо бѣги развязавше, или вьяти угамо за хоромъ“⁴⁾.

Даже эти краткія указанія на юридическую обстановку несвободнаго состоянія достаточно для доказательства, какъ тѣмъ была доля холоповъ и тѣмъ болѣе тяжела, что она была безынородна, безъродна, безъ вѣды самого хозяина. Только рабыня-иноземка господина послѣ его смерти дѣлалась свободной, вмѣстѣ съ своими дѣтьми; да еще дѣлалась свободными наймити, купленные какъ холодъ⁴⁾. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ холопа собственно и не возникало, такъ какъ въ самой продажѣ заключался обменъ.

Названіе холопа относилось во всякому случаю несвободнаго состоянія, была ли онъ земледѣлецъ, „рогѣйный холодъ“, или дворской, но преимущественно этимъ названіемъ обозначались люди, находившіеся при господнѣ въ личной службѣ, хотя домашняя прислуга господина носила особае названіе челяди, челядинцевъ.

Такое печальное положеніе значительнаго по числу народ-

¹⁾ Договоры. грам. 1270 и 1307 г.

²⁾ Договоры. грам. 1305 г.

³⁾ Рус. Правда Калач., ст. 94.

⁴⁾ Исслѣд. Рус. Правды Калачова, стр. 87.

нито класса не могло не отразиться въ общемъ строе и въ этомъ положеніи лежала одна изъ главныхъ причинъ возникновенія и упроченія вотчинной власти и тѣхъ отношеній, которыя установились между высшимъ и нижнимъ общественными ступенями.

Полусвободное состояніе. Между холопомъ и свободнымъ лицомъ существовалъ особый классъ полусвободныхъ (закупы, наймиты), приваившихъ на себя извѣстныя обязательства (набалы), съ ограниченіемъ ихъ свободы, но не превратившихся въ собственность. Въ числу такихъ лицъ принадлежали закупы и наймиты. Невозможно съ точностью сказать, существовало ли различіе между этими лицами относительно ихъ правъ и вообще юридической обстановки, но кажется, что различіе касалось только способа установленія зависимости, а не сущности самихъ отношеній. Закупомъ называлось лицо, приваившее на себя добровольно зависимость и передавшее въ распоряженіе другого свою дѣятельность, но не себя самого, въ удовлетвореніе са. полученное отъ хозяина условленіе, въ чемъ бы это послѣднее ни состояло, въ денежномъ ли пособіи, въ судѣ ли хлѣбной и т. п. Наймитомъ же было лицо, обвѣщавшееся представлять свою извѣстную, опредѣленную дѣятельность за извѣстное, условленное вознагражденіе. Не это различіе, такъ отчетливо помняемое въ настоящее время, въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ XIII и XIV вѣковъ, при полномъ отсутствіи опредѣленности даже въ самихъ судебныхныхъ юридическихъ отношеніяхъ, составлялось смутно. Права и обязанности закуповъ и наймитовъ смѣшивались и подлежали однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ, — что можно вывести изъ отсутствія отдѣльныхъ опредѣленій въ Русской Правдѣ и изъ сопоставленія рядомъ этихъ названій: „прядеть ли закупъ господина за оубль то наймиту свобода“¹⁾.

Въ сравненіи съ холопами положеніе закуповъ и наймитовъ было несравнено лучше: не только жизнь, свобода, но даже личность обезпечивались. Въ приведенномъ мѣстѣ Русской Правды говорится, что за продажу его хозяиномъ за холопа,

¹⁾ Иссл. о Рус. Пр. Калач. ст. 89.

онъ не только получалъ освобожденіе отъ своего обязательства т. е. прощенье сдѣланнаго имъ долга, но даже: взысканіе хозяинъ платилъ ему за свободу и зрѣлъ того же штрафа. Затѣмъ далѣе опредѣлялось вознагражденіе за побѣду, сдѣланную за купу хозяиномъ безъ вины, наравнѣ какъ за побѣду свободному человеку, а также господантъ быть закупу продѣлаю: то безъ вины есть, бьетъ ли: но смысла паяль: безъ вины: то яко въ свободномъ платомъ такомъ и въ закупу: Даже правомъ судебной защиты пользовался закупъ, такъ онъ могъ жаловаться на несправедливость господина князя или суданья и получить судъ (правду). Изъ этого же источника Русской Правды видно, что закупъ могъ отлучаться отъ своей обязанности, но только требуется, чтобы отлучка была: не тайная и по основательной причинѣ, какъ напр. за долги или за жалобы¹⁾. Въ отношеніи нарушеніи: закупъ пользовался правомъ имѣть свои обязанности, могъ расписать время для своей работы и даже законодательство заботясь оградить его при исполненіи принятаго обязательства отъ разгнѣванья на него и зысканій: кознями: такъ закупъ обязывался удовлетворять хозяина за перну борони и плату: тошма: въ томъ случаѣ: если они пертысь на него: работѣ, то: онъ долженъ: какъ будто не его: исполнить: то: такъ: также: не: обязанъ: былъ: удовлетворить: хозяина: за: смотину: выведенную: не: забор: (огорожи: или: хлѣва) безъ: смотини, а: не: если: не: паяль: прощомъ: вслѣдствіе: его: исполности: или: смотини: заку: блясь: за: его: работѣ, то: обязанъ: былъ: вознаграждать²⁾. Закупъ: могъ: свидѣтельствовать: въ: судѣ: и: показаніе: его: за: купу: свободнаго: человека, принималось: за: доказательство: въ: судѣ: лишь: въ: противу: не: болѣе: важности: да: въ: началѣ: тяжбы: не: нуши: можни, на: закупу³⁾. Слѣдовательно: прибѣгали: къ: свидѣ: тельству: закупъ: только: въ: нуждѣ: въ: недостаткѣ: другихъ: доказательствъ: и: когда: не: было: возможно: изъ: совершенно: свободныхъ: людей:

¹⁾ ibid. стр. 87.

²⁾ ibid. стр. 88.

³⁾ ibid. стр. 124.

Закятность закона превращалась у нас в долг и возмездие или исполненіе принятаго закономъ обязательства. Хотя объ этомъ и идетъ рѣшающее опредѣленіе въ тогдашнемъ современномъ законѣ, но можно вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ выданныхъ указаний той же Русской Правды, а еще болѣе съ естественнаго послѣдствія по исполненію договора. Но, въ обратномъ случаѣ это зависящее состояніе зѣлума превращалось въ полное и долговое. Упущена дана, вообще желателая вещь, становилась почти невозможнымъ дѣломъ, при великомъ допущеніи невозможныхъ стѣсненій со стороны должника. Законъ не опредѣлялъ ни условий относительно срока обязательства, ни цѣнности труда зѣлума и стѣснѣ, естественно, давали полную свободу частному прозакоу. Величественнѣе работозѣлать простой, стѣрый народъ обдѣлать все болыше и болыше. И наконецъ все, что оставалось у него (въ поминаніи стѣ) малолетскимъ зѣубицѣ, все грабилось и похищалось татарскими ордами.

Свободное состояніе. Въ древнемъ періодѣ нашей исторіи до Московскаго государства, какъ было уже сказано, не только существовать правильно образованнымъ состояніемъ, какъ элементомъ государственнаго устройства, съ опредѣленными правами и обязанностями. Только одно государство въ своей странной жизни совпадаетъ юридически съ нѣмъ ирадіаленной формѣ, живущимъ общей и центральной властью, дѣйствующимъ какъ органы одного неразрывнаго цѣла (въ районѣ, опредѣленномъ волею того же организма. Такого организма не было у насъ до XVII вѣка. Наши эмменты до XIV вѣка не были одухотворенны единствомъ, тѣмъ (ихъ цѣли двѣ стѣки, въ опредѣленныхъ и чѣрвдо ирадіаленныхъ изминимыхъ соотношеніяхъ: вѣче и князь. Но и эти стѣки съ другой стороны, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не были сами собой однородными. Вѣче естественнаго народа не вѣлцѣ, цѣлканого учрежденія, а князь арестное цѣобораніе и физическая тѣлцѣ, вѣчеловѣннѣе между собой одной общей дѣлцѣ и вѣдѣ. Конечно также и князь вѣлцѣ не представляла собой стѣми вѣлцѣ и вѣбросовъ и вѣлцѣ, но была фокусомъ вѣлцѣ вѣе цѣлранленія, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ оказывалась чуж-

домъ, связанною съ народомъ только матеріальнымъ интересомъ. Изъ такого соотношенія основаніи элементовъ конечно немогла развиться государственная организація, вытекающая только изъ единства духа. Государство является всегда объединеніемъ во имя одного общаго начала. У насъ до XVI вѣка ходъ событій и складъ внутренней жизни подготовилъ только развитіе княжеской власти, принявшей видъ частнаго владѣнія, вотчиннаго характера, власти собственника. Какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ вотчинное владѣніе развилось въ государственное — задача послѣдующаго развитія.

Къ положенію Московскаго княжества въ первой половинѣ XVI вѣка никакимъ образомъ не привѣиваются наши понятія о правахъ состояній, выработанныхъ государственной жизнью, но тѣмъ не менѣе въ контингентѣ того времени существовали различныя группы населеній: смердовъ, огнищанъ, ремесленниковъ, жилищъ людей, служилыхъ и т. п. отличающихся другъ отъ друга различными видами своей дѣятельности и потому имѣющими нѣкоторую особую юридическую обстановку. Конечно эта обстановка по своеобразному характеру того времени преимущественно заключала въ себѣ финансовую сторону: взиманіе шуръ и различныхъ податей и повинностей. За исключеніемъ же этой финансовой особенности всѣ свободные классы имѣли существенныя черты общими. Всѣ виды дѣятельности могли производиться каждымъ желающимъ обратиться въ тому или другому роду. При полномъ отсутствіи замѣнутости каждый земледѣлецъ „смеркъ“ могъ безиректственно сдѣлаться очиничанномъ, купцомъ, житнымъ челоуѣкомъ или служилымъ. Равнымъ образомъ не было территоріальной замѣнутости. Всѣ пользовались правомъ (за исключеніемъ, разумѣется, холоповъ) свободного перелоа, свободнаго выбора мѣста жительства. Эта свобода соответствовала только мѣстнымъ условіямъ; города не были пунктами обязательнаго пребыванія особаго городского состоянія (имѣвшихъ городскихъ обывателей), въ нихъ проживали и земледѣльцы, точно также въ сельскихъ поселеніяхъ проживали лица, занимающіяся промыслами. Самые села и города не различались между собою юридическими чертами;

тѣ и другіе отличались только количествомъ населенія и дѣлаю назначенія (городъ какъ пунктъ оборонительный).

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ группъ населенія, упоминаемыхъ въ нашихъ источникахъ, необходимо предварительно сказать, что въ большинствѣ случаевъ упоминающіяся въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ названія до сихъ поръ какими учеными съ точностью необъяснены и въ мнѣніи по этому предмету болѣе или менѣе гадательны. Со временемъ, съ умноженіемъ изданій нашихъ древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ, вѣроятно, будутъ объяснены весьма многія; теперь еще темнѣе представленія о нашемъ древнемъ бытѣ.

Самое низшее и вмѣстѣ съ тѣмъ верное населеніе составляли смерды. Названіе смердъ находится въ памятникахъ до XIV столѣтія и обозначаетъ: 1) земледѣльцевъ „не годно веснѣ ити, говорятъ дружина Овятислава, кои и морятъ, хочемъ погубить смерды и рома нѣмъ отати“¹⁾, 2) людей по преимуществу податныхъ: „Новгородца... вьзаты всю дань, а на суждальскихъ смердѣхъ другую“ или „не губите своихъ смердъ и своя дани“ и наконецъ 3) людей вообще стоящихъ на низшей ступени общественной іерархіи „нача Ярославъ вон дѣлити старостаѣ своимъ по 10 гривнѣ, а смердамъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривнѣ и отпусти а всѣ домовъ“²⁾. Въ Русской Правдѣ находится не много оградѣній, относящихся къ смердамъ, а именно: о принадлежностяхъ клятвѣ наслѣдства послѣ смерти умершаго бездѣтныи, или оставшаго только замужнихъ дочерей³⁾ и о послѣдствіяхъ личнымъ обидѣ (мукѣ), нанесенныхъ смердомъ смерду же или огнианину,⁴⁾ Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ упомянутой должно, кажется, видѣть въ смердахъ лично свободныхъ простолюдиновъ, свободныхъ работниковъ по производству ли сельскихъ полевныхъ работъ или по производству въ различныхъ мастерствахъ. Самый унизительный отбѣсокъ въ названіи

¹⁾ П. С. Р. Л. П.

²⁾ Никол. с. 179.

³⁾ Изсл. о Рус. Пр. Калач. с. 101.

⁴⁾ Ibid. с. 116.

шерда не признавать на него, как на поземельного собственника, такъ и на все времена и у всѣхъ народовъ обладателемъ поземельной собственности и придавало лицу и некоторую самостоятельность и независимость.

Вопросъ о томъ, какъ шерда действительно приводить къ другому вопросу: кто же были землевладельцами въ древней Руси? Этотъ весьма важный вопросъ, до сихъ поръ изслѣдователями разрѣшается различно. Одни, признавая завоевательныя отношенія пришельцевъ зарождалъ князей, видятъ въ послѣднихъ обладателей земель: земель завоеванныхъ областей или княжествъ, а по нимъ уже и тѣхъ дружинниковъ и служителей князя, къ которымъ дѣлились земли на помѣшанно; другіе же изслѣдователи на оборотъ, признавая въ пришельцахъ князьяхъ только правителей и судей, оставляютъ земельное владѣніе въ рукахъ тѣхъ родовъ туземнаго племени, у котораго оно находилось до появления князей. — Разсмотрѣвъ доводы обѣихъ сторонъ и внимательно прослѣдивъ дѣтально указанія, кажется, можно достигнуть истины сопоставленіемъ обѣихъ противоположныхъ мнѣній: земля, заселенная въ действительномъ владѣніи туземцевъ, оставалась собственностью ихъ de jure, и de facto и послѣ установленія княжескихъ столовъ, а затѣмъ прочія земли княжества, несостоящія въ чемъ либо фактическомъ владѣніи, должны были считаться собственностью князя, или того лица, которому были пожалованы княземъ. При такомъ объясненіи установится вполнѣмъ выраженіе дѣтониса „иде Володемеръ на ятвиги и побѣди ятвиги и взавъ землю ихъ“, ¹⁾ становится понятно право князя на пожалованіе своимъ дружинникамъ земель и вѣность съ хѣмъ изданогится объясненной та ясность, о съ какой князь получалъ свои волости, чего не могло бытъ, если бы князь свѣдѣвался съ волостью обширными поземельными наслѣдственными владѣніями.

Въ древней Руси, съ особенності при обширности пусто-рожныхъ пространствъ, не могло быть столкновеній по поземельному владѣнію и каждый свободный имѣлъ право приобрѣтать землю, обрабатывать и населять ее, соображаясь только

¹⁾ П. С. Р. I. I. с. 35.

съ своими средствами. Такимъ образомъ, рядомъ съ мелкими собственниками — наслѣдниками прежнихъ родовъ, возникали новыя поселенія княжескія и боярскія изъ холоповъ, закуповъ и смердовъ, обязанныхъ обрабатывать землю въ пользу землевладѣльцевъ. Съ теченіемъ времени подъ совокупнымъ вліяніемъ съ одной стороны сильнаго расширенія несвободныхъ классовъ и развитія личнаго стремленія къ господству, необуздываемаго государственномъ порядкомъ, а съ другой стороны непрерывныхъ междоусобицъ и разорительнаго татарскаго погрома, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ количество прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ постепенно исчезало и уступало мѣсто крупному землевладѣнію, оставляя по себѣ память только вѣшнимъ видомъ поселеній, состоящихъ изъ небольшихъ особыхъ деревень въ нѣскольکو дворовъ. Таковъ долженъ былъ быть и такимъ дѣйствительно былъ естественный ходъ нашего землевладѣнія, хотя на это нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Явленія вседневной жизни, по естественности своей, слишкомъ незамѣтны и въ глазахъ современниковъ не заслуживали вниманія, а тѣмъ болѣе записки въ лѣтописи, предназначенной къ увѣковѣченію описавій необыкновенныхъ явленій въ природѣ или крупныхъ событій. Явленія повседневной жизни получаютъ значеніе только по общей группировкѣ своей и по истеченіи уже значительнаго времени.

Съ XIV вѣка въ нашихъ историческихъ памятникахъ названіе смерда исчезаетъ и вмѣсто его являются черные люди, численныя и ордннскіе. Что черные люди и численныя не значили одно и тоже, это видно изъ смысла договорныхъ грамотъ... „а черные люди въ сотникомъ... такожь и численныхъ людей ¹⁾“. Кто же именно были черные и численныя люди? По смыслу указаній договорныхъ и судныхъ грамотъ можно заключить, что подъ черными людьми подразумѣвались вообще лица податныя, татмнн, будутъ ли они земледѣльцы, или ремесленники, жили ли они на своихъ земляхъ, или владѣльческихъ: „пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ,

¹⁾ Догов. грам. 1433 и 1448. С. Г. Г. и Д. I. 27 и 33.

такъ же сотскаго и *встѣхъ своихъ черныхъ людей* ¹⁾ *Двинскіе земли* или напริมѣръ „а которые слуги къ дворскому, а *черные люди* къ становщику тѣхъ въ службу не принимати“. ²⁾ Численные же люди, вѣроятно, были люди, вошедше въ татарскую перепись, сборъ съ которыхъ специально предназначался на уплату ордынской дани, въ выходъ ордынскій. Такъ какъ каждый изъ князей обязанъ былъ вносить опредѣленный взносъ Великому князю, для доставленія въ Орду, то естественно, что эта часть долга лежала на опредѣленномъ количествѣ податныхъ численныхъ. Что подать татарская и подати мѣстныя княжескія отличались другъ отъ друга, это ясно видно изъ договорныхъ грамотъ... „а *домъ бесерменскій* и проторъ и *русскій домъ*, а то мы подняти по таможе расчету... а численныхъ людей блюсти ны съ единого, а земель ихъ не купити“, ³⁾ или напр. ⁴⁾ „а численныхъ людей моихъ двою жеребевъ моимъ сыномъ по частямъ“. Изъ смысла приведенныхъ договоровъ видно, что въ концѣ этой эпохи у князей начала возникать мысль обезпечить свой доходъ косвеннымъ ограниченіемъ для крестьянъ права перехода съ земель одного князя на земли другаго. Но на эту мѣру нельзя смотрѣть какъ на мѣру государственную (что не могло быть по отсутствію государственныхъ элементовъ) и какъ на имѣющую серьезное значеніе во 1-хъ потому, что это условіе встрѣчается далеко не во всѣхъ княжескихъ договорахъ того времени, а во 2-хъ по полной свободѣ вообще перехода. Каждый свободный человекъ могъ совершенно безпрепятственно перемѣнять свое постоянное мѣстожителство, переходить не только въ предѣлахъ своего княжества, но даже и совсѣмъ переселиться въ другое. Только изъ черныхъ людей не принимались переселенцы отъ тѣхъ князей, которые заключали между собой особый договоръ, но и они могли переходить въ своемъ княжествѣ съ земель однаго владѣльца на земли другаго. До насъ дошли нѣсколько жалобъ владѣльцевъ земель на переизвъ крестьянъ

¹⁾ Догов. грам. 1388 г.

²⁾ Суд. грам. Карам. V примѣч. 244.

³⁾ Догов. грам. 1380—1389.

⁴⁾ Духов. грам. 1389.

другими владѣльцами обѣщаніями болѣе выгодныхъ условій и льготъ.

Были ли черные люди, или численные собственниками земель? По всей вѣроятности, могли быть и дѣйствительно были ими, хотя въ большинствѣ по скудности средствъ принуждены были ограничиваться арендованіемъ. Даже въ позднѣйшее время договоромъ Дмитрія Іоанновича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ устанавливалось, чтобъ люди, *купившіе черные земли* обязывались или поступать въ черные люди и *тянутъ съ ними*, или отступаться отъ покупки ¹⁾ Слѣдовательно, если совершались покупки, то значить было и право собственности, въ противномъ случаѣ не было бы мѣста куплѣ-продажѣ, такъ какъ для пользованія достаточно было простаго зачисленія. Безъ сомнѣнія въ черные люди вошли прежніе свободные землевладѣльцы изъ неслужилаго класса, сохранивъ такимъ образомъ за собою коренной составъ населенія.

Наконецъ, въ договорахъ упоминается еще особый классъ населенія, подъ названіемъ людей *ордынскихъ*. По всей вѣроятности, это были люди, выкупленные князьями изъ татарскаго полона и поселенные на собственныхъ земляхъ князя, точно такъ же какъ были поземельныя собственности у бояръ, служилыхъ людей и у монастырей. Что поселенія ордынскихъ людей были значительными, объ этомъ можно судить отчасти по значительности уводимаго татарами полона, а отчасти по постоянному стремленію князей, особенно московскихъ, увеличить свою собственность, примыслить, тѣмъ болѣе, что это стремленіе совершенно совпадало съ религіознымъ чувствомъ, желавшимъ освобожденія христіанъ изъ бесерменскаго полона. Очевиднымъ примѣромъ подобной дѣятельности, можетъ служить княженіе Іоанна Даниловича Калиты.

Ремесленный и торговый классъ: классъ торгующій и ремесленный не составлялъ въ древнія времена особой корпорации, въ видѣ современнаго городского состоянія. Быть земледѣльцемъ или торговцемъ вполне зависѣло отъ воли обывателя, не стѣсненной въ этомъ отношеніи никакими вѣщ-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. І. 33.

ними условіями. Какъ земледѣльцы, такъ и торговцы жили въ однихъ и тѣхъ же городахъ, не различаясь привилегіями и льготами, за исключеніемъ, впрочемъ, иностранныхъ купцовъ, положеніе которыхъ, какъ чужеземцевъ, вызывало особенное покровительство. Затѣмъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія различныхъ видовъ промышленности классъ торгующій все болѣе и болѣе сталъ выдѣляться изъ общей массы и сосредоточиваться преимущественно въ городахъ «и сотвори ту градець малъ (холмъ) и князь Данило нача призывать прихожанъ нѣмцы, и русь и иная язычники и лахи, и бѣжаку изъ татаръ *сѣдельници* и *лучинцы*, и *тулинцы* и *кузнецы* желѣзу мѣды и серебру и бѣ жизнь и наполниша двory окрестѣ града поле»¹⁾.

Составляя болѣе богатую и болѣе развитую часть населенія, классъ торгующій, естественно, долженъ былъ вызывать особня покровительственныя мѣры, которыя оказывались тѣмъ болѣе необходимыми, что торговля доставляла князьямъ весьма значительный доходъ. Такъ, въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются условія о неперывѣ торговцевъ, объ освобожденіи ихъ отъ службы, о безопасности торговыхъ путей и о свободномъ проѣздѣ чрезъ ихъ владѣнія: «а гостя суконниковъ и городскихъ людей блюсти ны съ одинаго, а въ службу ихъ не принимати»²⁾, или напр., «а вывода и рубежа межѣ себе не замышляти, а кто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати»³⁾. Въ одной договорной грамотѣ эта заботливость выражается еще яснѣе: «а межѣ насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа, а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежника или выводщика по исправѣ выдати»⁴⁾. Хотя эти грамоты и относятся къ нѣскольکو позднему времени, но онѣ могутъ быть приведены по недостатку грамотъ 1-ой половины XIV вѣка, по совершенной тождественности общественныхъ явленій.

Въ нашихъ памятникахъ упоминаются слѣдующія названія

¹⁾ Карамз. IV примѣч. 20.

²⁾ Догов. гр. 1338 г.

³⁾ Догов. гр. 1368.

⁴⁾ Догов. гр. 1451.

классовъ торговой дѣятельности: гостей, купцовъ, житыхъ людей, градскихъ и черныхъ людей. Гостями назывались иногородные торговцы бѣльшей руки, ведущіе оптовые обороты съ другими владѣніями. Михаилъ говорить новгородцамъ: «не хочу у васъ княжить, гостя ко мнѣ не пускайте»¹⁾. Безопасность гостей составляла предметъ особенной заботливости князей, какъ это видно изъ постановленій взаимныхъ княжескихъ договоровъ, въ виду того, что торговля, какъ было уже сказано, кромѣ развитія общаго благосостоянія, непосредственно увеличивала княжескіе доходы въ видѣ особенной пошлины. Сюда принадлежатъ, напр., извѣстный договоръ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригю въ 1229 году, исключительно относящійся до торговыхъ интересовъ: «а како будетъ нѣмецкій гость въ Смоленскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безъ всякой борони. А какъ будетъ русскій гость въ Ригѣ и на готскомъ берегѣ, вольно же ему продати безъ всякой борони». Далѣе опредѣляются условія свободнаго проѣзда: «аще который нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ вный городъ, князю не боронити Смолняномъ. Или который русинъ възхочеть съ готскаго берега въ нѣмецкую землю въ Любокъ, нѣмцемъ не боронити пути того»²⁾.

Купцами (житыми людьми) назывались вообще лица, торгующія въ предѣлахъ своего княжества и раздѣлявшіяся по роду своей дѣятельности на суконниковъ, сурожанъ и т. п. Какъ купцы, такъ и вообще ремесленники (градскіе люди) и простолюдины (черные люди) раздѣлялись на сотни. Въ договорахъ весьма часто встрѣчаются условія о невыводѣ градскихъ людей, о недержаніи закладней и о непринятіи такихъ людей на службу: «а изъ бѣжцыъ княже люди невыводити, ни закладчиковъ не примати, ни смерда не купити»³⁾, или, «а что закладчиковъ въ торжку или нидѣ, или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ поидеть въ свое сто... а смердъ въ погость... отпусти ихъ процъ»⁴⁾, или напр.,

¹⁾ Новг. лѣт. (1017—1353).

²⁾ Рус. Дост., т. 2, стр. 261.

³⁾ Догов. гр. 1263 г.

⁴⁾ Догов. гр. 1309.

«а гости и сужонники, и городскихъ людей блюсти ни съ единого, а въ службу ихъ не примати»¹⁾).

Понятна заботливость князей блюсти и оберегать торговый людъ. Съ тѣхъ поръ, какъ упрочилось стремленіе князей къ осѣдлости, къ удержанію за собою своей вотчины, явилась ненасытная жажда промысла, территориальныхъ приобрѣтеній и умноженія доходовъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ вниманія различныхъ податей, обуславливающихся съ своей стороны благосостояніемъ жителей и развитіемъ ихъ промышленно-торговой дѣятельности. Но изъ современныхъ князей болѣе всѣхъ отличались въ этомъ отношеніи князья Московскаго дома. Если Новгородъ перевѣшивалъ Москву духомъ рискованной предпримчивости жителей и выгодами естественнаго положенія воднаго пути съ заграницей, то тѣмъ не менѣе и Москва по центральному своему положенію и избытку естественныхъ произведеній имѣла съ своей стороны значительныя выгоды. Находясь на перепутьи съ юга на сѣверъ и владѣя теченіемъ Оки и частью теченія Волги, москвичи весьма вѣрно оцѣнивали свое положеніе и разчетливо пользовались каждымъ благопріятнымъ случаемъ. До какой степени развились торговныя сношенія, можно видѣть изъ описанія ярмарки холопьяго городка, оставленнаго намъ москвичемъ діакономъ Тимошеемъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, писавшимъ въ 1699 году по древнему преданію²⁾). Изъ этого описанія узнаемъ, что одного пошлиннаго серебра въ велико-княжескую казну собиралось на ярмарку до 180 пудовъ,—количество по отношенію къ XIV или XV вѣку весьма солидное.

Духовенство. Одно только духовное вѣдомство съ самаго водворенія его въ нашей древней исторіи имѣло сословную организацію, и это одиночное явленіе объясняется полнымъ заимствованіемъ. До введенія христіанства въ историческихъ источникахъ не встрѣчается никакого указанія на особенную касту жрецовъ, которой, по всей вѣроятности, и не было. Князья и родоначальники, вѣроятно, были жрецами, храните-

¹⁾ Договор. гр. 1388.

²⁾ Карамз. IV прим. 323.

лями и учителями религиозных вѣрованій. Съ принятіемъ же изъ Греціи христіанской религіи, вмѣстѣ съ ней перешла и готовая организація духовнаго состоянія греческой церкви. Вѣроятно, одновременно съ принятіемъ христіанства, у насъ образовалась митрополія въ Кіевѣ (впослѣдствіи съ 1299 г., по разгромленіи Кіева, переведенная митрополитомъ Максимомъ въ Владимірѣ на Клязьмѣ) и затѣмъ въ главныхъ пунктахъ населеній—епископства: новгородское, ростовское, владимірское, бѣлгородское и черниговское; объ этихъ епископствахъ положительно упоминается еще подъ 1105 годомъ. Затѣмъ съ развитіемъ вѣроученія стали постепенно возникать и прочія епархіи: переславская, полоцкая, шуровская, холмская, смоленская, суздальская (около 1156 г.), владимірская, основанная Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1215 г., рязанская, отдѣлившаяся отъ черниговской въ концѣ XII, или въ началѣ XIII столѣтія и т. д.

Епархіи управлялись епископами; только нѣкоторыя по особенной значительности своей и важности архіепископами, какъ ковы, напр., епархіи новгородская (съ 1166 г.) и ростовская. Митрополиты по желанію или съ согласія великаго князя избирались и постановлялись константинопольскимъ патріархомъ до 1449 г., т. е. до того времени, когда по случаю Феррарскаго Собора и участія на немъ московскаго митрополита Исидора, наши митрополиты стали назначаться и посвящаться дома безъ всякаго вмѣшательства Царьграда; епископы же во времена вѣчеваго устройства избирались народомъ и князьями, а посвящались митрополитомъ. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются случаи изгнанія епископовъ или народомъ, или княземъ: «того же лѣта выгнаша ростовцы и суздальцы, Леона епископа зане умножилъ баше церковь грабя» (1158), или напр., «князь Всеволодъ (1185) посла къ Кіеву къ Святославу и къ митрополиту прося епископа *хотя поставити Луку кроткаго игуменья Св. Спаса на берестовомъ*. Митрополитъ же не хотяше, се бо на мзду поставилъ Николу Гречина, Всеволоду не хотящу его...» Такимъ образомъ, съ первыхъ же временъ духовенство стало въ зависимости отъ свѣтской власти и этого положенія постоянно держалось впослѣд-

ствія. По всей вѣроятности, къ такой постановкѣ весьма много способствовала зависимость духовенства въ матеріальныхъ средствахъ.

Духовенство составляли, какъ составляютъ и нынѣ, двѣ корпораціи: черное, монашествующее духовенство и духовенство бѣлое, священство — вообще церковный причтъ.

Основаніе монастырей безошибочно можно отнести къ времени Владиміра Равноапостольнаго. Изъ жизнеописанія св. Антонія Печерскаго видно, что онъ (род. 983), возвратившись съ Афонской горы въ Кіевъ, нашелъ уже тамъ монастырь, основанный греческими иноками. Этому святителю приписываютъ основаніе въ Кіевѣ Печерскаго монастыря, которому въ 1051 году великій князь кіевскій Изяславъ пожаловалъ по-земельный участокъ: «посла (Антоній) единого отъ братьѣ ко Изяславу князю река тако: княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстце мало; дабы ны далъ гору ту, яже есть надъ пещерою. Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужъ свой и вда имъ гору ту»¹⁾. Такъ основалась наша первая русская обитель.

Точно также какъ на западѣ, наши монастыри имѣли значительное культурное значеніе; точно также, какъ на западѣ они были единственнымъ источникомъ образованія, нравственнаго направленія и проводникомъ гуманнхъ начинаній. Въ монастырскихъ стѣнахъ устраивались школы, жили люди грамотные, дѣписатели мивувшихъ и текущихъ событій, которымъ столько обязана наша отечественная исторія; тамъ существовали благотворительныя учрежденія, страннопріимные дома, богадѣльни и больницы, и еъ нимъ, какъ еъ центрамъ, тяготѣла вся умственная жизнь того времени. Поэтому понятна и политическая роль монастырей. Отрѣшившись отъ современныхъ эгоистическихъ и временныхъ интересовъ, они сохраняли въ себѣ болѣе широкое созерцаніе и въ нихъ никогда не умирала идея единства русской земли. Въ нихъ находились примирители и судьи княжескихъ усобицъ, безпристрастные совѣтники и въ ихъ нѣдрахъ князья искали себѣ разумныхъ

¹⁾ Лавр. лѣт. 6559, стр. 68.

пословъ. Приводить доказательства такого мнѣнія излишне; это значило бы перепечатывать всѣ наши лѣтописи. Служа убѣжищемъ для всякаго, кого поломали житейскія невзгоды, монастыри имѣли въ себѣ представителей всѣхъ элементовъ современнаго общества, начиная отъ княжескаго семейства до послѣдняго смерда и изъ этого единенія разнообразія естественно должны были зарождаться идеи болѣе широкаго объема. Можно безошибочно сказать, что только въ монастырскихъ стѣнахъ могли быть люди, подобные митрополитамъ Петру, Алексію, Филиппу, и только ихъ руководству обизаны Александръ Невскіе, Данилы Московскіе и т. п.

Въ число монастырскихъ братій нерѣдко поступали члены княжескихъ семействъ и значительныхъ боярскихъ родовъ, какъ напр. Судиславъ въ 1059 году, Николай Давыдовичъ, внучъ Святослава (извѣстный подъ именемъ Николая Святоши, причтенный церковью къ святымъ) и мн. друг. Нерѣдко, а съ XIII вѣка въ Московскомъ княжескомъ домѣ постоянно, князья передъ смертью принимали скиму, нерѣдко постриженіе. служило единственнымъ средствомъ расторженія брачныхъ союзовъ. При такихъ постриженіяхъ и въ виду значительныхъ политическихъ услугъ, монастыри весьма часто получали богатые вклады, то денежныя, то поземельными участками пусто-порожними и населенными, съ болѣе, или менѣе широкими льготами въ платежѣ повинностей. Такимъ образомъ наше черное духовенство уже съ XIV столѣтія является собственникомъ многихъ богатыхъ селъ и деревень, управляемыхъ особо администраціею. Но такъ какъ всѣ значительныя вклады или непосредственно истекали отъ княжеской власти, или зависѣли отъ ея согласія, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалась новая причина, почему черное духовенство не смотря на обезпеченность своего положенія не только никогда не стремилось къ полной независимости, никогда не вступало въ явную борьбу съ свѣтскою властью, но даже удалялось отъ мирскихъ столкновеній и вступалось только по вызову той же свѣтской власти. Для доказательства достаточно прослѣдить характеръ участія архіепископовъ новгородскихъ въ непрерывныхъ спорахъ Новгорода съ Москвою, достаточно указать

на послушную готовность митрополита Феотоста исполнить волю московскаго князя Иоанна Калиты, объ отлученіи отъ церкви псковитянъ принимавшихъ участіе въ судьбѣ князя Александра Тверскаго.

Монастыри управлялись архимандритами, или игуменами, посвящаемыми мѣстнымъ епископомъ, по избранію всей братіи изъ среды своей. Часто выборъ дѣлался по указанію предшественника архимандрита, или подъ его руководствомъ, по исполненіе совѣта не было обязательно, хотя въ дѣйствительности указаніе имѣло особенное значеніе уже по авторитетности придержащей власти. Въ виду этой-то авторитетности власти иногда, если не назначеніе новаго настоятеля, то во всякомъ случаѣ переводъ настоятеля изъ одной обители въ другую совершался по волѣ князя. Такъ Изяславъ избраннаго въ преемники къ Антонію игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря Варлаама назначилъ въ основанный имъ монастырь Св. Димитрія, а братія должна была приступить къ новому выбору.

Получая отъ княжеской власти свои матеріальныя, весьма для того времена богатыя средства, духовенство въ то же время взаимно оказывало этой власти громадную услугу. Оно старалось развивать въ населеніи идею божественнаго происхожденія верховной власти и вслѣдствіе того необходимость безусловнаго ей повиновенія. Придавая князьямъ титулы христіанскихъ, благовѣрныхъ и о Св. Духѣ возлюбленныхъ, духовенство старалось представить ихъ представителями Бога. И конечно усилія эти немогли оставаться безплодными по мѣрѣ развитія христіанскаго ученія. Указанія на такое ученіе духовенства встрѣчаются еще при вѣчевомъ порядкѣ: такъ духовенство, уговаривая князя Владиміра Святаго на принатіе строгихъ мѣръ противъ разбоевъ, говоритъ ему „ты еси отъ Бога поставленъ на казнь злымъ,“ хотя въ то время опредѣленіе законодательныхъ мѣръ не зависѣло исключительно отъ князя. Послѣ же татарскаго погрома и возвышенія Москвы естественно почва для такого ученія оказывалась болѣе плодородною. Перенесеніемъ митрополіи въ Москву духовенство сдѣлало послѣднюю главою православнаго міра, а князей ея не только старшими, но и единственными властителями, предназначен-

ными Богомъ къ собиранію русской земли. Умные московские князья, сьумѣвъ одѣлать значеніе поддержки духовенства, постоянно ласкали его, одаряли, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не придавали ему полной независимости.

Далеко не видную роль играло бѣлое духовенство, хотя напротивъ, по непрерывному непосредственному отношенію къ народу, оно должно было бы быть не менѣе вліятельно. Состоя изъ священно и церковнослужителей, оно находилось въ полной подчиненности, и подъ управленіемъ монашествующихъ іерарховъ и это подчиненіе сказывалось на немъ весьма неблагоприятно, какъ по замкнутости сферы своей дѣятельности, такъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Хотя въ первые вѣка по принятіи христіанской вѣры наши князья при устройствѣ церквей и назначали имъ десятую часть своихъ доходовъ, каково напр. назначеніе десятины Владиміромъ и Андреемъ Юрьевичемъ „въ торгѣхъ десятіе недѣли и въ житѣхъ и въ стадѣхъ и во всемъ десятое“, но во 1-хъ это пожалованіе было далеко не общимъ правиломъ и во 2-хъ оно большею частью назначалось іерархамъ чернаго духовенства. Дѣйствительность давала странное явленіе: бѣлое духовенство въ черномъ тѣлѣ и наоборотъ черное въ бѣломъ тѣлѣ. Содержаніемъ бѣлому духовенству служила руга (необязательный, впрочемъ, сборъ сельскихъ произведеній съ жителей прихода) и пользованіе незначительными землями и доходами съ нихъ. При этомъ необходимо замѣтить, что при медленномъ прониканіи христіанскихъ истинъ въ народную массу въ приходѣ количество платившихъ ругу было вѣроятно не велико. Такое невыгодное положеніе конечно не могло не отразиться на уровнѣ умственнаго образованія бѣлаго духовенства. И дѣйствительно, въ числѣ священнослужителей, исполняющихъ религіозныя требы, иногда встрѣчались лица неграмотные и далеко не отличающіяся безукоризненною нравственностью.

Изъ всего контингента княжества одно только духовенство, перешедшее къ намъ цѣликомъ изъ Греціи, составляло нѣчто органически-цѣльное, имѣющее опредѣленные права и обязанности, однимъ словомъ, составляло то, что обыкновенно называется извѣстнымъ состояніемъ народа. Какія же были права

и обязанности духовенства? Разумѣется, главною и существенною обязанностью было распространение Слова Божія, утверждение паствы въ правилахъ христіанскаго ученія, но кромѣ этого, къ вѣдомству духовенства принадлежали нѣкоторыя самостоятельныя отрасли правительственной дѣятельности, какъ напр. отправленіе правосудія и управленіе. Изъ дѣлъ судебныхъ нѣкоторые разряды принадлежали всецѣло юрисдикціи духовенства, другіе же по отношеніямъ личнымъ. Къ первому разряду относились дѣла брачныя, разводъ, отношенія семейственныя, преступленія противъ нравственности, нарушенія правилъ церковныхъ, завѣщанія и наконецъ мѣры и вѣсы, — безъ всякаго отношенія по различію лицъ, одинаково какъ для свѣтскаго, такъ и для духовнаго званія ¹⁾. Ко второму же разряду относились: а) разборы дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ по обвиненію лицъ духовнаго званія. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ принадлежала по степенямъ подчиненности архимандритамъ, епископамъ и наконецъ митрополиту, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе: „а тяжь Епископ-лихъ не судити никому же, судить ихъ самъ Епископъ“... ²⁾ или „в суди судяше (мишай) и дани и оброки пошлины емляше и нача вооружатися на священники и на иноки и на игумены, архимандриты, епископы и осуждаше и продаше многихъ“ ³⁾. Затѣмъ б) разборы дѣлъ людей всѣхъ званій, жившихъ на земляхъ, принадлежащихъ духовенству. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ впрочемъ являлась не иначе, какъ вслѣдствіе пожалованія отъ князя, его порученія и потому ограничивалась пространствомъ пожалованія. Обыкновенно князья, жалуя въ собственность духовенству земли, жаловали вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ надъ тѣми людьми, которые жили на этихъ земляхъ, съ предоставленіемъ въ пользу же духовенства или всѣхъ, или нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинъ, пеней и штрафовъ: „а что учинится между спаскими людьми, бой или татьба или душегубство или самосудъ, то все судить игумень

¹⁾ Уставы Владиміра и Ярослава о церкви, судахъ.

²⁾ Уст. гр. Смол. кн. Ростислава (1150 г. сент. 30). Дополн. къ Ак. Ист. т. 1, с. 7.

³⁾ Након. IV.

и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса, а нашимъ судьямъ не надобе“ (Грамота про домъ Св. Спаса). Въ ярлыкѣ, данномъ ханомъ Узбекомъ Петру митрополиту (1313 г.) право суда предоставлено послѣднему безъ ограниченія „въ разбои и въ поличномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ Петръ митрополитъ единъ“¹⁾. Иногда нѣкоторые дѣла по важности своей (разбой, душегубство) выдѣлялись изъ юрисдикціи духовенства, иногда же не бывало никакого исключенія: „а судъ мой Великаго князя надъ владычными людьми въ душегубствѣ и въ разбои и въ татѣбѣ“²⁾. Приведенная грамота относится къ концу XV столѣтія и вообще можно предположить съ большою вѣроятностью, что съ этого времени Московскіе князья въ стремленіи своемъ обезпечить и увеличить свое вліяніе начали постепенно сокращать предѣлы вотчинныхъ правъ пожалованія.

Наконецъ былъ еще судъ общій „вобчій“, происходившій въ тѣхъ случаяхъ, когда разборъ касался до лицъ различныхъ подсудностей, напр. одна сторона была изъ лицъ подсудныхъ духовному вѣдомству, а другая вѣдомству общей правительственной власти. Въ этихъ случаяхъ дѣло разсматривалось совокупно судьями обѣихъ сторонъ, а пени и штрафы шли по подсудности обвиненной стороны „а межъ моихъ людей и владычныхъ людей судъ и прѣставъ вобчій“.

Кромѣ суда духовенству принадлежало право управленія надъ людьми, жившими на ихъ земляхъ, взисканія съ нихъ различнаго рода доходовъ, наложенія повинностей и т. п. Такъ какъ въ ярлыкѣ Петру митрополиту упоминаются города, волости, ремесленники, принадлежащіе духовенству, то изъ этого можно заключить, что духовенству же могли принадлежать торговня пошлины и налоги.

Въ разборахъ судебныхъ дѣлъ духовенство руководствовалось постановленіями Кормчей книги, заимствованной нами изъ Греціи. Извѣстенъ списокъ ея, сдѣланный въ 1280 году по распоряженію Великаго князя Дмитрія Александровича, но, вѣроятно, былъ и еще древнѣе.

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. 2, № 7, с. 8.

²⁾ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 127, с. 324.

Служилые люди. Такъ какъ политическая жизнь до разсматриваемой эпохи не могла выработать государственныхъ началъ, то, слѣдовательно, не могло организоваться отдѣльныхъ органическихъ частей, жившихъ при всей своей индивидуальности единосушно съ общимъ тѣломъ. Поэтому напрасно искали бы указаній и доказательствъ въ нашихъ лѣтописяхъ на существованіе такъ называемаго нынѣ дворянскаго состоянія, высшаго класса государственнаго контингента. Такихъ доказательствъ нѣтъ. Напротивъ того находимъ полное, неопровержимое доказательство несуществованія такого класса въ свободности перехода лица отъ одного князя къ другому безъ всякаго слѣда каковаго либо измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ даже никакого намека на то, чтобы лица благороднаго, высшаго класса имѣли бы какую либо солидарность съ другими подобными себѣ, чтобы уходъ лица производилъ какое нибудь измѣненіе въ юридическихъ отношеніяхъ. Съ уходомъ или переходомъ не оказывалось пустаго мѣста въ службѣ князя, уменьшалась только часть его силы, но товарищи ушедшаго оставались непричемъ, они ничего не проигрывали и не выигрывали, за исключеніемъ личныхъ отношеній. А при полномъ отсутствіи солидарности между членами одного состоянія не мыслимо и существованіе самаго состоянія.

Но если не было состоянія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается при государственномъ устройствѣ, то тѣмъ не менѣе былъ многочисленный служительскій классъ болѣе или менѣе почетныхъ, болѣе или менѣе пользующихся вліяніемъ. Этотъ классъ составлялъ нѣсколько подраздѣленій. Предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности этихъ подраздѣленій, необходимо упомянуть объ общей чертѣ служилаго класса. Понятіе о государственной службѣ предполагаетъ обязательство отправленія извѣстныхъ дѣйствій для удовлетворенія извѣстныхъ общественныхъ потребностей и самое обязательство заключается двумя волями, обязывающейся волей частнаго лица и обязывающей волей юридическаго лица какъ представителя общественныхъ интересовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ обязывающая воля дѣйствуетъ лично отъ себя, въ виду лич-

нихъ своихъ интересовъ, въ этихъ случаяхъ дѣло касается частной службы. Поэтому съ понятіемъ государственной службы необходимо связывается понятіе о соблюденіи извѣстныхъ правилъ и условій, ограждающихъ общественное благо. Посмотримъ же какой характеръ носила служба въ нашъ древній періодъ и кто именно были служилые люди.

Основаніе служилыхъ людей составила та дружина, бывшая съ князьями, изъ которой въ первыя времена князья выбирали извѣстныхъ имъ лицъ для завѣдыванія вмѣсто себя волостями, для сбора дани, объѣздовъ полюдья и другихъ потребностей еще простой жизни. Эти дружины не соединялись съ князьями какими либо крѣпкими узами, кромѣ установленнаго договора, опредѣлявшаго ихъ взаимные интересы: дружина получала отъ князя содержаніе и долю въ добычѣ и за то составляла собою ту силу, которою могъ располагать князь въ своихъ отношеніяхъ. Непривязанные къ князю ничѣмъ, кромѣ взаимнаго интереса, дружинники служили князю на столько, на сколько было выгодно и покидали его тотчасъ же, когда находили другую дѣятельность, болѣе выгодную. Такимъ образомъ съ самаго древнѣйшаго времени, до образованія государства, право свободнаго перехода было отличительной чертой отношеній служилыхъ людей къ своимъ князьямъ. Привязать же къ себѣ этихъ людей болѣе тѣсными отношеніями, каковы напр. отношенія поземельныя, какъ это было на западѣ, князья не имѣли возможности, не обладая и сами самодержавной властью. За неимѣніемъ другихъ прочныхъ связей, князья старались скрѣпить эти связи личнымъ добрымъ отношеніемъ къ дружинѣ, отчего и образовалось понятіе, что золотомъ и серебромъ не добудешь дружины, а съ вѣрной дружиной добудешь и то и другое; отъ этого и дружинники явились истинными думцами князя, раздѣлявшими его судьбу. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ лучше было и его дружинѣ, бѣднѣлъ князь, бѣднѣла и умалалась его вѣрная дружина, изъ которой многіе переходили къ болѣе сильнѣйшему и болѣе богатому.

Съ погрома татарскаго и съ возвышенія Москвы эти отношенія хотя и не измѣнились, но получили иной оттѣнокъ.

Присвоивъ себѣ вотчинную власть, князья заручились возможностью прикрѣплять къ себѣ служилыхъ людей — бывшихъ дружинниковъ—болѣе вѣрными узами, жалуя имъ различныя кормленія и помѣстья. Но и при такомъ порядкѣ вещей должно было поддерживаться прежнее явленіе т. е., что чѣмъ богаче былъ самъ князь, чѣмъ болѣе онъ располагалъ средствами въ раздатѣ кормленій и помѣстій и, чѣмъ устойчивѣе были его распоряженія, чѣмъ безопаснѣе пользованіе его дарами, тѣмъ болѣе и сильнѣе оказывался приливъ къ нему и служилыхъ людей. Москва представляла собою въ этомъ отношеніи особенныя выгоды, ея князья умѣли богатѣть и примышлять, умѣли оберегать *своихъ людей* и вотъ приливъ къ ней служилого класса становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Служилые люди съ охотою переходили въ Москву изъ другихъ княжествъ, зная, что съ этимъ переходомъ они только выигрываютъ, что они не лишатся своихъ прежнихъ привилегій, оставленныхъ ими въ другихъ княжествахъ, что ихъ съумѣютъ защитить, а при случаѣ и вознаградить съ избыткомъ московскіе князья и зная, наконецъ, что съ этимъ перѣздомъ они все таки продолжаютъ сохранять право свободного перехода для неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, увеличивая внѣшнюю силу, Московскіе князья вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавали, что этотъ свободный переходъ стѣснялъ въ тоже время развитіе княжеской власти внутри самаго княжества. Вслѣдствіе этого сознанія явилась очевидная потребность *навсегда прикрѣпить* къ себѣ служилыхъ людей и удовлетвореніемъ этой потребности задались Московскіе князья, какъ это ясно видно изъ послѣдующей исторіи Московскаго княжества.

Послѣ этихъ общихъ словъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса—изъ кого именно состоялъ служилый классъ.

Бояре, старейшины, князь и мужи. Бояре извѣстны съ глубокой древности; еще въ 767 году въ Византійскихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ названіемъ *боймодовъ*. У Славянъ это были люди, выдѣлявшіеся изъ общей массы умомъ, храбростью, пользующіеся общимъ уваженіемъ и поэтому предводительствующіе въ битвахъ и руководящіе обществен-

тыми дѣлами. Послѣ образованія княжествъ бояре, не утрачивая своего значенія, вѣроятно, стали къ новой княжеской власти въ тѣ же отношенія, какія существовали у князя къ племени. Но у пришельцевъ были свои дружины, во главѣ которыхъ стояли также свои бояре, а потому и должно было образоваться два различія бояръ племенныхъ или городскихъ и дружинныхъ, различія, ясно замѣчаемаго при внимательномъ чтеніи лѣтописей. Впослѣдствіи это различіе исчезаетъ естественнымъ путемъ, такъ какъ городскимъ боярамъ выгодно было поступать въ службу къ князю въ виду военныхъ добычъ, собиранія дани и полученія земель. Въ корнѣ новыхъ образованныхъ отношеній легли служебныя начала *обязательно-личныя*, служившія основаніемъ къ установленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно несвободнаго состоянія. Этими служебными обязательствами объясняются формы отношеній бояръ къ князьямъ „а мнѣ, княже, холопу твоему“. Доказательствомъ же того, что между боярами и князьями существовали отношенія только служебныя, обязательно-личныя можетъ служить совершенно свободный переходъ: бояринъ, оставляя службу одного князя и переходя къ другому, не переставалъ быть собственникомъ волости оставленнаго княжества; съ переходомъ не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій. Только впослѣдствіи, съ установленіемъ княжеской осѣдлости послѣ татарскаго ига, начинается и боярская осѣдлость, хотя право свободнаго перехода бояръ, какъ и вообще всѣхъ лицъ свободнаго состоянія сохранялось въ продолженіи всего періода догосударственной жизни нашего отечества.

Боярамъ поручалось начальствованіе дружиной, управленіе областями или особыми отраслями хозяйственнаго управленія, имѣвшихъ особое названіе *путей*, веденіе переговоровъ и заключеніе договоровъ, блюденіе столицы во время отсутствія князя, участіе въ княжескихъ совѣщаніяхъ, въ думѣ и вообще исполненіе всѣхъ *личныхъ* порученій, требующихъ опытности и извѣстной доли авторитета. Наконецъ въ заключеніе остается сказать, что бояре входили въ служебныя отношенія, кромѣ князей, и къ главѣ духовенства—митрополиту, такъ какъ въ

лѣтописяхъ часто встрѣчаются названія бояръ владычныхъ. Имѣнія бояръ подлежали опредѣленнымъ повинностямъ за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, разумѣется, которыя были освобождены по распоряженію князя.

Названія *князь и мужа и старъишины*, кажется, не опредѣляли особыхъ какихъ либо отношеній и употреблялись до татарскаго ига вмѣсто названій бояръ.

Воеводы, намѣстники, волостели. Названіе воеводъ встрѣчается съ древнихъ временъ и всегда для обозначенія предводителя дружины изъ бояръ. Впослѣдствіи, во время татарскаго владычества, воеводы назначались въ правители городовъ, точно также какъ и намѣстники. Какъ тѣ, такъ и другіе вѣдали гражданскую и уголовную части, но различіе между ними, кажется, заключалось въ томъ, что воеводы назначались преимущественно въ города пограничныя и вообще безпокойныя, гдѣ требовалась постоянная военная осторожность и готовность къ военной оборонѣ, откуда воеводы *осадные и ратные*; намѣстники же—въ прочіе города, хотя съ тѣми же правами. О правительственномъ и судебномъ значеніи воеводъ, намѣстниковъ и волостелей было сказано въ статьѣ объ органахъ управленія.

Впродолженіи переходнаго состоянія князья, конечно, не могли имѣть при себѣ многочисленнаго класса для личной службы и, вѣроятно, весь ихъ дворъ, кромѣ бояръ, ограничивался отроками и гриднями, а въ хозяйственномъ управленіи ключниками и тиунами, но когда они сдѣлались осѣдлыми, дворъ ихъ естественно долженъ былъ увеличиться съ развитіемъ политическихъ отношеній и хозяйственныхъ дѣлъ. Явились новыя должности отчасти по византійскому образцу, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной потребности. Около этого времени встрѣчаются: *окольничіе, стольники, сокольничьи, ловчіе* и т. п. Должность окольничаго, кажется, въ первый разъ встрѣчается въ договорной грамотѣ 1341 года Великаго князя Симеона Гордаго съ братьями; здѣсь окольничій упоминается въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся подъ грамотой. По имѣющимся свѣдѣніямъ трудно опредѣлить въ чемъ именно заключалась должность окольничаго и каковы были его обязанности: то

онъ вѣдаетъ границы и пограничный судъ—такъ какъ наказами губнымъ старостамъ запрещалось послѣднимъ входить въ пограничные суды, а отсылать ихъ къ окольныхчимъ, имѣющимъ власть вести заграничную переписку, то онъ завѣдывалъ дорогами и вообще путями сообщенія, то принималъ посылы, то завѣдывалъ судомъ и полевымъ боемъ. Всего вѣроятнѣе, окольныхчимъ назывался вообще человекъ приближенный къ князю, его довѣренный, неимѣющій опредѣленныхъ обязанностей, и завѣдывающій всѣмъ, что поручалось ему волею князя. *Стольники* завѣдывали столомъ князя. Такъ какъ въ 1392 году упоминается о послыскѣ митрополитомъ Кипріяномъ стольника своего Клементія къ Новгородскому Архіепископу Иоанну, то изъ этого извѣстія можно вывести, что стольники у великихъ князей существовали еще прежде. Затѣмъ сокольничьи, ловчіе и т. п. опредѣлительно характеризуются своими названіями и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ обязанностяхъ. Наконецъ вообще должно замѣтить, что всѣ подобныя должности имѣли характеръ *лично-обязательныхъ* отношеній къ князю, неимѣющихъ никакого государственнаго значенія и зависѣли отъ произвола князя. Такъ окольныхчимъ могли завѣдывать обязанностями стольниковъ, а послѣдніе обязанностями первыхъ.

О прочихъ княжескихъ чиновникахъ дворскомъ, казначей и проч. было сказано въ органахъ управленія. Они завѣдывали имуществомъ князя и точно также имѣли къ нему личныя обязательства.

Остается упомянуть еще объ одномъ видѣ должностныхъ лицъ, о такъ называемыхъ дѣтяхъ боярскихъ. Трудно сказать что нибудь положительно вѣрное относительно образованія этого класса и объ его обязанностяхъ. Самое названіе дѣтей боярскихъ встрѣчается не ранѣе XIV столѣтія и безъ опредѣленнаго значенія. Изъ сравненія различныхъ мѣстъ упоминаній о дѣтяхъ боярскихъ можно вывести предположительно, что по преимуществу обязанность ихъ состояла въ отправленіи воинской повинности, за что они получали въ помѣстье извѣстный земельный участокъ, съ котораго обязывались выставять извѣстное число воиновъ. Хотя обязанность дѣтей боярскихъ

и касалась преимущественно воинской повинности, но тѣмъ не менѣе иногда встрѣчаются дѣти боярскіе и при исполненіи порученій дипломатическихъ и хозяйственныхъ.

ГЛАВА XII.

Судъ.

По общепринятому понятію задача суда — охранить, а въ случаѣ нарушенія возстановить право, на сколько это возможно, по фактическимъ обстоятельствамъ. Соединяясь такимъ образомъ съ правомъ жизненными, неразрывными узами, судъ во всемъ существѣ своемъ раздѣляетъ его судьбу. Какъ право, расширяясь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни, восходитъ отъ частныхъ опредѣленій выдѣляющихся общественныхъ явленій къ общимъ началамъ, точно такъ и судъ отъ частнаго самоуправления (самосуда) и возмездія переходитъ постепенно черезъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій къ институту государственному, къ формѣ отправления, правильной общественной организаціи. Этотъ постепенный переходъ, вытекающій изъ самой жизни народа, отражаетъ въ себѣ современное ему состояніе общества болѣе и вѣрнѣе всякаго другаго историческаго памятника, а потому и въ настоящемъ изслѣдованіи правильный анализъ права и суда вѣчеваго и московскаго періодовъ по логической послѣдовательности долженъ привести къ правильному взгляду на сущность общественной организаціи того времени.

У народовъ младенчествующихъ право заключается въ обычаѣ, т. е. въ томъ возрѣвѣніи, какое всѣми въ обществѣ одинаково понимается и сознается. Въ оформленіи обычая письменнымъ закономъ не бываетъ нужды и необходимости; все идетъ по *пошлннѣ*. На такую-то пошлнну и указывали славянскія племена, призвавшія князей *судить по праву*. Только въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи жизни и при внесеніи въ внутренній бытъ новыхъ элементовъ, встрѣчается надобность

въ законодательномъ опредѣленіи вновь возникающихъ отношений. Въ жизни славянскихъ обществъ такихъ новыхъ элементовъ было два: прибытіе варяжскихъ князей съ дружиной и принятіе христіанства и эти оба новые элементы вызвали появленіе *Русской Правды*.

Русская Правда дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой, состоящей изъ 17 статей (объ убійствѣ, о личномъ оскорбленіи свободного холопомъ, нѣкоторыхъ нарушеніяхъ вещныхъ правъ, о нѣкоторыхъ процессуальныхъ сторонахъ денежныхъ исковъ) и пространной. Первую обыкновенно относятъ къ эпохѣ Ярослава 1,—вторую къ временамъ послѣдующимъ. Такъ какъ Русская Правда составляетъ нашъ первый и дѣйствительно весьма замѣчательный законодательный памятникъ, то, естественно, на него преимущественно было обращено вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Много было по поводу ея высказано споровъ и болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаній, но тѣмъ не менѣе поднятые вопросы до сихъ поръ остаются не выясненными до положительной опредѣленности. Такъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросъ: была ли Правда официальнымъ законодательнымъ сборникомъ или только практическимъ руководствомъ для судей при рѣшеніи дѣлъ? Если на второе толкованіе наводятъ встрѣчающіяся въ Правдѣ нѣкоторыя объяснительныя выраженія, какъ напр. о пропавшемъ «рабѣ «а то есть не скоть неизѣ рчи невѣдѣ у кого есмь купилъ», то за то на первое толкованіе указываютъ выраженія на установленіе закона княземъ. Впрочемъ вопросъ объ официальной сторонѣ этого документа не можетъ имѣть особеннаго значенія при согласіи обоихъ толкованій въ дѣйствительномъ примѣненіи положеній Правды къ возникавшимъ случаямъ, а слѣдовательно и въ дѣйствительномъ выраженіи въ ея положеніяхъ состоянія современнаго общества.

Точно также не согласны наши изслѣдователи и въ вопросѣ о томъ, на сколько Русская Правда выражаетъ собою продуктъ славянской жизни и вошли ли въ нее элементы чуждыхъ правъ германскаго и византійскаго.

Большинство нашихъ ученыхъ, соглашаясь видѣть въ Русской Правдѣ вообще произведеніе славянскаго духа и

выраженіе народнаго обычая, признають однако нѣкоторыя ея положенія заимствованными. Такъ установленіе вирь, т. е. денежныхъ взысканій съ правонарушителей или съ округовъ, гдѣ послѣдніе жительствоваали, обыкновенно, признають за германское Wehrgeld — взысканіе въ пользу обиженнаго или для примиренія съ его близкими; такъ въ нашей верви видятъ заимствование отъ народовъ германскихъ ихъ учрежденія Gesammbürgschaft заключающемся въ взаимномъ поручительствѣ семейства за безопасность и поведеніе своихъ членовъ. На это заимствование указываетъ еще почти дословное сходство нѣкоторыхъ статей Правды, какъ напр. статьи о ѣздѣ на чужомъ конѣ. Но такая кажущаяся наглядная убѣдительность не можетъ еще служить основаніемъ къ положительному заключенію. Весьма часто сходство обычаевъ встрѣчается у народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія, хотя невозможно предполагать какихъ либо ихъ отношеній другъ съ другомъ. Извѣстно напр. поразительное сходство обычаевъ краснокожихъ американцевъ съ такъ называемыми законами варварскими (leges barbarorum) или съ обычаями кавказскихъ горцевъ. Въ виду такихъ то фактовъ встрѣчающееся сходство положеній Русской Правды съ законами германскими и невозможно считать заимствованиями—тѣмъ болѣе, что, по выраженію нашего лѣтописца, славяне имѣли до призванія князей не только обычай, но даже преданья и законы отецъ своихъ.

Затѣмъ представляется вопросъ: была ли Русская Правда закономъ князя, выраженіемъ его законодательной дѣятельности или же простымъ оформленіемъ существовавшаго обычая? Каждый народъ въ своемъ младенческомъ состояніи руководствуется обычаемъ и руководствуется имъ до тѣхъ поръ, пока новое какое-либо общественное столкновение не вызоветъ на вопросъ, выходящій изъ рамокъ существовавшаго обычая. Рѣшеніе этихъ-то новыхъ вопросовъ на почвѣ народнаго возрѣвнія обыкновенно служитъ, какъ уже было сказано выше, побудительной причиной къ появленію законовъ письменныхъ. Редакція нѣкоторыхъ статей пространной Русской Правды ясно обнаруживаетъ обычное ихъ происхожденіе въ общемъ совѣщаніи князя съ земствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако

встрѣчаются и статьи, указывающія на дѣятельность князя, какъ на непосредственный, единственный источникъ закона.

Въ XV статьѣ Русской Правды говорится: „а се уставилъ Володимерь князь Всеволодовичъ (мономахъ) по Святополчѣ сзавъ дружину свою на берестовомъ ратибора тысячьего киевскаго и Прокоею бѣлгородскаго тысячьего Станислава переяславскаго тысячьего нажира Мирослава Иванка Чудиновича Ольгова мужа и *установиши люди* до третьяго рѣза“...¹⁾ Далѣе, въ статьѣ о судѣ Ярославлихъ дѣтей изложено, что „по Ярославѣ же пакы съвѣупивъшесе сынове его русьтѣи князи, Изяславъ, Святославъ Всеволодъ и мужи ихъ късьнячько перенѣгъ Никифоръ Къянѣя Чудинъ Микула и отложиша убѣненіе за голову къ кунами ся выкупши а ино все якоже Ярославъ судилъ такоже и сынове его *установиша*“.²⁾ Изъ статьи же объ удареніи холопомъ свободаго узнаемъ, что за это оскорбленіе „великій князь Ярославъ Володимеричъ *установилъ* убити нъ, сынове *установиша* на кунъ“.³⁾ По первымъ двумъ приведеннымъ статьямъ законодательная дѣятельность князя раздѣляется между нимъ и выборными лицами, такъ какъ это видно изъ самаго выраженія *установиши люди*, третьей же статьєю законодательная мѣра приписывается личной дѣятельности князя, безъ участія другой силы. Въ какихъ же отношеніяхъ и въ какомъ размѣрѣ заключалась эта дѣятельность?

Въ главѣ о верховной власти князя вообще уже былъ разсмотрѣнъ вопросъ о законодательной отрасли этой власти и объ отношеніяхъ ея къ народному участію. По самому безпристрастному разсмотрѣнію источниковъ оказалось, что законодательная дѣятельность далеко не всецѣло принадлежала одному князю, но напротивъ, столько же, если не болѣе, принадлежала и народному собранію. Отношенія между двумя этими факторами не были опредѣленными и весьма много зависѣли отъ личности князя, его популярности. Какимъ же

¹⁾ Изсл. о Рус. Пр. Калачова стр. 86.

²⁾ *ibid.*, с. 109.

³⁾ *ibid.*, с. 94.

образомъ въ статьѣ Правды объ оскорбленіяхъ холопомъ свободного человѣка ни слова не упоминается объ участіи народа? Чѣмъ же объясняется такое важное противорѣчивое указаніе? Для разъясненія его необходимо принять на видъ слѣдующія соображенія.

Предварительно должно замѣтить, что редакцію статей Русской Правды невозможно считать положительно вѣрной. Лѣтописцами (краткая и пространная Русская Правда находится въ различныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ церковныхъ законовъ, кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ) и переписчикамъ были монахи, т. е. именно тѣ люди, которые по византийскимъ традиціямъ и личнымъ отношеніямъ склонны были видѣть въ князѣ представителя полной самодержавной власти, отъ которой, по божественному происхожденію ея, исходили всѣ функціи отправленія всѣхъ общественныхъ отношеній. А вслѣдствіе такого кореннаго убѣжденія лѣтописца, или переписчика становится весьма естественнымъ указаніе его на личную дѣятельность князя „устави“, тогда какъ въ дѣйствительности это установленіе было дѣломъ общимъ, совмѣстнымъ князя, дружины и представителей народныхъ.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса, не было ли случаевъ, когда и князь могъ быть установителемъ закона? Князья призывались *судить по праву*. Вслѣдствіе этого кореннаго положенія князья и ихъ представители по уполномочію были облечены судебною властью примѣнять существовавшіе законы-обычай къ возникавшимъ случаямъ. До тѣхъ поръ пока случаи правонарушеній ограничивались сферой обиходна существовавшаго порядка, для рѣшенія ихъ оказывалось достаточнымъ всѣмъ извѣстныхъ опредѣленій обычая, но когда въ жизни возникли новыя явленія, новыя отношенія, пришедшія извнѣ, то вслѣдствіе этого новыя правонарушенія требовали новыхъ разрѣшеній. Къ этимъ-то новымъ возникавшимъ въ дѣйствительной жизни случаямъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія княземъ, его тиуномъ, или его бояриномъ примѣнялись новыя опредѣленія въ видѣ рѣшеній данныхъ случаевъ. И если эти рѣшенія соотвѣтствовали народ-

ному возрѣнію, казались справедливыми, то они немедленно служили руководством или примѣрами на послѣдующее время для всѣхъ подобныхъ правонарушений.

Такимъ образомъ устанавливался новый законъ и установленіе его естественно приписывалось монахами - лѣтописцами князю, какъ главному верховному судѣ, хотя, въ дѣйствительности, виновниками новаго закона былъ не только не князь и его туиъ, но просто какой нибудь вліятельный дружинникъ или какое-нибудь значительное земское лицо. Частая же повторяемость одинаковыхъ случаевъ или особенная важность ихъ по временамъ доходила до разсмотрѣнія и обсужденія высшей законодательной власти, т. е. князя и земскихъ выборныхъ людей—тогда эти послѣднія опредѣленія принимали общеобязательную форму закона. На эти-то обстоятельства и указываютъ приведенныя статьи Русской Правды, на которыя ни въ какомъ случаѣ невозможно смотрѣть какъ на исключительный источникъ законодательной дѣятельности князя. Слѣдовательно, въ источникахъ права должно видѣть прежде и главнѣе всего обычай, затѣмъ судебныя рѣшенія и наконецъ опредѣленія законодательной власти, составляющейся при общемъ соучастіи князя и народа. Наконецъ, къ источникамъ права должно отнести и опредѣленія византійскаго права «закона суднымъ людямъ», но эти опредѣленія имѣли силу, вѣроятно, только въ случаяхъ, подлежащихъ обсужденію духовенства. Такой порядокъ формулированія права продолжался во весь древній вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Съ татарскаго ига внутренней общественной порядокъ измѣнился на столько, насколько измѣнились фактическія отношенія элементовъ. Значительное разрѣженіе свободнаго класса не могло не ослабить значенія народнаго голоса вообще въ общественныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ законодательной его дѣятельности, на развитіе которой по отношенію народнаго участія, въ нашихъ памятникахъ уже не встрѣчается дальнѣйшихъ указаній. При разгромленіи народа татарскимъ игомъ должна была бы повидимому выдвинуться законодательная дѣятельность князя, но и этого не видимъ вслѣдствіе, вѣроятно, пониженнаго положенія князей, какъ покор-

ныхъ улусниковъ ханскихъ. Дѣйствующимъ правомъ продолжала существовать Русская Правда съ дополненіями, заключающимися въ законахъ духовенства и въ договорныхъ опредѣленіяхъ князей между собою и съ иностранцами. Князья, ихъ тиуны, намѣстники и волостели судили и рѣшали дѣла по пошлинѣ, по старому обычаю, по Русской Правдѣ и по тому, какъ Богъ на душу пошлетъ. Потребности въ законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ не возникало, да и не могло возникнуть. Получивъ осѣдлость и не встрѣчая самостоятельнаго противодѣйствія со стороны народа князья начинали смотрѣть на свои волости, какъ на собственность. Въ Московскомъ же княжествѣ такой взглядъ естественно долженъ былъ сложиться вслѣдствіе своихъ поземельныхъ вотчинныхъ отношеній.

Между тѣмъ, по мѣрѣ расширенія Московскаго княжества, правильное отправленіе правосудія становилось затруднительнымъ. Отдаленнымъ поселеніямъ съ одной стороны могли быть незнакомы и чужды постановленія Русской Правды, а съ другой не могли не казаться обременительными и несправедливыми денежныя взысканія за преступленія и вознагражденія за отправленіе правосудія. Кромѣ того, отдаленность отъ центра, отъ княжескаго стола давала полную возможность намѣстникамъ, волостелямъ и тиунамъ безнаказанно увеличивать тяжебныя поборы и тѣмъ возбуждать непрерывныя жалобы поселеній на стѣсненія. Для отстраненія подобныхъ злоупотребленій князья стали издавать такъ называемыя уставныя и судныя грамоты. Изъ нихъ первыя имѣли цѣлью установить, по возможности, порядокъ управления, вторыя же предназначались преимущественно для дѣлъ судебныхъ. Въ содержаніи послѣднихъ заключаются руководящія правила намѣстникамъ и волостелямъ при разборѣ дѣлъ, излагаются нѣкоторые законы, по преимуществу охранительныя, исчисляются денежныя пени и судебныя пошлины, опредѣляются доказательства, способы собиранія ихъ и наконецъ рѣшенія дѣлъ и исполненія. Такое содержаніе грамотъ ясно указываетъ на цѣль ихъ изданія: на обузданіе своеволія и злоупотребленій намѣстниковъ и для охраненія отъ нихъ мѣстныхъ жителей.

Уставныя и судныя грамоты имѣютъ вполне характеръ инструкцій: онѣ не опредѣляютъ ничего новаго и въ нихъ нельзя видѣть какого либо новаго законоположенія, какъ продукта законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ. Хотя зданныя уставныя и судныя грамоты относятся къ времени послѣдующему 1-й половины XIV столѣтія, но нѣтъ никакого основанія отвергать существованія ихъ и въ это время, но только не дошедшихъ до насъ, или еще не обнародованныхъ. Вѣроятно, въ нашихъ монастырскихъ архивахъ хранится подъ спудомъ много еще драгоценныхъ матеріаловъ, изданіе которыхъ прольетъ много свѣта на нашу минувшую общественную жизнь. Впрочемъ и изданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ достаточно для вѣрнаго опредѣленія общаго ихъ типа,—типа, выражающаго частную заботливость князя-собственника, частнаго владѣльца-хозяина.

По разсмотрѣніи общихъ чертъ существовавшаго права, остается прослѣдить тѣ формы, въ которыхъ проводились въ жизнь опредѣленія началъ права, формы примѣненія послѣднихъ къ возникавшимъ случаямъ, формы судопроизводства. Вопросъ о судопроизводствѣ, по отношенію къ настоящему изслѣдованію, не лишень серьезнаго значенія. Производство суда—дѣло общественное, и потому по необходимости должно носить на себѣ вѣрный отпечатокъ современнаго общественнаго склада.

Обыкновенно первобытная форма разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ гражданскихъ и обсужденіе уголовныхъ дѣлъ заключается у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, равно какъ и у славянъ, въ безапелляціонныхъ изреченіяхъ главъ семействъ и родоначальниковъ, изреченіяхъ, выражающихъ собою народное воззрѣніе. Затѣмъ по мѣрѣ распадѣнія и разрушенія родоваго начала, авторитетъ родоначальниковъ слабѣетъ и вмѣсто него естественно развивается личный произволъ въ видѣ самоуправства, самосуда. Такимъ образомъ, первыя формы судопроизводства у нашихъ предковъ славянъ состояли въ *мировомъ разборѣ* родоначальника, свято-обязательномъ для спорящихъ по живому еще сознанию единства происхожденія и солидарности членовъ. Только когда это живое сознание со-

лидарности исчезаетъ, въ обществѣ обнаруживается личное преслѣдованіе каждымъ своего права, какъ это и видимъ въ явленіяхъ родовой мести. Господство самоуправства и самосуда, конечно, не могло не произвести общественнаго нестроенія и вотъ «вста родъ на родъ и быша усобица.»

Призваніе новой судебной власти въ видѣ княжеской, имѣло цѣлью вручить постороннему элементу, чуждому и потому безпристрастному къ мѣстнымъ взаимнымъ отношеніямъ, охраненіе внутренняго порядка и судебный разборъ. Эта власть, вслѣдствіе своего установившагося положенія, строго ограничивалась цѣлями призванія. Если бы княжеская власть обладала законодательной дѣятельностью, то тогда и власть судебная получила бы болѣе широкое значеніе, но, не имѣя законодательной опоры, послѣдняя должна была занять низкое положеніе. Оттого-то въ дѣятеляхъ судебного вѣдомства видимъ лицъ, не только не обладавшихъ общественнымъ значеніемъ, но даже изъ лицъ несвободнаго класса. Самое дѣло отправленія правосудія разсматривалось, какъ доходная статья князя. Въ качествѣ такого главнаго финансоваго характера, судъ и не могъ получить даже въ общихъ чертахъ должной организаціи, какъ судебного института. Не было опредѣленныхъ правъ и обязанностей судебныхъ органовъ, ни ихъ юрисдикцій.

Какъ доходная статья, какъ *кормленіе* — судъ отдавался, то учрежденіямъ (монастырямъ, церквамъ), то частнымъ лицамъ, то передача происходила въ полномъ объемѣ, то касалась только нѣсколькихъ сторонъ. Все высказанное ясно указываетъ на частный характеръ суда, несмотря даже на то, что, по основной природѣ своей, судъ — дѣло общественное. Самимъ современникамъ, судъ представлялся только частнымъ тягломъ и повинностью. «Изъ начальниковъ дружины они (князья) превратились въ вотчинниковъ, говоритъ г. Чичеринъ въ трудѣ своемъ объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), но характеръ управленія остался тотъ же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи

дохода княземъ и его слугами. Князь по прежнему имѣлъ право суда и дани. То было тягло, лежавшее на землѣ; всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ точно также, какъ суду и повинностямъ монастырскимъ подвергались всѣ жившіе на монастырскихъ земляхъ. Общимъ правиломъ было: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ.»

Слѣдовательно и обзорѣніе судебной стороны общественной жизни привело къ тому же убѣжденію въ совершенномъ отсутствіи государственнаго начала, какъ въ вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи, такъ и въ періодѣ московско-вотчинномъ.

DK 90 .P6
Moskovskoe kniazhestvo v I pol
Stanford University Libraries

3 6105 041 445 532

DK
90
P6

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493

grncirc@sulmail.stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

MAR 18 2001
MAR 17 2001

APR 14 2001
APR 15 2001

